

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕЗЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1949 Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

1. СООБЩЕНИЯ

ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА АКАДЕМИИ НАУК СССР, ПОСВЯЩЕННЫЙ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(март 1948 г.)

РАБОТА ПЛЕНУМА¹

Пленум Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, посвященный археологии Средней Азии, проходил в Ленинграде с 24 по 31 марта 1948 г. Работа пленума показала достижения советской археологии Средней Азии за последние годы и наметила пути дальнейшей деятельности. Всего состоялось 6 пленарных заседаний с 9-ю докладами и 9 секционных заседаний с 26-ю докладами. Пленум привлек широкое внимание научной общественности. Восемь городов прислали своих делегатов (Москва, Киев, Ташкент, Сталинабад, Алма-Ата, Фрунзе, Ашхабад, Самарканд). По всем докладам развернулись прения, показавшие большой интерес научной общественности к вопросам, поднятым на пленуме.

Открывая пленум, заведующий сектором археологии Средней Азии ИИМК член-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский указал, что в 1936 г., на первом пленуме по среднеазиатской археологии, были подведены первые итоги в области археологии, вступившей тогда на путь марксистско-ленинского понимания истории, т. е. на путь подлинной научной методологии. Тогда у нас было немало ошибок, но с упорством советских людей мы учились и, преодолевая свои недочеты, двигались вперед. Сейчас мы хорошо сознаем ту ответственность, которая лежит на нас, как на одном из активно работающих отрядов передовой советской науки.

В своей работе мы не отрываем археологию от истории. Мы, археологи-историки, хорошо сознаем, что в нашу задачу входит не только открытие новых интересных вещественных памятников культуры и искусства, но и изучение — на основе всей совокупности доступных нам источников и в первую очередь самих вещественных памятников — истории народов Средней Азии.

Следуя этим принципам, в докладах на пленуме были освещены результаты работ многочисленных экспедиций в Средней Азии и обсуждены актуальные проблемы советской археологической науки. С этой целью на пленуме был поставлен ряд докладов на теоретические темы: А. Н. Бернштама «Советская археология Средней Азии», С. П. Толстова «Вопросы периодизации древней истории Средней Азии» и «Основные проблемы эт-

¹ Составлено М. М. Дьяконовым по материалам пленума.

ногенеза народов Средней Азии», члена-корр. АН СССР А. Ю. Якубовского «Вопросы периодизации средневековой истории Средней Азии».

Развернувшиеся прения показали, что положения, затронутые в докладах, правильно осветили основные проблемы советской исторической науки. Отдельные вопросы оказались спорными: например, вопрос о времени окончательной победы феодального уклада и о границах переходного периода. Возражения вызвал и применяемый С. П. Толстовым термин «среднеазиатская античность» для эпохи господства патриархально-рабовладельческих отношений. Выступавшие полагали, что термин «античность» применим только для средиземноморского варианта рабовладельческой формации.

Доклад С. П. Толстова о проблемах этногенеза показал, что в этой труднейшей области исторической науки предстоит сделать еще очень много. Необходим тесный контакт между археологами, лингвистами, этнографами и антропологами, чтобы решить эту важнейшую проблему.

Кроме теоретических докладов, на пленарных заседаниях были прослушаны пять докладов о важнейших экспедиционных работах в Средней Азии за последние годы: А. Ю. Якубовского (Таджико-Согдийская экспедиция), С. П. Толстова (Хорезмская), члена-корр. АН КазССР А. Х. Маргулана (Центральноказахстанская), А. Н. Бернштама (Тяньшано-Алайская), А. И. Тереножкина (раскопки на Афрасиабе).

Доклады познакомили собравшихся с обширным новым материалом по истории материальной культуры, искусства и архитектуры народов Средней Азии, осветили ряд конкретных исторических вопросов, наметили широкие перспективы дальнейших работ и их проблематику.

На пленуме работали следующие секции: археологии первобытного общества (доклады П. И. Борисковского, А. П. Окладникова, С. С. Черникова и А. Н. Дальского), античной и дофеодальной археологии (доклады члена-корр. АН СССР К. В. Тревер, Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевича, А. И. Тереножкина, М. И. Вязьмитиной, С. А. Вязигина, М. М. Дьяконова и Л. И. Ремпеля), средневековой археологии (доклады А. М. Беленицкого, Е. И. Агеевой и М. М. Дьяконова), архитектуры (доклады члена-корр. Академии архитектуры Н. Б. Бакланова, Н. М. Бачинского, Б. В. Веймарна, В. Л. Ворониной, В. И. Пилявского, Н. В. Черкасовой), нумизматики и эпиграфики (доклады В. А. Крачковской, О. И. Смирновой и Н. Н. Забелиной) и археолого-этнографическая (доклады Е. М. Пещеревой и О. А. Сухаревой).

В сборнике печатаются авторефераты или тезисы большинства докладов. Не помещены рефераты тех докладов, которые уже напечатаны или будут изданы в ближайшее время в различных сборниках.

Закрывая заседания пленума, заведующий сектором археологии Средней Азии ИИМК член-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский подвел итоги работам пленума и пожелал успеха советским археологам Средней Азии в их дальнейшей работе.

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

А. Н. БЕРНШТАМ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

I

Особенностью среднеазиатской археологии в дооктябрьский период являлось ее историко-культурное направление. В изучении Средней Азии исторические труды преобладали над археологическими ввиду наличия богатейших фондов письменных источников, щедро вводившихся в научный обиход трудами крупнейшего востоковеда В. В. Бартольда. Самый беглый обзор истории археологической науки Средней Азии позволяет выделить два крупных этапа дооктябрьского и два этапа послеоктябрьского периода ее развития.

Истоки археологии Средней Азии восходят к XVIII в. и связаны с именами русских топографов Муравина и Гладышева, проектировавших дворец-ставку для казахского хана Абуль-Хайра и в связи с этим заинтересовавшихся развалинами Янгикента.

Ремезов (XVII в.) и Ренат (XVIII в.) положили начало периоду картографирования и регистрации археологических объектов; Муравин и Гладышев заложили основы описания памятников Средней Азии.

Начальный период первого этапа накопления археологических материалов зависел от случайных сборов. Это положение не исправляют сборы Голубева на Иссык-Куле (1859), Иванова на Тянь-Шане и в Семиречье, а также других исследователей в разных районах Средней Азии. Однако они подготовили второй период накопления археологических фактов, период более интенсивный, связанный со специальным изучением памятников. Период начинается с 1867 г. поездкой Лерха по Сыр-Дарье и Западному Семиречью, основанием Ташкентского музея в 1876 г. Но только через 20 лет создаются Самаркандский, затем Ферганский (1898) и Ашхабадский (1899) музеи. Приезд в Среднюю Азию Н. И. Веселовского (1885) положил начало раскопкам памятников специалистами; с этого времени устанавливается связь с Археологической комиссией (1886), несомненно активизировавшей местную инициативу. Раскопкам местных работников придается более научный характер, чем в годы раскопок на Афрасиабе Борзенкова (1874) или Крестовского (1883). Этот период был продолжен выдающимися русскими исследователями: Жуковским (1890) в Мерве, ныне г. Мары, и Бартольдом в Семиречье (1893—1894).

Поставив ясно выраженную цель — историческое изучение страны, русские ученые с первых дней своего появления в Средней Азии обратили внимание на памятники древности. На первый план выдвигались вопросы исторической топографии, географии и архитектуры, повысился интерес к нумизматике и эпиграфике.

Следует указать, что среди местной интеллигенции в городах Средней Азии рождался огромный интерес к археологическим памятникам — к курганам и тепе, к отдельным находкам. Появляются историко-культурные исследования, например статьи Граменицкого «О древних урочищах Средней Азии». Однако археологическая наука в Средней Азии стала на твердую почву только после работ Жуковского и Бартольда. Поэтому именно с этого времени, т. е. с 1893—1894 гг., должно быть отмечено начало второго этапа в дореволюционной среднеазиатской археологии. Этот этап с полным правом может быть назван «бартольдским». Труды Бартольда и установленная им научно-организационная связь между Петербургом и Ташкентом определили на долгое время пути развития археологии в Средней Азии. Достоинством его научного руководства было умение мобилизовать местные силы на более или менее планомерное археологическое обследование Средней Азии. В 1895 г. организовывается Туркестанский кружок любителей археологии в гор. Ташкенте, начинают выходить из печати его «Протоколы», заменившие случайные статьи «Туркестанских ведомостей», «Туркестанского курьера», отчасти «Закаспийских ведомостей», «Ферганских областных ведомостей», журналов типа «Средняя Азия», изданий статистических комитетов и т. п.

На этом этапе исследователи берут на себя серьезный труд сбора и сохранения археологических памятников, их изучения и публикации. Имена Пантусова, Пояркова, Фетисова, Каллаура, Остроумова, Пославского, Кастальского и многих других местных деятелей (инженеров, военных, ученых-садоводов и одновременно любителей-археологов) достаточно говорят о том, что это было время больших научных открытий: оссуариев Самарканда и Катта-Кургана; несколько раньше — несторианских кладбищ Семиречья, рунических текстов Таласа и т. п. На этом этапе зарождается начало более активной раскопчной деятельности, связанной, например, с изучением Афрасиаба (Бартольд, Дудин, Вяткин), с обследованием Бухарского оазиса (Зимин), с раскопками курганов в Семиречье, Отраре на Сыр-Дарье и т. д.

1900-е годы — это новый период бартольдского этапа среднеазиатской археологии. Он выражается в попытке сопоставления данных археологии с данными письменных источников, в попытках интерпретации вещи, изучения семантики орнамента, сюжета и т. д. Все это осуществляется на методически более высоком научном уровне. Крупным деятелем этого периода становится К. Иностранцев.

За положительными сторонами бартольдского этапа археологии Средней Азии нельзя не заметить и его отрицательных сторон. Будучи в общем позитивистом, Бартольд не избежал широко распространенного тогда взгляда на исторический процесс в Средней Азии как процесс периодических подъемов и упадков, где арийские народы рассматривались как главная пружина исторического развития. Тем самым, не будучи поклонником расистских теорий, он все же оставлял возможность для проникновения в науку расистских воззрений.

Правда, Бартольд всегда опротестовывал европейское высокомерие по отношению к азиатским народам. Его работы на тему «Восток и Запад», в свое время отмеченные Н. Я. Марром, — наглядное доказательство этому. Но по отношению к Востоку ему не чуждо было деление народов, основанное не столько на разных исторических ступенях их развития, сколько на иранском или тюркском их происхождении, точнее — на арийской или неарийской их принадлежности; наконец, он делил народы Средней Азии на основе пастушеского или земледельческого характера их хозяйства.

Положенная в основу исторической концепции Бартольда теория завоеваний и решающее для него значение внешних факторов культурных заимствований определили его периодизацию, в которой временами отдается дань

теории цикличности. Несмотря на то, что в ряде работ «молодого» и «старого» Бартольда есть много приемлемых нами отдельных методологических суждений, все же нельзя исключить из поля зрения и эти отрицательные моменты, характерные для его историко-методологических взглядов.

Естественно, что взгляды Бартольда не могли не повлиять на местных деятелей, которые наряду с использованием в трудах Бартольда прогрессивных его взглядов часто брали из его работ и отрицательные суждения об общественном развитии народов Средней Азии.

Не останавливаясь более подробно на общеметодологических вопросах, отметим, что в области методики среднеазиатская археология оставалась весьма слабой. Интерпретация памятника ограничивалась сопоставлением с данными письменных источников.

Датировку и выявление функции вещи, археологического предмета, лишенного надписи и слабо или совсем не отраженного в письменных источниках, среднеазиатские археологи пытаются провести только в отношении одного наиболее яркого комплекса «костехранилищ» зороастрийцев — астаданов. Вокруг них и несколько раньше вокруг терракоты рождаются работы, не чуждые стилистического и иконографического анализа, причем особое значение в этом направлении сыграли работы Иностранцева, своими блестящими «этюдами» показавшего образцовый пример исследования. Интересы Иностранцева, равно как и Бартольда, и, быть может, особенность материала, идущего из весьма ограниченных районов Средней Азии, определили характер и направление поисков этих этнокультурных связей; они вели к Переднему Востоку. Культура Переднего Востока (в широком смысле этого слова) была лучше изучена, чем среднеазиатская. В те годы наука знала уже памятники ахеменидов, барельефы и металл сасанидов, изученные на основе античных, ирано-византийских и арабских источников. Культура же Средней Азии домусульманского периода была представлена лишь узким кругом не всегда ярких памятников, а для средневековья — лишь архитектурой (да и то в основном тимуридской) и поливной посудой Самарканда. В связи с тем, что вопрос об уровне культуры определялся тогда монументальностью памятников и их количеством, среднеазиатские древности неправильно рассматривались в трудах ученых того времени как возникшие на периферии, окраине, к тому же якобы отсталой от великих цивилизаций Переднего Востока.

В западноевропейской буржуазной литературе того времени наличествовали и прямые высказывания в отношении древних периодов истории Средней Азии, подготовлявшие почву для профашистских концепций типа Стржиговского. Укажем, например, что участник экспедиции Пумпели Хантингтон в своей работе «Пульс Центральной Азии» искал объяснения истории Средней Азии в непосредственном влиянии географической среды, немаловажно действующей, по его мнению, в тысячелетиях без изменения. Историки типа Паркера и Раулинсона придавали решающую роль в истории Средней Азии — культурным воздействиям извне.

Напомним, что, по Раулинсону («Россия и Англия в Средней Азии»), историю Туркестана строили на основе скифских миграций внутри Туркестана и тюркских иммиграций с Востока и борьбе их с индоевропейцами Средней Азии.¹

Высокомерный взгляд на историю культуры Средней Азии был весьма свойственен буржуазной литературе того времени и более поздней. Это типично для работ Стейна с его концепцией о ведущем значении индоиранского мира, это характерно для работ Херрманна, видевшего в Средней Азии лишь участок торгового пути между цивилизациями Востока

¹ Henry Rawlinson. England and Russia in the East, London, 1875, стр. 249—250.

и Запада. Разве не урезал историческую роль культуры Средней Азии Герцфельд, разве эти концепции и им подобные в трудах позднейших систематиков типа Заррэ, Дица, Кюнеля и других не составляли единого, порой пренебрежительного, взгляда на культуру Средней Азии? А ведь эти взгляды долгое время определяли в значительной степени литературный кругозор среднеазиатских археологов.

Несколько более прогрессивными были взгляды историков и филологов, вроде Маркварта, Шаванна и Бенвениста, признававших порой историко-культурную роль народов Средней Азии в истории Востока.

Молодая археология Средней Азии, тесно сроднившись с историей, была менее связана с общими успехами русской археологии, не соприкасаясь с родственными отраслями знания, например с антропологией.

Мирное сочетание археологической разведки со служебными поездками если и способствовало знакомству с краем, то все же это знакомство было случайным, а недостаточные средства Ташкента и дотации центра уходили главным образом на Афрасиаб и отчасти Ташкентский оазис. Большая популярность Афрасиаба привела в конечном счете к тому, что в международных классификациях керамических изделий в разных «Islamische Kunst» нашла свое скромное место из археологических серий лишь саманидская керамика Афрасиаба, а в различных «Baukunst» — архитектурные памятники по существу только того же Самарканда.

Такова, за малыми исключениями, общая картина фактического и методологического состояния наследства советских археологов Средней Азии, полученного от дореволюционного периода.

II

Великая Октябрьская социалистическая революция привела к коренной перестройке археологической науки. Новое, внесенное Октябрем в археологические исследования в Средней Азии, характеризуется уже в первое время переходом от кустарщины и любительства к работе, организованной на научной основе: 1) создается Среднеазиатский университет, в частности восточный факультет; 2) организуется Узбекский комитет по охране памятников старины и искусства (Узкомстарис); 3) обеспечивается социалистическое планирование науки и тем самым закладывается фундамент для перестройки этой отрасли исторического знания на новых марксистско-ленинских началах консультациями и экспедициями, проводившимися из центра через советские научные организации Средней Азии.

Внешне мало было фактов, характеризующих начало перелома. Та же случайная тематика, то же господство афрасиабской керамики, те же традиционные архитектурные штудии, фактически долженствующие составлять особую и самостоятельную задачу исследования. Археология в Средней Азии оставалась еще подсобной наукой истории архитектуры и архитектурных реставраций.

В области собственно археологических задач решались частные, порой мелкие вопросы попутного характера при вскрытиях фундаментов, при очистке стен и т. д., но наряду с этим возникла серия обследований, связанных с изучением новых территорий и крупных исторических пунктов. В обоих случаях оставались старыми методические приемы, отсутствовала большая раскопачная работа, и археологическая деятельность ограничивалась, как правило, лишь фиксацией новых материалов, т. е. работы носили археологически экстенсивный характер. Следует, однако, отметить, что сильно возрос тот научный фундамент, на основе которого велась интерпретация археологических памятников. Здесь сказались лучшие традиции туркестанского кружка, хотя и не выходявшие за пределы историко-методологических установок Бартольда. Это был в общем послереволюционный

«бартольдowskiй» период. Лишь к концу 20-х и в начале 30-х годов начинаются в Средней Азии раскопочные работы с более совершенной методикой и не только в Мавераннахре, но и за его пределами.

Широкая творческая дискуссия по общим вопросам истории Средней Азии на основе новых конкретных фактов развернулась на пленуме ГАИМК в марте 1936 г. по докладам: С. П. Толстова «Основные вопросы периодизации докапиталистической истории Средней Азии», А. Ю. Якубовского «Основные вопросы истории Средней Азии до XVI в.», А. Н. Бернштама «Основные вопросы изучения турецких кочевых народов» и М. Е. Массона «Очередные задачи археологического изучения Средней Азии». Было бы преувеличением приписывать этому пленуму и его решениям законодательную или основополагающую силу. Многие в последующем периоде определялись активностью работников нового этапа археологии Средней Азии, но, несомненно, что горячо прошедшая дискуссия по научным и организационным вопросам была важнейшим импульсом к принципиально иным решениям задач в области археологии Средней Азии.

Что стало новым, принципиально иным в трудах советских археологов после этого периода?

1. Широкая рекогносцировка и большие стационарные исследования, обнаружившие огромный археологический материал.

2. Построение историко-археологических классификаций на основе лучших достижений советской археологии, т. е. с учетом полевых наблюдений (вопросы стратиграфии) и археологического анализа памятников.

3. Рассмотрение археологических памятников и комплексов находок с учетом широких культурно-исторических связей со странами Восточной Европы и Азиатского Севера, Центральной Азии и Дальнего Востока, с критическим отношением к паниранизму.

4. Превращение археологического материала в один из источников познания исторического развития общества Средней Азии.

Эти принципиально иные установки дали решающие результаты не только в развитии самой археологии, но и в решении проблем истории народов Средней Азии (история, история культуры, этногенез) и сопредельных стран. На характеристике этих сторон советской археологии Средней Азии и на обобщении важнейших результатов следует остановиться особо. Вряд ли нужно останавливаться на перечне имен и экспедиций, на важнейших датах выдающихся открытий за этот период. Это хорошо известно, и об этом неоднократно сообщалось в печати.

Историография советского периода археологии Средней Азии складывается не только из обстоятельных хроник-отчетов и рецензий почти обо всех главных работах, но и из сводок, итоговых статей к знаменательным датам СССР и отдельных союзных республик Средней Азии как в центральной, так и в местной печати. Напомним статьи Массона, Якубовского, Толстова, Тереножкина, Шишкина, Воронца, Бернштама и других.²

Этот доклад преследует другую цель: отметить наиболее типичное в нашей области науки и указать на важнейшие результаты, открывающие, с нашей точки зрения, новые перспективы.

Первой особенностью археологии Средней Азии был и остается, на новых методологических основах, ее историзм. В борьбе за историзм в археологии важнейшей задачей для археологов Средней Азии явилось сближение задач исследователя-историка и археолога; нужно было спуститься с цитадели в раскоп шахристана и рабада, изучать город не только на основе его топографии, но и заглянуть в его стратиграфию. Археологи Средней Азии порой были более вооружены в области истории, чем в области археологической методики.

² Библиографию этих сводок см. в нашей статье «Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет». ВДИ, 1947, № 3.

Второй особенностью археологии Средней Азии (наиболее трудной для археологического знания) было правильное понимание археологических памятников так называемого «исторического» периода. Происхождение памятников в большинстве случаев может быть понято лишь при изучении тех сложных культурно-исторических взаимоотношений, которые существовали у народов Средней Азии с другими народами. Здесь археологам необходим анализ письменных источников и знание восточных языков.

Археология Средней Азии советского периода развивалась прежде всего путем обследования широкими площадями и стационарными раскопками на отдельных типичных памятниках (Хорезм, Семиречье, Согд, Ташкент, Бухарский оазис, Термез). Это обеспечило постановку важнейших проблем современной археологии, истории культуры и этногенеза.

На территориях, обследованных археологически и хорошо освещенных данными письменных источников, возникли многолетние стационарные работы. Типичные для среднеазиатской археологии, они возникали в результате региональных обследований для решения большой археологической проблемы на широком историческом фоне (Тали-Барзу, Афрасиаб, Термез, Варахша, Тараз, Топрак-Кала, Ниса).

Среднеазиатская археология тесно увязана и с сопредельными областями знания естественноисторического цикла, в частности с антропологией, а также с геологией, почвоведением и др. В Средней Азии это имеет особо важное значение. Относительная молодость естественноисторических процессов, происходящих порой на глазах современников (движение песков, лёссовобразование, камнепады и изменение русел рек, образование такыров и т. д.), сталкивает археолога Средней Азии, занимающегося не только глубокой древностью, но и античным и средневековым периодами, с необходимостью быть в курсе важнейших достижений этих смежных отраслей знания. Эти же обстоятельства порождают необходимость выработки специфической археологической методики для исследования на древних поселениях строительных остатков, сделанных из сырца.

Благоприятные условия, в которых развивалась археология Средней Азии за последние двенадцать лет, обеспеченность значительными материальными средствами для производства широко поставленных экспедиций, поддержка, оказанная ей местными научными учреждениями и правительственными организациями,— позволили ей в краткий срок достигнуть значительных научных результатов.

Приведем примерные и далеко не полные данные. За советский период, главным образом за последние 12 лет, на территории Средней Азии было осуществлено 16 крупных стационарных раскопок поселений, из них 5 свыше двух лет, 2 — свыше пяти лет (Ниса и Афрасиаб).

С 1940 г. было проведено 8 экспедиций археологического надзора на новостройках с объемом работ свыше 10 млн. куб. метров земляных работ и протяжением в сотни километров. Длина каналов Ферганы и Киргизии, где вскрыты были древние памятники, больше пути от Москвы до Ленинграда. Крупных раскопок (не менее 100 м²) было 18 на поселениях и 6 на могильниках. Всего было проведено 57 крупных раскопочных мероприятий (рис. 1). Речь идет не столько о количественном накоплении материала, пополнении фондов местных и центральных музеев или даже создании новых музеев или отделов на основе добытых материалов, сколько о постановке и решении кардинальных вопросов истории, истории культуры и этногенеза народов Средней Азии. Эти экспедиции дали материал для пересмотра традиционных представлений об истории не только Средней Азии, но иногда и сопредельных территорий. Важнейшие результаты и подлежат сейчас нашему рассмотрению.

За эти годы были существенно расширены хронологические границы археологии Средней Азии. Если до Великой Октябрьской революции эти

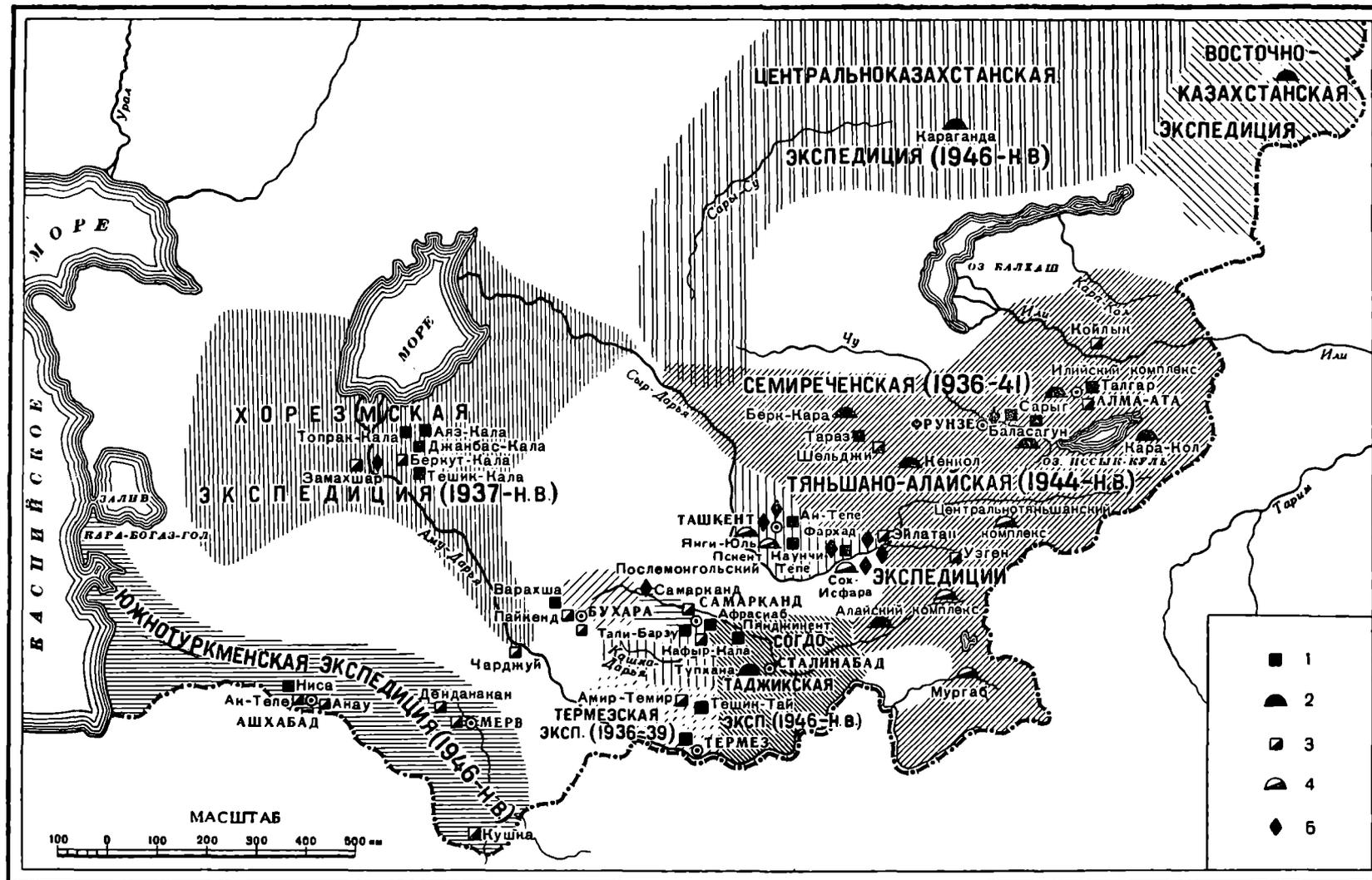

Рис. 1. Схематическая карта основных экспедиций, территорий разведок главнейших стационаров, разведочных раскопок в Средней Азии за советский период

1 — стационарные раскопки на поселениях (не менее двух лет); 2 — стационары по раскопкам могильников и курганов (не менее 10 вскрытых погребений); 3 — раскопки разведочного типа на поселениях (не менее 10 м²); 4 — раскопки разведочного типа по курганам (не менее пяти вскрытых погребений); 5 — археологические наблюдения на новостройках

хронологические границы в основном были заключены в рамках IX—XVI вв., в редких и отдельных случаях уходили вглубь к рубежу нашей эры и в виде исключения достигали (иногда не осознанно) неолита и эпохи бронзы, то теперь почти на всей территории Средней Азии период — от эпохи бронзы до тимуридов — стал предметом постоянного исследования. Резко увеличилось местонахождение позднего неолита и впервые открыт палеолит, во всяком случае — средний. Поэтому, вместо истории культуры восьми столетий, археологам Средней Азии стали теперь известны материалы за пятьдесят тысячелетий. А это значит, что археологи Средней Азии столкнулись с задачами освещения всех докапиталистических общественных формаций, начиная с первобытно-общинной, что они и решали в серии специальных работ, отразив основные выводы в печати.

Впервые были поставлены исследования эпохи палеолита, увенчавшиеся исключительными открытиями А. П. Окладникова в гроте Тешик-Таш. Наряду с ранним Анау С. П. Толстовым сделаны открытия кельтеминарской культуры и Б. А. Латыниным в Фергане культуры типа Эйлатан. Бронза и начало железа выступили в южносибирском варианте, дошедшем до Ташкента, и в хорезмийских проявлениях тазабагьябской, суярганской и амирабадской культур. Племена среднеазиатских скифов теперь могут быть освещены не только по Бехистунской надписи и описаниям Геродота и его греко-римским перепевам; скифские древности известны теперь не только по втульчатым бронзовым стрелам, но обнаружены и в курганах Семиречья и по горным узлам Средней Азии: в Тянь-Шане, Алае, Памире, Фергане и на Кара-Тау. Впервые может быть изучена во всем разнобразии античная культура Средней Азии, особенно блестяще представленная в результате работ Хорезмской экспедиции, а также раскопками на Афрасиабе, в Термезе и в других местах.

Наряду с этими достижениями существенно изменилась картина региональных обследований. Еще в 1936 г. на пленуме ГАИМК в докладе М. Е. Массона была поставлена задача сплошного археологического обследования Средней Азии и составления археологической карты.

Ныне почти вся территория Средней Азии — от приаральских песков до ледников Тяньшань-Алая и Памира — покрыта сетью маршрутов специальных экспедиций протяженностью в несколько десятков тысяч километров. Создана основная канва археологической карты Средней Азии; не будет преувеличением сказать, что близится к концу съемка археологической карты Средней Азии (включая Южный Казахстан). Это значит, что в основном обследована территория свыше 1200 тыс. кв. километров, что в два раза с лишним больше территории Франции, а с работами в Южном Казахстане и Семиречье это составит площадь, равную половине Европейской части СССР (без Кавказа). Во многих районах произведена и микро-съемка. Все эти работы ставят перед нами вполне реальную задачу составления археологической карты Средней Азии и приближают нас к составлению историко-географического атласа Средней Азии.

Широким размахом археологических разведок позволяет выделить ведущие районы со своим самобытным лицом, со своей цивилизацией, районы «буферные» и районы синкретических цивилизаций. Ясно выделился, наряду с Согдом, в среднеазиатском Междуречье, прежде всего Хорезм, затем Тохаристан, Фергана и Парфия; вырисовываются силуэты «буферных» районов типа Ташкентского оазиса и средней Сыр-Дарьи, районы синкретических цивилизаций типа Семиречья. Это не значит, что последние два типа не обладают своим самобытным лицом, но они больше, чем другие, впитали в себя культурные воздействия востока и запада Азии (и не только Азии); будучи издревле заселенными кочевниками, они легче впитывали и меньше растворяли в своей среде явления иной культуры. В этом отношении особенно показательны Семиречье I тысячелетия н. э.

Среднеазиатские цивилизации не всегда удерживали свою самобытность, времена наступали периоды их наибольшего культурного сближения с другими центрами той же Средней Азии, своими соседями, причем для древности эти сближения идут по руслу великих рек Средней Азии. Античный Хорезм в кушанский период ближе к крепостям Вахана на Памире и ранним тепе Ферганы, чем к Согду Зеравшана VI—VIII вв. Согд порой ближе к памятникам Чуйской долины, чем к городищам Средней Сыр-Дарьи или Ферганы.

Выявление местной культурной самобытности — один из важнейших результатов широких региональных обследований. Он позволил наметить на основе археологической карты те культурные комплексы, которые, будучи связаны между собой в хронологическом отношении, намечают этнические группировки, выступая как важнейший показатель путей этногенеза. Эти региональные обследования позволили выделить действительно типичное для отдельных районов, а не случайное, что и привело археологов к констатации ведущих археологических серий в отдельных территориях, к установлению классификационных схем, часто с точными, а не только относительными данными, созданными уже для ряда областей: Хорезм, Семиречье, Афрасиаб, Согд, Ташкентский оазис, Фергана. А без этих классификаций археология Средней Азии существовать не может.

Античный период теперь представлен такими опорными комплексами, как культура городищ с жилыми стенами, как культуры кашка-дарьинская и даваньская, раннеталибарзуйская, кангюйская, тохарская, парфянская, бургулюкская, ширинсайская, сакоусуньская и культура кенкольского типа, культура Каунчи, кушанская в вариантах, которые различаются в деталях на территории от Хорезма до Термеза и Вахана и по Сыр-Дарье от Арала до Ферганского хребта.

Укажем, что для VI—VIII вв. имеется следующая номенклатура культур: кафыркалинская, кушано-афригидская и позднеафригидская, айритамская, культура кушанских тепе Ферганы, актепинская Ташкентского оазиса, сукулукская Чуйской долины, варахшинская и другие.

Намечается археологическая номенклатура и для средневековья, особенно для отдельных периодов, например караханидо-сельджукского, который представлен такими великолепными комплексами и культурами, как термезская, баласагунская, каракитайская, бозсуйская, афрасиабская, хорезмшахская, узгенская, фархадская, сельджукская (копетдагская), сукулукская II, таразская и т. п.

Одна из насущных задач среднеазиатской археологии — создание обобщающего труда для всего этого материала. Необходимы не только классификационные хронологические схемы, но и координационные таблицы и карты. Карты с проведением изокульт (линий, соединяющих районы с одинаковыми культурными комплексами) должны отразить различные в разные эпохи культурные соотношения отдельных областей Средней Азии, зачастую меняющиеся в зависимости от слагающихся исторических условий.

Сумма таких классификаций, координационных таблиц и исторических карт с изокультами, в сопоставлении с лингвистическими картами и изоглоссами (линиями, отмечающими районы распространения одинаковых диалектов и языков) дают твердую поддержку исследователю, ставящему вопросы этногенеза. Итоги интенсивных работ в этой области позволили уже в 1942 г. С. П. Толстову выдвинуть весьма реальную схему этногонии Средней Азии, развиваемую и дополняемую другими исследователями по отдельным районам. Материалы эти частично опубликованы, и нет смысла на этом сейчас задерживаться. Напомним только, что в основе казахского этногенеза лежат сакские племена и завершается этот процесс формированием народности в эпоху монгольских государств и ханств; в основе

киргизского — динлино-усуньские и древне кыргызские племена; узбекского — сако-согдийские племенные массивы и караханидское государство; таджикского — согдийские и бактрийские племена и государство саманидов; для туркмен — дае-массагето-аланские конфедерации и огузские государства; для каракалпаков — те же по существу племена и печенежское государство.

Если для изучения государств, сыгравших значительную роль в национальном оформлении, имеют ведущее значение письменные источники, то для времен складывания этнических групп, этнических пра- и протоплемен современных народностей особое значение имеют археологические данные, собранные в последнее десятилетие и освещенные советской археологией.

Предпосылки развития советской археологии Средней Азии определили и другие ее результаты. Речь идет об установлении исторических, хозяйственных и этнокультурных связей. Напомним некоторые положения из этой области.

Ныне доказана для древнейшего периода истории органическая связь племен и народов Средней Азии с древними племенами других областей СССР. Восточноевропейские связи теперь могут быть установлены не только для монгольского времени; они выступают и в культуре эпохи неолита типа кельтеминар, и в хорезмийских аналогиях росписей причерноморских катакомб Пантикапея римского периода, и в единстве сарматского Поволжья с Кенколом Тянь-Шаня, и в родстве массагето-аланского облика Каунчи с Прикубаньем, и в десятках других фактов. Эти научные положения не толкнут нас на признание теории миграций. Речь идет о расширении нашего исторического кругозора, о более широком понимании исторически складывающихся этнокультурных единств. Гигантские объединения могли возникать, потому что они опирались зачастую на издавна складывающиеся этнокультурные общности. Фрако-иллирийские связи с среднеазиатскими этническими и культурными элементами (тохары), усуньская взаимосвязь и другие архаические этнокультурные и стадийные взаимосвязи, яфетические параллели Кавказу в Припамирье — все это цикл особо важных явлений.

Археология Средней Азии — дело не только среднеазиатских археологов и историков. Ясно очерчены и линии связи с Южной Сибирью, где наши открытия развили отдельные наблюдения предшественников. Если раньше самостоятельно существовали заключения Н. Я. Марра о стадийном родстве хеттов Малой Азии и кетов Енисея или мнения С. А. Теплоухова о юго-западных связях афанасьевских племен, то теперь эти связи могут быть подкреплены данными кельтеминарской культуры. Среднеазиатский вариант южносибирской бронзы воспринял и западные элементы, идущие от Урала, и выявил различия, начинающиеся в Согде и встречающиеся западнее. Южносибирские связи подтверждаются данными этногенеза, памятниками скифской культуры, енисейско-алтайскими и тяньшанскими аналогиями эпохи VI—VIII вв. и распространенностью балбалов кочкорского клада Тянь-Шаня с Копенским чаатасом Енисея, наборами сбруйных украшений и многим другим.

Из Южной Сибири проникали в Среднюю Азию тюркские элементы и население монголоидного облика; восточные культурно-этнические проникновения — это прежде всего южносибирские, а затем центральноазиатские.

Особо должны быть выделены связи Средней Азии и Кавказа. Подобно тому как античные авторы путали Танаис с Сыр-Дарьей, они продолжали Кавказ до глубинной Азии. И в этих ошибках содержатся зерна исторической правды. Исследования нашего коллектива показали, что массагето-аланское посредство обеспечивало этнокультурные связи среднеазиатского междуречья и Дона — Кубани, а новые археологические открытия в Пами-

ро-Алайском-горном узле говорят о родстве яфетического Кавказа и Припамирья (о чем писал и Н. Я. Марр). Археолого-этнографические данные Западного Памира, в частности Вахана и Шугнана, показали историко-культурное сходство каменных кладок кушано-эфталитских крепостей, тип горного земледелия и пастушества, разительную идентичность очага и конструкции жилища, в частности потолка, ягнобского «куча», памирского «рузан», армянского «ердик».

В средние века (XIV в.) известно имя армянского епископа Иоанна в Чуйской долине. Тот же XIV век отмечает армянский монастырь на Иссык-Куле; в свете этих фактов хочется видеть в мавзолеях с зонтичными куполами от Шейх-Шереф ад-Дина в Хорезме до Бабаджи-Хатун на Таласе руку армянского зодчего. О Средней Азии и Кавказе в письменных свидетельствах мы узнаем из описаний гунно-тюрков и эпохи ранних хазар у Моисея Хоренского и Моисея Каганкатуйского; для более раннего периода — это кушаны-хепталы Фавста Византийского, Лазаря Парпского, Себеоса и других. В археолого-этнографических фактах кроется огромный источник познания этих реальных связей. Суть не только в стадильности и древних торгово-политических коммуникациях. Очевидно, в кушано-эфталитский период и Закавказье какой-то своей частью было включено в эту обширную территорию этнокультурных связей, где не Копет-Даг или Каспий, а, быть может, Арарат или берег Черного моря был западной границей реальных и активных связей.

Не менее активны были связи Средней Азии с азиатским югом и востоком. Полоса государства от Монголии и Китая через Синьцзян, Афганистан и Индию доходила до Ирана и Малой Азии. В глубоких по времени воспоминаниях о процессах арийского завоевания индоиранского мира все ярче вырисовываются силуэты пастухов Средней Азии. Агрессия ахеменидских царей и стремление к «мировому» господству Александра Македонского потерпели крах в пустынях и долинах Средней Азии. Ширавики и спитамены опирались на большую силу среднеазиатских племен Яксарта и т. д.

Эти этапы в истории племен и народов Средней Азии, а также результаты больших археологических изысканий по домусульманскому периоду истории Средней Азии утвердили в исследованиях среднеазиатских археологов положение о том, что народы Средней Азии были не объектом, а активным субъектом исторического процесса, что культура Средней Азии была не ниже, а порой выше культуры сопредельных стран, что в эпоху «скифского тысячелетия» она была не только соперником Афганистана, но именно из Средней Азии распространялись культурные ценности в Таримскую долину, Монгольские степи, Иранское плоскогорье. Новыми археологическими материалами доказывается, что синкретическому искусству Гандары не уступали фрески и статуи Топрак-Калы, а перед миранскими статуями и фресками Турфана и Кучара не меркнут рельефы и росписи Варахши.

Учитывая историческую роль народов Средней Азии в поддержке демократических и антиколониционных движений народов зарубежных стран, а также и то, что создавшиеся крупнейшие государства Востока, объединявшие население огромных территорий с различными творческими дарованиями, имели свои центры в Средней Азии (кушаны, эфталиты, тюрки, караханиды, тимуриды), значение народов Средней Азии в истории Востока становится особенно ясным и значительным. Если прежде непременным условием успешной работы по истории Средней Азии было знание арабского и персидского языков, сохраняющих до сих пор свою силу для средних веков, то теперь выступает все с большей и большей силой требование знания китайского и греческого, латинского и сирийского, армянского и сакского, тохарского и санскритского, тюркских и мон-

гольских, пехлеви и согдийского; назревает потребность в знании тибетского и других языков. Мы подняли в своих изысканиях и раскопках пласты, отражающие культуру этих народов, мы должны освещать роль и значение наших народов в истории этих территорий.

Только в свете археологических фактов возможен историко-культурный рисунок доисламского периода и уточнение его периодизации. Только в свете археологических фактов выступила сако-массагетская среда и ее самобытность, ярче выявилась территория кушанского государства по топографии поселений; а благодаря терракотам, воспроизводящим античные модели, ордерам колонн, черепкам типа terra sigillata, равно как и ряду других явлений, созрели наши представления о среднеазиатском эллинизме. Эти археологические факты помогли мобилизовать данные письменных источников для изучения тюрко-иранских взаимоотношений, в частности согдийских переселений, и намечают характеристику тюрко-иранской среды Сыр-Дарьи. Все это позволило выдвинуть ряд предложений по периодизации древней истории как отдельных областей, так и Средней Азии в целом, нашедших свое отражение в печати. Главное из этих достижений — это утверждение тезиса о том, что доисламский период есть период господства патриархально-рабовладельческих и рабовладельческих отношений. Нанесен решающий удар теории извечного феодализма в Средней Азии.

В настоящее время советская археология Средней Азии все больше привлекает внимание зарубежной науки. Ею интересуются, многие журналы пытаются информировать научную общественность Запада о ее достижениях. Признаются ее достижения и успехи, и, естественно, замалчиваются исторические выводы. Игнорирование же исторических выводов советских археологов типично для основных современных исторических монографий за рубежом, посвященных Востоку и долженствующих учитывать материалы по Средней Азии. Это типично, например, для Тарна и Говерна. Возрождение теорий от Раулинсона до Эд. Мейера, теорий внешних факторов и теории цикличности, не говоря уже о фашистском и профашистском мракобесии, обязывает нас не забывать о критической работе в этом плане. Мы далеки от теорий Ростовцева о «буржуазии» и «пролетариате» в античности и восточном эллинизме, «окрепших» на раскопках Дура Европос, и вряд ли кто теперь серьезно верит в исключительно македонский генезис городов Средней Азии, — мысль, проводимая в трудах Тарна, — хотя не исключены влияния и этих теорий, но у нас не ликвидированы еще теории о кочевниках и земледельцах, как о взаимно исключаящих друг друга двух культурах. Мы не можем жаловаться на слабое знакомство историков-археологов Средней Азии с иностранной литературой, но вызывает сожаление частое забвение наблюдений советских исследователей.

Пусть оправданием этому, надеемся — временному, явлению будет разбросанность наших заметок и отчетов (правда, появляющихся во всех почти исторических органах и сборниках гуманитарного цикла) и отсутствие больших специальных монографий и сводок. Будем надеяться, что с появлением монографий и сводок этот недостаток будет изжит.

Археология Средней Азии развивается как историческая наука, впитавшая в себя лучшие традиции русского и советского востоковедения. Археология Средней Азии — наука в известном смысле комплексная. В этом ее типическая черта и объяснение ее несомненных достоинств и достижений. Историзм и марровский принцип комплексности должны и впредь составлять основной критерий ценности публикаций и исследований по археологическим вопросам. Из сказанного ясны наши недостатки не только организационные, например недостаточная насыщенность местных учреждений высококвалифицированными кадрами. Основным нашим недостатком является слабое собственно-археологическое толкование наблюдае-

мых фактов, отсутствие систематизации, малое общение и отсутствие координации действий, что затрудняет творческую критику и справедливую оценку, составление необходимых сводок и учебников, а тем самым широкую реализацию добытого в исторической науке. Мы порой имеем материал без концепции или неаргументированные концепции. Эти препятствия должны быть преодолены и, несомненно, будут преодолены.

Партия и советское правительство многое дали и дают науке. Достигнутые успехи открыли перед советскими археологами новые, неисчерпаемые перспективы творческого труда. Материалы, накопленные за эти годы, требуют пристального и внимательного анализа и синтеза, серьезной и вдумчивой критики. Сделано главное во всяком начале большого труда — начата плановая работа, обеспечивающая строительство немаловажной отрасли исторического знания. Мы стоим на пороге нового этапа, где особое значение приобретает идеологическая подготовленность наших ученых, в свете последних решений партии по идеологическим вопросам, в свете учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. В этом суть нашей научной ответственности, в этом содержание последующей работы.

С. П. ТОЛСТОВ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

Дискуссия по вопросам периодизации истории Средней Азии, проходившая на сессии ГАИМК в 1936 г., сыграла значительную роль в развитии наших представлений о древнем периоде истории Средней Азии. Дискуссия выявила наличие новой, тогда еще недостаточно подкрепленной фактическим материалом, точки зрения, находившейся в противоречии с общепризнанными к тому времени представлениями о характере и содержании древней истории Средней Азии.

Представленные нами тогда (а частью еще ранее — на среднеазиатской сессии ГАИМК в 1933 г.²) соображения могли быть подвергнуты обсуждению на очень узкой источниковедческой базе. Известно, какими скудными и отрывочными являлись тогда и являются сейчас письменные свидетельства об истории среднеазиатских народов до периода арабского завоевания. Однако это положение не является чем-то исключительным. Переход от античности к средневековью везде ознаменовался варварскими нашествиями, крупными социально-политическими сдвигами, одним из последствий чего была массовая гибель древних литературных источников. Мы знаем, что и от античной Греции и Рима дошло не так много, по сравнению с тем, что было создано античной литературой.

Что касается древнего «классического Востока», стран древней Передней Азии, то до развертывания больших археологических работ начала XIX в. европейская наука знала о Египте, Ассирии, Вавилонии немногим больше того, что нам было известно о древней истории Средней Азии 10—15 лет назад.

За 150 лет развития археологических работ в странах Ближнего Востока картина сильно изменилась. За эти годы добыт огромный вещественный, эпиграфический и актово-документальный материал, который позволил новыми глазами взглянуть на древнюю историю этих стран. То, что сейчас является достоянием каждого школьника младших классов, каждого грамотного человека, создано археологической наукой в течение 150 лет изучения истории стран древнего Востока.

Средняя Азия в эпоху перехода от древности к средневековью не избежала такой же катастрофы. Средневековые хроники сохранили много сведений об уничтоженной арабскими варварами древней литературе народов Средней Азии, лишь жалкие обрывки которой дошли до нас в отражении арабо-персидских авторов. Но опыт изучения древнего Востока позволял нам не отчаиваться. Недостаток литературных источников заставлял нас

¹ Сокращенная стенограмма доклада на Среднеазиатском пленуме ИИМК 1948 года.

² См. наш доклад «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах». Сб. «Проблемы генезиса и развития феодализма». Изд. ГАИМК. Л., 1934.

видеть в археологических работах основной путь к разрешению стоявших перед нами проблем.

Прошедшие 12 лет, в том числе четыре года Великой Отечественной войны, когда работы хотя и продолжались, но были значительно свернуты, принесли коренные изменения в наших исследованиях; накоплен огромный новый материал.

Исследования получили принципиально новый характер, приобрели широкий территориальный и хронологический охват. За эти годы развернули свои работы длительные стационарные и обследовательские экспедиции, подвергнуты раскопкам многие памятники «доарабской» истории Средней Азии в Южной Туркмении, Термезе, Семиречье, Хорезме, на Нижнем Зеравшане, в Согде и Бактрии.

Археологи Средней Азии почти не имели наследства. Дореволюционная археология Средней Азии стояла еще на очень примитивной ступени развития. Там, где наши коллеги, советские исследователи других областей археологии, продолжали достаточно серьезные и славные традиции русской дореволюционной археологии, мы в меньшей мере были связаны традициями, так как их по существу и не было. Это, конечно, являлось одной из трудностей нашей работы. Но в некоторых отношениях это было и преимуществом. Может быть, именно потому, что мы меньше были связаны с традициями и нам, по существу, приходилось начинать сначала, мы сумели, внимательно учась у наших старших товарищей, советских археологов, специалистов по археологии более исследованных областей Советского Союза, с большей полнотой выявить специфические особенности советской археологической школы как школы исторической, историко-материалистической.

Организация работ и ее широкий масштаб, плановый характер, огромный территориальный охват и другие признаки свойственны в наибольшей мере именно советской археологической науке в Средней Азии, где нам необходимо было догнать своих товарищей и покрыть исследованиями белые пятна на карте. Археологические исследования, естественно, развертывались здесь быстрее, чем в других областях Советского Союза.

Сейчас мы располагаем обширнейшим материалом, позволяющим приступить к составлению археологической карты Средней Азии. Работы отдельных экспедиций почти сомкнулись, покрыв обследовательскими маршрутами почти всю территорию Средней Азии. Большая часть экспедиций работала как экспедиции комплексные, ставившие всю совокупность археологических проблем. Это единство работы позволило уловить то, что могло ускользнуть, если бы работы развертывались изолированно, ставились отдельными, независимыми друг от друга группами специалистов по различным историческим эпохам.

Правда, значительная часть материалов еще не опубликована. Но предварительные отчеты, появившиеся на страницах печати, позволяют взаимно проверить друг друга и опираться не только на материалы своих собственных исследований, но и на материалы всего сомкнутого фронта работ советских археологов.

Последние годы принесли новые технические приемы в организацию исследований. Начиная с 1946 г. в Хорезмской экспедиции была применена авиация как важное средство археологических работ. Это дало возможность еще более сократить сроки обследования территорий Средней Азии, открыло пути к быстрому достижению таких памятников, до которых мы годами добирались бы при иных условиях. Изучение памятников при помощи авиации открыло новые перспективы, дало возможность добиться колоссальнейшей экономии сил и средств, громадного сокращения сроков исследований. Одним словом, за короткий срок накоплен материал, который не просто вносит новые детали, а совершенно перевертывает наши представления о домусульманской истории Средней Азии.

Сейчас наши знания находятся на совершенно ином этапе развития, чем в 1936 г. И это позволяет вернуться к проблеме периодизации древней истории Средней Азии с позиций нового состояния наших источников, источников археологических, о которых в 1936 г. мы почти совершенно вынуждены были молчать.³

Наследство, с которым мы начали работать над древней историей Средней Азии, было более чем скромным; его почти не было. Не было не только среднеазиатской археологической школы, не было, в применении к «домусульманскому периоду», и исторической школы. Научные интересы корифея русского исторического востоковедения В. В. Бартольда по существу не шли глубже VII в. н. э.— времени начала арабского завоевания Средней Азии. Но если не было ни археологической, ни исторической школы в этих вопросах, то было не мало псевдоисторических концепций. Работ по древней истории Средней Азии было порядочно. Конечно, ни количественно, ни качественно они не могут идти в сравнение с теми, которые были написаны по истории других областей древнего мира, но в абсолютном выражении их было не так мало.

Мы ценим историко-географические, хронологические и другие источниковедческие труды наших предшественников, русских и зарубежных, хотя отрывочный характер используемых источников делал их весьма спорными. Но, когда на базе этих скудных материалов, на базе немарксистской исторической методологии воздвигались широкие концепции, в которых не было недостатка, это было уже достаточно плохо, достаточно печальным остается положение и сейчас в зарубежной исторической литературе, затрагивающей в той или иной мере вопросы древней истории Средней Азии.

Что можно сказать об этих течениях? Собственно говоря, их можно охарактеризовать двумя положениями. Первое заключается в представлении о неподвижности, принципиальной неизменности общественной базы исторического процесса в Средней Азии на всем его протяжении — с древнейших времен и вплоть до Октябрьской революции. Это — застойный, не переживающий принципиальных изменений, какой-то своеобразный азиатский феодальный строй, всегда сопровождающийся таким же бесперспективным, не создающим никакого движения «торговым капитализмом».

Вот те черты, которыми характеризуется не только древняя, но и вся история Средней Азии в трудах буржуазных ученых. В этой концепции есть элементы циклизма, отражение влияния таких всемирно-исторических концепций, как концепции Эдуарда Мейера, а в последнее время — Ростовцева.

История VI—IV вв. до н. э. рисовалась буржуазными авторами как картина феодального строя, по существу не отличавшегося от строя бухарского эмирата XIX в. В 1938 г. вышла работа английского исследователя Тарна о Греко-бактрийском царстве. Что мы узнаем у него об общественном строе древней Средней Азии? Мы читаем о феодальных «баронах» и «лордах» IV в. до н. э., о феодальной аристократии массагетских племен, о крепостных крестьянах Согды и Бактрии, живших у стен грозных замков феодальных «лордов» и «баронов» во времена Александра Македонского.⁴

Известно, что и в русской послереволюционной литературе аналогичная точка зрения имела свое отражение. Нельзя отрицать, что в современной буржуазной историографии признаются какие-то элементы исторических изменений, пережитых в свое время народами Средней Азии. Но к чему это сводится? Как правило, это сводится к появлению новых племен, новых завоевателей с присущими им новыми формами общественной органи-

³ Анализ всей совокупности свидетельств письменных источников об общественном строе древней Средней Азии см. в нашей работе «Тирания Абура», ИЗ, № 3, 1938 г.

⁴ W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, стр. 32, 33.

зации. Проблемы социального прогресса, проблемы общественного развития и классовой борьбы подменяются проблемами борьбы различных народов и рас, а различные формы общественного строя рассматриваются как расовые особенности, специфически, исконно присущие различным народам.

Например, Герцфельд, обнаружив у саков Сакастана во II в. до н. э. элементы матриархата и патриархата, рассматривает это как столкновение арийцев-саков — исконных носителей патриархальных отношений — с доарийским населением — носителем матриархальных традиций.⁵ Проблема перехода от одной формы родовой организации к другой, являющаяся одной из центральных проблем истории родового строя его последних этапов, подменяется проблемой столкновения двух рас.

В той же книге Тарна отмечены факты наличия в Средней Азии древних времен явлений, свойственных античному обществу. Это не укладывается в его концепцию. Но как объясняет это Тарн? Это, говорит он, элементы, занесенные сюда греко-македонскими завоевателями. Они принесли традиции античной общественной организации в Среднюю Азию. С ними вместе на смену феодальным «баронам» и «лордам», а также аморфной массе крепостных крестьян пришли органы «квазиавтономной городской общины» античного типа. Мудрой политике Евтидема в Бактрии он приписывает этот синтез феодализма и античных учреждений.

Надо ли говорить о том, что перед нами представления, ничего общего не имеющие с подлинной наукой, очень недалекие от расизма? Недаром Тарн ассоциирует явления истории древней Азии с явлениями действительности сегодняшнего дня в колониях Англии в Африке. В Евкратиде и других деятелях Греко-Бактрии он видит прообраз основателей Британской империи. Перед нами — попытка перенести в далекое прошлое ложные представления о культуртрегерской роли современного империализма в колониях, о невозможности для народов колоний без «руководства» империалистов, подкрепляемого вооруженной рукой, выйти из застойного и бесперспективного быта, свойственного якобы народам Востока.

Аналогичная концепция находит широкое отражение в последних произведениях, выходящих в Америке. Американская историческая литература последнего десятилетия характеризуется большой склонностью к широким «всемирно-историческим» обобщениям — черта, раньше не свойственная американской литературе. Это направление, естественно, связано с новой ролью, которую пытается играть сейчас во всем мире реакционная монополистическая буржуазия США. И здесь мы узнаем из ряда сочинений, что только один центр в мире — античный средиземноморский — являлся «панэйкуменальным» центром культурного развития. Наследство этой «панэйкуменальной» культуры шло к западноевропейским народам (и далее — к американцам) и развивается в так называемой западной культуре сегодняшних дней, культуре, которая служит идеологическим обоснованием для создающихся «западных блоков» (антисоветское острие которых ясно). Западная Европа на протяжении всей истории человечества рисуется, таким образом, как единственный центр прогрессивного движения и светоч мировой цивилизации. Развитие остальных народов рассматривается лишь как результат влияния со стороны этой «панэйкуменальной» цивилизации.

Так рисует дело известный американский этнограф и историк культуры Крёбер в своей книге «Конфигурация культурного расцвета». Особенно отчетливо это антисоветское острие выступило в его лекции о «панэйкуменальной культуре», прочитанной в Лондоне, лекции, которая пропагандируется сейчас английскими реакционерами.⁶

⁵ E. Herzfeld and A. Keith. Iran as a Prehistoric. Centre. Survey of Persian Art. I, стр. 48, ср. аналогичные рассуждения у Тарна, цит. соч., стр. 115—116 и др.

⁶ См. журнал «Мир», 1947, № 1.

Мы видим, что представление о неподвижности, безвыходности восточного общества, изменяющегося только под внешним влиянием, переключается с самыми реакционными теориями, с человеконенавистническими теориями сегодняшнего дня, превращаясь в теоретическое обоснование современного англо-американского расизма, современной пропаганды поджигателей новой мировой войны.

Только марксистское материалистическое учение об обществе, учение о прогрессивном развитии общества, определяемом развитием материальных производительных сил, только достижения советской исторической науки в области общих вопросов истории и в области археологии Средней Азии позволили нам по-новому осветить вновь открытые археологические факты, позволили подойти к созданию нашей концепции об истории развития народов Востока вообще, в Средней Азии в частности, противопоставить нашу концепцию буржуазной реакционной концепции.

Позволю себе охарактеризовать основное значение сделанных археологических открытий для периодизации древней истории Средней Азии, не останавливаясь на деталях.⁷

Первое и главное. В свое время неоднократно подчеркивавшееся В. В. Бартольдом представление о том, что культура и социально-экономическая жизнь Средней Азии в эпоху арабского завоевания и позднее была та же, что и во времена ахеменидов, — несостоятельно. «Домусульманская» культура Средней Азии оказалась не только совершенно отличной по всей совокупности характеризующих ее фактов от культуры средних веков, но и в ходе своего развития переживает много изменений и перестроек.

В применении к Хорезму можно на этом не останавливаться. Это известно из моих публикаций. Нечто сходное устанавливает М. Е. Массон для Термеза, А. Н. Бернштам — для Семиречья и в последнее время А. И. Тереножкин — для Самарканда.

Вся совокупность археологических материалов, добытых нашими экспедициями в Средней Азии, позволяет утверждать, что общественная жизнь эпохи между серединой I тысячелетия до нашей эры и серединой I тысячелетия нашей эры, т. е. на протяжении тысячи лет с лишним, строилась на иных основаниях, чем в средние века. Иным было строительство, иными были стандарты кирпичей и технические приемы; иными были формы керамики, иной была система орнаментации керамики; иными были художественные стили.

Перед нами два мира, между которыми протянуть нити исторической преемственности можно только путем тщательного анализа.

Позволю себе иллюстрировать мою мысль.

Типы поселений из всех памятников материальной культуры наиболее показательны для нашей темы. Что мы видим в древности? Огромные домомассивы, объединяющие десятки и сотни комнат, свидетельствующие о стойкости крупных общинных объединений. Укрепленные поселения и деревни. Город, как правило, со строго регулярной планировкой, свидетельствующей о применении при его постройке заранее задуманного плана, а не о стихийном процессе его роста.

Что же мы видим в средние века? Со времен раннего средневековья (с X—XI и особенно XII в.) перед нами типы поселений, мало отличающиеся от типа поселений позднего средневековья. Зачатки этих новых типов восходят по меньшей мере к VI—VII вв. (ср. Беркут-Кала). Поселения XII—XIII вв. в Хорезме, тип расселения, планировка домов и дворов являются прототипом позднейшей узбекской планировки. В городах раннего средневековья мы видим прототип позднесредневекового города.

⁷ Детальную аргументацию см. в наших статьях в ВДИ, 1939, № 3; 1941, № 1; 1946, № 1; ИАН ОИФ, 1944, № 4; 1946, № 1; 1947, № 2; 1948, № 2; КСИИМК, XIII, 1946 и др.

Таким образом, протягивается линия непрерывного развития в пределах средневековья.

Феодалный город XIX в. и средневековый город X—XII вв. и даже VI—VIII вв. — сходные явления, изменение идет постепенно. Укрепленные поселения на заре средневековья исчезают. Деревня, как правило, открыта. Города не имеют строго регулярной планировки, растут стихийно, разрастаясь радиально вокруг первоначального центра. Было бы грубой ошибкой говорить, что изменений и сдвигов в планировке городов на протяжении средневековья не происходит, но они не имеют ничего общего с тем резким разрывом в развитии, который наблюдается между античностью и средневековьем.

Возьмем другой пример — из области военной топографии — распределения пограничных и иных укреплений. Античные оазисы Хорезма дают любопытную картину. Города и крупные укрепленные селения помещаются на хвостовых частях каналов, прикрывая оазис со стороны пустынь и возможных степных противников. На периферии оазисов концентрируется основная масса населения. Жители как бы грудью встают против возможных врагов, сосредоточивая военную мощь на краях территории своего расселения.

В том же Хорезме в средние века на границах находились только небольшие башни и форты, которые способны лишь на небольшой срок задержать противника и сообщить в феодальные центры об опасности. Крупные крепости и города расположены в глубине оазисов. Защита земли и работников этой земли становится второстепенной задачей средневекового феодального государства. Мы это знаем и из исторических источников; мы знаем, что часто крестьянские поселения были совершенно беззащитны и предоставлялись монголам и их предшественникам и преемникам на разграбление, а знать отсиживалась за стенами своих замков, чтобы потом еще крепче взять население в свои руки.

С одной стороны, активные граждане античного государства, защищающие свою коллективную собственность, с другой — антагонистические классы феодального общества, где между аристократией и массой недавно свободных производителей легла непроходимая грань. Защита народа не входит уже в функции государства.

Если сравнить систему обороны, систему фортификационных сооружений античного и средневекового города, то видно, что в то время как для защиты средневековых укреплений требовалось ограниченное количество профессионально выученных воинов, защищающих наиболее важные узлы обороны, а совершенно необученная масса гражданского населения несла лишь вспомогательные функции (сбрасывала со стен на головы наступавших камни, бревна, кипящую смолу и т. п.), система укреплений античных городов и крепостей требовала, чтобы вся масса народа имела профессиональную военную выучку и прежде всего была бы стрелками. Система бойниц, расположенных на расстоянии 1—0.75 м друг от друга, характерна и для Хорезма и для всей Средней Азии этой эпохи. Она могла быть целесообразной только при условии поголовного участия всего населения города (причем не только, видимо, мужского) в его защите и не в качестве невооруженной, подсобной массы, а в качестве обученных бойцов.

Таким образом, с одной стороны, вооруженный народ античного общества, с другой — незащищенная масса непосредственных производителей общества феодального.

Эти примеры приведены для иллюстрации положения о глубоком различии между двумя типами культуры, характерными для античной Средней Азии и для Средней Азии средневековья. Количество этих примеров можно довести до бесконечности.

Спрашивается, нельзя ли все это объяснить так, как это объясняет

Тарн применительно к греко-бактрийской эпохе? Нельзя ли объяснить это с расовой точки зрения? Скажем, сперва пришли греки и принесли в Среднюю Азию элементы античного полиса; затем пришли арабы и принесли новую культуру и общественный строй, произвели соответствующий перелом, заложили основы нового феодального общества?

Уже приходилось указывать, насколько неправ Тарн. Как раз для догреческого периода характерны укрепленные поселения, поселения общинного характера.⁸

То же можно сказать и в отношении арабского завоевания. Значение этого завоевания в развитии Средней Азии мне представляется крайне преувеличенным. Оно было, конечно, велико: в результате его была введена новая религия, осуществлены новые политические и культурные связи. Все это сыграло значительную роль в истории развития среднеазиатских народов на заре средневековья. Но во внутреннем развитии социально-экономического строя, в тех сторонах культуры, которые наиболее сильно отражают социально-экономический строй, арабское завоевание изменило не много. Это было одно из варварских завоеваний, тянувшихся через историю Средней Азии V—XI вв. Это было одно из тех звеньев, которое было открыто эфталитами и тюрками и завершено сельджуками.

Арабское завоевание привело к переориентации культурных связей. Слабеет связь с Дальним Востоком, Южной Азией и Восточной Европой и выдвигается на первый план связь с Передней Азией. Но это не могло изменить общего хода и направления исторического развития.

Сейчас для Хорезма и, насколько я улавливаю из работ А. И. Терножкина, для Согда можно сказать, что в VIII в. никаких принципиальных изменений нет. Зачатки того, что происходит в X—XI вв., даны уже в VI—VII вв. Только в деталях есть арабское влияние. Города переживают принципиальные изменения на протяжении VI и VII вв. и не переживают изменений в VIII и IX вв. Древние города исчезают. Новые города зарождаются как посады у стен замков.

Таким образом, мы видим, что на протяжении VI—VIII вв. складываются уже какие-то исходные формы позднейшей средневеково-феодальной культуры в области фортификации, керамики, планировки города, типов расселения. Здесь еще много несредневекового, нефеодалного, но перед нами — переходная стадия, которая показывает, что это был внутренний процесс, на который арабское завоевание наложило только поверхностный отпечаток, сыграв свою роль, которую нельзя, однако, преувеличивать.

Словом, арабское завоевание не определяло смены античной среднеазиатской культуры культурой средневековой. Этот процесс начался раньше, и арабское завоевание, сыграв свою роль, наложило только внешний отпечаток на изменения, которые произошли бы и без этого завоевания и происходили независимо от него.

Таково наше первое положение: установление факта существования в Средней Азии двух этапов истории культуры после перехода ее народов на стадию классового общества, т. е. после VIII—VII вв. до н. э. — античного и средневекового этапов, между которыми лежит глубокая грань, причем этой гранью не является арабское завоевание.

Мы уже привели выше соображения, говорящие об антично-рабовладельческом способе производства как основе общественной организации первого из этих археологически устанавливаемых периодов. Эти факты можно умножить. Из области археологических фактов отметим: преобладание города над деревней, развитие городских ремесел, относительно высокая товарность хозяйства, широкие торговые связи с внешним миром;

⁸ См. КСИИМК, вып. XVII, стр. 3 сл.

грандиозные размеры ирригационных сооружений, намного превосходящих средневековые — несомненное свидетельство массового применения труда оторванных от средств производства, лишенных собственного хозяйства непосредственных производителей, т. е. рабов, видимо, в первую очередь — государственных; широкое развитие колонизации; глубокий параллелизм в формах материальной культуры и памятниках искусства Средней Азии и античного Средиземноморья и классического Востока. Наконец, наиболее важным фактом является прослеживаемый с ранней античности до раннего средневековья укрепленный характер крестьянских жилищ — несомненное свидетельство того, что крестьянство в массе своей оставалось незакрепощенным. Эти археологические факты разносторонне подкрепляют результаты нашего анализа скудных данных литературных источников, уже в 1936—1938 гг. позволивших нам выставить тезис о рабовладельческом характере общественного строя древней Средней Азии.

Позволю себе перейти к попытке наметить внутреннюю периодизацию этого древнего периода. Прежде всего встает вопрос о названии этого периода. Я считаю наиболее правильным применение для этого периода, особенно когда речь идет не только о социально-исторической, но и об археологической периодизации, термина «античный». Сейчас уже многие применяют этот термин. Одним из первых сделал попытку обоснования этого термина безвременно погибший московский археолог-искусствовед В. Чепелев в своей работе «Об античной стадии в истории искусства народов СССР», характеризующейся большой смелостью и свежестью мысли, хотя некоторые его положения спорны.

Резкая критика, которой подверглась эта работа,⁹ была абсолютно неправильной. В этой критике сказываются традиционные представления буржуазной историографии, против которых мы сейчас должны начать самую жестокую борьбу, представления о какой-то единственности и исторической неповторимости, о несравнимости ни с чем греко-римской античности, о том, что все остальные рабовладельческие общества недостойны носить это громкое имя.

Это неправильно, прежде всего, методологически. Никакой принципиальной грани между греко-римской культурой и культурой более отдаленных стран рабовладельческого Востока нет. Это — результат ложной аберрации, характерной для идеологической направленности буржуазной науки, начиная с лучших времен ее развития, когда она была еще прогрессивной. Сейчас эта концепция приобретает резко выраженный реакционный характер. Она служит идеологическим обоснованием рассуждениям, например, упомянутого Крёбера.

Термин «античная цивилизация», «античная культура» как культура античного рабовладельческого общественного строя применим не только к Греции и Риму, но должен применяться ко всем районам, прошедшим в своем историческом развитии эпоху рабовладельческого строя. Это заставляет нас настаивать на применении этого термина к Средней Азии. Здесь были реальные рабовладельческие государства, самостоятельно развивавшиеся, игравшие крупную историческую роль; государства, создавшие свою культуру и искусство, не отделимые от всего остального античного мира и имеющие полное право называться античными государствами.

Каковы хронологические рамки периода, который надо называть античным? В деталях эти даты не могут еще быть уточнены, требуются еще дополнительные исследования. И вообще большие исторические эпохи древности и средневековья не могут быть ограничены точными хронологическими линиями. Но, грубо говоря, можно считать, что начало этого пе-

⁹ См. рецензию В. Д. Блаватского в ВДИ, 1946, № 1.

риода VIII—VI вв. до н. э., а конец — V—VI вв. н. э. Весь этот период в истории Средней Азии занимает более тысячи лет.

В рамках этого периода могут быть определены четыре этапа. Было бы желательно договориться о терминологии для обозначения этих этапов. Сейчас, в связи с большим ростом находок, мы сталкиваемся с необычайной пестротой терминологии, которая была естественна на первых порах, но сейчас уже мешает, поэтому следует договориться о единой терминологии. Локальная культура будет и в дальнейшем, конечно, выявляться, но с точки зрения общей периодизации эти локальные формы надо рассматривать как отдельные проявления общих для всей Средней Азии этапов исторического развития.

Первый период можно назвать архаическим. Он охватывает время с VIII по IV в. до н. э. На этот период падает строительство великих ирригационных систем Средней Азии, сложение свойственных для всего античного периода форм техники (что можно особенно ярко наблюдать на примере строительной техники), образование на территории Средней Азии первых крупных государств. Иначе, чем этим последним фактом, нельзя объяснить те типы ирригационной системы, которые характерны для этого времени.

Неправильно было бы назвать этот период «ахеменидским», как это делают некоторые, так как ахеменидское завоевание сыграло в истории народов Средней Азии гораздо меньшую роль, чем арабское, а даже последнее мы не можем рассматривать как историческую грань первостепенного значения.

Может быть, дальнейшие археологические исследования этого периода внесут какие-либо коррективы, но то, что можно сейчас прощупать, позволяет говорить о едином периоде, тянувшемся с момента возникновения первого классового общества на территории Средней Азии и до тех событий, которые поставили систему среднеазиатского архаического рабовладельческого общества лицом к лицу с рабовладельческим обществом Средиземноморья. Для этого архаического этапа характерна общая относительная примитивность облика культуры и большая пестрота локальных типов.

Процесс сложения рабовладельческого общества идет всюду на местной основе; на этой же основе происходит создание новых форм материального производства, культуры, искусства и т. д. Параллели с другими рабовладельческими обществами налицо, но это параллели только стадияльного характера. Достаточно сильных культурных связей между отдельными районами в это время еще незаметно.

Иную картину дает второй период — эллинистический, который для различных областей можно назвать также кангюйским (северная часть Средней Азии) или греко-бактрийским (юго-восточная часть), или греко-парфянским (юго-западная часть).

Можно говорить о единой эллинистической культуре Средней Азии с тремя вариантами: кангюйский, бактрийский и парфянский — это эпоха с IV до I в. до н. э. Она может рассматриваться как эпоха высшего расцвета античного среднеазиатского общества. Здесь достигают своего максимального развития ирригационные системы.

К этому времени относится большое развитие торговых связей. Так, Хорезм был связан со всеми городами Северного Причерноморья, с Египтом, Сирией, Ираном, Китаем. География бус дает чрезвычайно интересную картину в этом отношении. К этому времени относится самая богатая, яркая и своеобразная керамика античных форм.

Все это вместе взятое позволяет говорить об этом периоде как о периоде расцвета. Этот период характеризуется значительными чертами общности в культуре различных областей Средней Азии. Керамика дает в основном одни и те же типы сосудов, имеющие, правда, свои локальные

разновидности, одни и те же, хотя и проявляющиеся по-разному, приемы декорации. Я не говорю уже о строительном деле и архитектуре, где наблюдается еще бóльшая общность. Те же формы оборонительных сооружений, те же своды, дающие лишь местные разновидности. Для этого периода характерно наибольшее сближение культур отдельных районов. Это понятно, так как это период не только подъема всего рабовладельческого общества, но и период консолидации больших объединений, отдельные элементы которых находятся в тесной связи.

Третий период — кушанский (I—III вв. н. э.). Этот период носит типичный характер уже для всей Средней Азии, вошедшей в состав кушанской империи. Он представляет собой прямое продолжение предшествующего периода. Здесь нет той резкой грани, которая есть между архаическим и эллинистическим периодами.

Для этого периода характерно появление ряда новых форм и, в частности, насколько это можно проследить по Хорезму, наблюдаются первые признаки начинающегося кризиса рабовладельческого общества. Сюда надо отнести распад крупных поселений, появление неукрепленных поселений, явное выделение из сельской общины сильной землевладельческой аристократии, начало перемещения центра тяжести общественной жизни в деревню. Правда, города продолжают жить и цвести, но и в них мы видим процессы, которые свидетельствуют о противоречиях в городской общине, приведших к разрушению этой общины. С точки зрения политических форм, этот период можно назвать периодом имперским. Видимо, как и в Средиземноморье, объединяющемся в эту эпоху под эгидой Римской империи, в Китае, где в это время высшего расцвета достигает империя Хань, в Средней Азии под эгидой кушанов на востоке и парфян на западе складываются политические объединения, вызванные к жизни нарастанием социальных противоречий, требовавших от господствующего класса создания могучих политических образований, переноса суверенитета с городской общины-государства на империю, которая одна могла устоять против освободительных движений рабов и варваров.

Четвертый период выделяется очень ясно. Я бы назвал его, применительно ко всей Средней Азии, кушано-эфталтским периодом. Он охватывает IV—VI вв. н. э. Это — период еще античный. Живет античная керамика, строительные приемы, античные города не изменяют общей своей структуры и планировки, но явно видны признаки глубокого кризиса античной системы: 1) падает ирригация; в Хорезме, например, выпадают из ирригации целые крупные каналы; 2) происходит резкий упадок городов.

В четыре раза, если не в шесть раз, происходит сокращение числа городов на территории правобережного Хорезма. Начинается резкое сокращение удельного веса ремесленной керамики, падает ее качество. В то же время появляется керамика домашняя, лепная, сочетающаяся еще иногда с великолепными образцами античной керамики. Мы видим проявление патурализации хозяйства. Жизнь уходит в деревню. Городское ремесло падает. Торговые связи с внешним миром рвутся. Резко сокращается количество импортных бус. Это — один из верных внешних показателей упадка. Бусы — материал, не намного отстающий от керамики по массовости и гораздо более распространенный, чем монеты. Количество импортных бус резко сокращается, сокращается и самый ареал этого импорта. Это — в основном бусы из Ирана, а импортные бусы из Египта и Сирии в этот период исчезают.

Наблюдаются первые признаки упадка строительной техники. Некоторые явления, пока еще недостаточно изученные, свидетельствуют о том, что в этих процессах крупную роль играют варварские элементы степных племен. Еще подлежит изучению вопрос, чем объясняется быстрый процесс

замены кирпичной кладки античности блоковой кладкой средневековья. Повидимому, такая кладка у степных варварских племен нижней Сыр-Дарьи появилась раньше, чем у цивилизованного населения среднеазиатских оазисов. Это — один из признаков варваризации культуры. Он сказывается даже в изменении внешнего облика самих людей. В V в. на хорезмских монетах исчезает античная борода и появляются бритый подбородок и длинные усы, характерные для кочевников. Головной убор хорезмских царей на монетах V—VI вв. почти тождествен с кочевническим. Напомню в этой связи хорошо известный для античного Средиземноморья в эпоху кризиса античного общества факт распространения варварских «мод» в области одежды.

Таковы основные особенности этого периода. Резких граней он не имеет. Его начало похоже на классический кушанский период, а конец относится к тому периоду, который в Хорезме мы именуем позднеафригидским и который значительно более тесными узами связан уже со средневековьем. Процессы, протекающие в Средней Азии в этот период и захватившие последующий, начальный период средневековья (VI — начало XI в.), весьма существенны с этнографической точки зрения. Именно этим временем датируется смена древних этнических конгломератов, объединенных под властью рабовладельческих государств, народностями, в основных чертах дожившими до наших дней, трансформируясь в современные нации. Так, к концу раннего Средневековья, к X—XI вв., под своими именами и с характерными этно-лингвистическими особенностями выступают таджики и туркмены. Вполне ощутимые черты этнической общности приобретает та смешанная тюрко-индоевропейская народность, которая впоследствии, включив в себя новые ингредиенты, выступает под названием узбеков. На севере и востоке можно отметить завязывающиеся узлы этнических скрещений, лежащие в основе кара-калпакского, казахского и киргизского этногенеза.¹⁰

Нельзя не отметить, что именно в рамках той же большой исторической эпохи, в условиях перехода от рабовладельческой к средневеково-феодальной формации общества, идет процесс консолидации народностей, легших в основу современных европейских наций.

Для всякой исторической периодизации основной является история классовой борьбы. Сейчас мы в первую очередь опираемся на свидетельства памятников материальной культуры, которые уже позволяют быть более уверенными, чем 10—12 лет назад, когда мы опирались только на отрывочные и разнообразные толкования свидетельств древних авторов. Однако вполне определенные данные, что Средняя Азия в этом отношении не представляла исключения и что намеченная нами периодизация имеет своими вехами узловые моменты развития классовой борьбы, у нас имеются. Сохраненные Авестой и требующие еще более критического просмотра свидетельства о классовой борьбе на заре сложения классового общества и государства на восточной периферии Ирана и в Средней Азии должны быть особо учтены.¹¹

Что касается того периода, который сопровождает конец античности в Средней Азии, то здесь имеется достаточно большой материал, который был подвергнут нами анализу в специальной работе еще в 1938 г.¹² Необходимо связать его с общим ходом исторического процесса. При этом мы теперь можем опираться на факты развития материальных производительных сил, которые дает археология.

¹⁰ См. нашу статью: «Основные вопросы этногенеза народов Средней Азии». СЭ, VI—VII, 1947.

¹¹ См. по этому поводу нашу статью «Общественный строй Средней Азии по Авесте». История СССР, изд. ИИМК. М.—Л., 1939, вып. I—II.

¹² «Тирания Аброя», ИЭ, 1938, № 3.

Период между VI и XI вв. должен рассматриваться как начало эпохи средневековья, еще характеризующееся незавершенными формами феодального строя.

Сейчас мы имеем полное право рассматривать Среднюю Азию в древности не как отдаленное захолустье, не как своеобразное историческое болото, ничего нового не создавшее, не имевшее своей внутренней истории, а только воспринимавшее влияния пришедших извне завоевателей.

Можно утверждать, что среднеазиатские государства оказали большое влияние на окружающие страны. Достаточно привести такие данные, как влияние на Иран парфян и саков; влияние на Индию кушанов и саков, влияние на Боспор, на далекие племена Севера, влияние на Китай.

Мы знаем, какое значительное влияние культура Средней Азии оказала на народы Китая. Мы знаем, что материальные предпосылки для развития среднеазиатской культуры средних веков были созданы историей самих народов Средней Азии, которую мы должны, конечно, брать в связи с окружающим миром.

Но для того чтобы понять эти явления средних веков, мы должны углублять наши познания о культурной истории античной Средней Азии. В частности, чтобы сделать периодизацию окончательно точной и бесспорной, нужно углубиться в изучение проблемы классовой борьбы. Материалов пока недостаточно. Есть, однако, все данные предполагать, что при развитии работы теми же темпами, а может быть и большими, не за горами то время, когда мы будем располагать таким количеством письменных документов, которое откроет перед нами завесу над этими наиболее важными фактами гражданской, социально-экономической и политической истории древних и раннесредневековых среднеазиатских государств.

Пока, конечно, периодизация грешит еще многими недостатками. Отдельные моменты в ней носят еще гипотетический характер и требуют уточнения. Но факт существования особого античного периода истории народов Средней Азии нам представляется достаточно бесспорным. Если в 1933—1936 гг. нам приходилось почти в одиночестве отстаивать свою точку зрения, то сейчас к ней присоединились по существу все основные советские исследователи древней истории Средней Азии.

Таким образом, у нас уже намечается своя, советская концепция исторического процесса в Средней Азии, стоящая неизмеримо выше антинаучных, расистских, антисоветских и человеконенавистнических концепций, развивающихся в зарубежной буржуазной литературе.

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА (VI—XV вв.)

I

До настоящего времени не решены еще вопросы специфики сложения феодализма на Востоке. Наиболее сложны и трудны вопросы перехода рабовладельческого общества к феодальному в Средней Азии.

Начало феодальных отношений в Иране принято советскими востоковедами-историками относить ко времени подавления маздакитского движения Ковадом и его сыном Хосровом Ануширваном в 528 г. Именно после падения маздакитов крестьян стали отдавать в зависимость и под контроль дехканам, которые с первой половины VI в. составили господствующий слой земледельческого класса. В. В. Бартольд в своей статье «К истории крестьянских движений в Персии»¹ обратил на это внимание. По его словам, даже ат-Табари, арабо-язычный историк начала X в., заметил, что маздакитское движение было движением «низших против высших».² Хотя резкое ухудшение в положении крестьян произошло только после ликвидации маздакитов, т. е. в первой половине VI в., средневековые историки относили это к более древним, даже мифическим племенам. Тот же ат-Табари приписывает мероприятия, приведшие к этому ухудшению, мифическому царю Менучехру. «Прославленный за справедливость и добрые дела, первый (Менучехр. — А. Я.) положил начало дехканству, назначил для каждой деревни дехкана, сделал жителей ее для него слугами и рабами и повелел повиноваться ему».³ Бартольд, приводя эти слова ат-Табари, самый факт правильно относил ко времени ликвидации маздакитского движения. На языке марксистско-ленинской исторической науки эти важные перемены знаменуют начало новой феодальной эпохи.

Б. Н. Заходер в своей статье «Иран при Сасанидах» установил, что маздакитское движение было направлено против начавшихся процессов феодализации Ирана и связанной с ним потерей крестьянской свободы. По его словам, «Маздакитское движение оказалось не в силах приостановить процесса феодализации, но оно, несомненно, придало этому процессу своеобразные, специфические для Ирана формы».⁴

На этой же точке зрения стоит и член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, хотя и преувеличивает уровень общественного развития Ирана. По ее словам, «Маздакитское движение ускорило процесс перегруппировки

¹ Сборник в честь Н. И. Кареева (Из далекого и близкого прошлого), 1923, стр. 54—62.

² Указ. соч., стр. 56 (ат-Табари, I, стр. 893).

³ Привожу этот отрывок в переводе В. В. Бартольда. Указ. соч., стр. 55.

⁴ Исторический журнал, 1938, № 12, стр. 94.

социальных сил в государстве. В бóльшей степени стало ощущаться феодальное дробление земель, а главное — условное дарение и пользование ими за несение военной и гражданской службы, как говорит об этом Белазури».⁵

В среде советских историков-востоковедов широко распространено убеждение, что приблизительно на это же время приходится и начало новых общественных отношений и в Средней Азии, т. е. в Хорезме, Тохаристане, Согде, Усрушане и Шаше.

По словам С. П. Толстова, «Общий кризис рабовладельческого мира, опрокинувший Римскую империю и разрушивший государство древнего Китая, не миновал и Средней Азии. В V веке кушанское царство падает под ударами варварских племен, выступающих здесь под тем же именем, что и в IV в. в Китае и в IV — V вв. в Европе — под именем гуннов».⁶

В таком же духе высказывается об этой эпохе и М. Е. Массон в своей вводной статье ко II тому отчета «Термезская археологическая экспедиция», озаглавленной «Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг.». Массон пишет: «Бедные по содержанию, маломощные и маловыразительные, кое-где встречающиеся на городище Термеза культурные слои, могущие быть отнесенными к V—VI вв., заставляют притти к выводу, что в эти столетия город хиреет, очевидно, под влиянием внутреннего кризиса, порожденного разложением рабовладельческого строя и осложненного внешней обстановкой (появление новых кочевых народов-хионитов и особенно эфталитов, с которыми сасанидскому Ирану с начала V столетия приходилось выдерживать тяжелую борьбу)».⁷

Вернемся к взглядам С. П. Толстова на время перед арабским завоеванием. Период VII в. он считает дофеодальным, в нем нет ни господства рабовладельческого способа производства, ни «закрепощенного крестьянства».⁸

К сожалению, в письменных источниках до настоящего времени не найдено материала, который дал бы нам возможность представить конкретно и с достаточной полнотой общественные отношения того времени. Все же имеется несколько бесспорных положений, которые мы можем утверждать и теперь. Основная масса земледельческого населения была свободной и не знала над собой внеэкономического принуждения. Жили и работали земледельцы в условиях сельской общины, которая, как правило, совпадала топографически с укрепленным селением. Община эта отличалась чертами глубокой архаичности. Исключение составлял только Хорезм, где земледельцы жили отдельными семьями в укрепленных домах хуторского типа.

Наряду с земледельческим населением имелась богатая земледельческая аристократия, к которой арабские источники и применяют термин «дехкан». Характерно, что купцы того времени теснейшим образом были связаны с землевладением и не выделились еще в более или менее самостоятельную группу господствующего класса. Как землевладельцы, так и земледельцы жили большими патриархальными семьями, в состав которых входили и рабы, причем их, повидимому, было много, хотя труд их и не составлял основы сельскохозяйственного производства. С точки зрения классовой структуры, общество делилось на рабовладельцев и рабов, причем рабовладельцами часто являлись и простые земледельцы.

Уже до арабского завоевания в среде простых земледельцев, живших в условиях сельской общины, начался процесс обеднения наиболее слабых

⁵ Н. В. Пигулевская. Маздакитское движение. Изв. Отд. АН СССР, серия истории и философии, 1944, № 4, стр. 180.

⁶ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 187.

⁷ Изд. АН УзССР, Ташкент, 1945, стр. 6.

⁸ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 192.

элементов ее, что и привело к расслоению самой общины и патриархальной семьи и выделению целой категории полузависимых людей, так называемых кедиверов, напоминающих по своему положению клиентов. Отсутствие сведений в источниках не дает права категорически утверждать, существовала ли эксплуатация крупными землевладельцами земледельцев через издольные аренды. Однако мы имеем все основания предполагать, что эксплуатация через издольные аренды в Средней Азии имела место и до арабского завоевания. Гипотеза эта вполне оправдывается не только аналогией с Ираном и Ираком, но и всей последующей историей средневековой Средней Азии. Нельзя забывать, что эксплуатация через издольные аренды весьма характерна для всех стран Азии, земледельческая культура которых покоится на искусственном орошении. Издольные аренды в них тянутся от глубокой древности и через все феодальное средневековье.

Совершенно не установлено, существовал ли в Средней Азии в доарабское время харадж (поземельный налог), который красной нитью проходит через все средневековье в жизни мусульманских стран. Занесли ли харадж арабы как мероприятие, заимствованное у сасанидского Ирана, или харадж под местным названием существовал в Согде, Хорезме, Тохаристане и в предшествующее арабскому завоеванию время? В пользу утверждения этого положения у нас имеется только один аргумент — аналогия с сасанидским Ираном, однако этого еще мало.

Весьма характерным является в это доарабское время и среднеазиатский дофеодальный город «шахристан», по терминологии арабских и персидских источников (термин иранский). Города тогда состояли из собственно шахристана и замка (цитадели), в котором жил владетель города, и связанного с ним округа-владения. В полном соответствии с неизжитыми рабовладельческими отношениями города-владения в какой-то мере напоминают укрепленные поселения базилевсов архаической Греции. Весьма наблюдательный В. В. Бартольд еще в ранние годы своей научной работы сопоставил мелких среднеазиатских владетелей с базилевсами древней Греции.

Основным населением дофеодального города являлось дехканство — крупные земельные собственники, связанные родственными отношениями или службой с владетелем города-полиса. Вместе с представителями храмового жречества (зороастрийского, буддийского и языческого), которые также держали в руках крупную земельную собственность, и местными купцами, они (т. е. дехканы) и строили в шахристанах свои кешки — дома-дворцы, имевшие высокие и массивные стены, сложенные из сырцового кирпича или глинобитных блоков. Жили они в этих кешках вместе со своими чакирами («шакирийя» арабских источников) — военными слугами (из свободных и рабов), просто слугами и рабами, в числе которых были и ремесленники. Таким образом, в составе хозяйства дехканского кешка в шахристане было и ремесло. Были в шахристанах и свободные ремесленники, однако они жили отдельными кварталами на краю города, у городской стены, или уже за пределами города, ютясь в своих каркасного типа легких постройках, где были их мастерские и лавочки. Здесь и начинали зарождаться так называемые рабады — ремесленно-торговые предместья.

Выше уже приходилось указывать, что почти все востоковеды-археологи и историки Средней Азии считают, что кризис рабовладельческих отношений в Согде, Хорезме, Тохаристане и других областях произошел в IV—V вв. По какой же линии происходило разложение рабовладельческих отношений в Средней Азии в предшествующее арабам время? Нам представляется, что ответ надо искать в упомянутом выше расслоении сельской общины, в судьбе экономически слабых земледельцев — членов этой сельской общины, в выделении к е д и в е р о в полузависимых крестьян.

Здесь та же картина, что и в Иране; повидимому, и в Средней Азии сельская община была отдана под власть дехканам, которые имели свои кешки в составе каждого селения в Согде, Усрушане, Тохаристане и других местах (за исключением Хорезма, где, как выше было отмечено, не было селений и земледельцы жили в укрепленных домах-усадебках изолированно друг от друга).

К сожалению, мы не можем сказать, как далеко зашел процесс выделения кедиверов из состава сельской общины; об этом письменные источники умалчивают, а археологические материалы по самому характеру своему сказать не в силах.

Однако если мы и не можем определить степень феодализации общественных отношений, то характер сложения их, русло, по которому феодализация эта происходила, нам ясны.

Надо думать, что до арабского завоевания, т. е. до первой половины VIII в. (в конце VII в. нападения арабов носили лишь характер набегов), Средняя Азия осуществляла самостоятельно свой собственный вариант разложения рабовладельческих отношений и феодализации. Продолжалось это в VI—VII и начале VIII в. Этому собственно среднеазиатскому варианту не суждено было, однако, нормально развернуться. Помехой оказалось арабское завоевание.

II

Арабское завоевание Средней Азии нельзя рассматривать только с точки зрения одной военной истории. Оно затронуло все стороны социально-политической, экономической и культурной жизни. Прежде всего оно усилило рабовладельческий сектор в недрах оседлого общества, сосредоточив в руках наместников, эмиров и господствующего класса землевладельцев большое количество рабов. Нельзя забывать, что арабы во время завоеваний, усилившихся в течение целого столетия (с 30-х годов VII в. по 30-е и даже 40-е годы VIII в.), захватывали огромное количество военнопленных, которые обращались в рабов и использовались на самые разнообразные виды труда, начиная от тяжелых работ по очистке земель от засоления, работ по проведению каналов и каризов, а также работ в рудниках, кончая работами в специальных художественных ремесленных мастерских. Для установления степени распространенности в VII и VIII вв. рабства весьма характерными являются факты вывоза огромного количества рабов из покоренных стран и областей в качестве дани.

Нельзя, конечно, отрицать, что в западных областях халифата в Ираке, ал-Джезире, Сирии, Палестине, самой Аравии, куда отправлялась большая часть захваченных рабов, рабовладельческие отношения играли большую роль, чем на северо-востоке Ирана и в Средней Азии; однако нельзя и преуменьшать этой роли в Согде, Хорезме, Усрушане, Тохаристане. Здесь сильны были старые рабовладельческие отношения и здесь, судя по письменным источникам, в VII—VIII вв. имелось огромное количество рабов.

Таким образом, учитывая количественный рост рабства, мы должны отметить увеличение рабовладельческого сектора, усиление роли рабовладельческого уклада.

Известно, что арабы во всех покоренных странах наложили на все орошенные, а следовательно, обработанные культурные земли земельный налог — харадж, а также подушную подать — джизью, заимствовав их у сасанидского Ирана. Известно также, что ставки джизьи и хараджа сравнительно с сасанидской практикой были повышены.

В общем, как минимум, арабы взымали с крестьянских сельских общин и с частновладельческих земель, по крайней мере, $\frac{1}{3}$ всего сельскохозяйственного продукта. Кроме того, крестьяне должны были нести, по требова-

нию властей, различные натуральные повинности в виде постройки городских стен, дворцов, мечетей, укрепленных стен против кочевников, проведения дорог, каналов, постройки и починки мостов и т. д.

Для арабского халифата и арабской власти в покоренных странах в VII—VIII вв. весьма характерным является мероприятие, которое могло появиться лишь в обстановке привычных рабовладельческих отношений. Я имею в виду «печатание» земледельческого населения, не принявшего ислам и подлежащего хараджу и особенно джизье. Это «печатание» отмечено источниками для областей ал-Джезиры, Ирака, Ирана, Закавказья и Мавераннахра. Выражалось оно в том, что на шею плательщика джизьи и хараджа навешивались особые свинцовые пломбы, на которых отмечалось, что данное лицо из такого-то рустака и селения должно было платить столько-то по указанным налогам.

Приведу два характерных в этом отношении факта. В 721—722 гг. арабский наместник Саид ал-Хараша провел карательную экспедицию против согдийцев, ушедших в Ходженд из Самарканда и других мест по Зеравшанскому Согду, во главе с владельцем Иштихана Карзанджем. Ат-Табари, подробно описавший весь этот эпизод, отмечает, что, уничтожив почти всех беглецов согдийцев, Саид ал-Хараша отдал приказ об избииении крестьян в окрестностях Ходженда. Арабы ходили от дувала к дувалу и избивали крестьян, причем на шеях этих последних висели печати. Убито тогда было, как рассказывает ат-Табари, по одним данным — 3000 крестьян, по другим — 7000. Термин для крестьян у Ат-Табари — «харрас».

Другой аналогичный факт связан с именем известного арабского хорасанского наместника Асада ибн-Абдаллаха (735—738), который, по словам ат-Табари, печатал земледельцев Хорасана.

Этому «печатанию» земледельческое иновещерское население халифата подвергалось, по крайней мере, в течение 1½ столетий. Никакое другое мероприятие арабов не воспринималось с такой злобой и ненавистью, как печатание; это и понятно, ибо оно глубоко оскорбляло свободолюбивое население культурных оазисов Средней Азии.

Выше мы отмечали, что в Средней Азии до арабского завоевания крупные землевладельцы не вели крупного хозяйства, не имели латифундий, обрабатываемых рабским трудом. Также указывали, что крупные землевладельцы, повидимому, дробили свои земли на мелкие участки и раздавали земли в аренду на началах издольных аренд. Найти издольщика было легко. В сельской общине, вследствие малоземелья, всегда было много свободных рабочих рук. Многим земледельцам не хватало земли, слишком малы были обрабатываемые ими участки, и они шли, гонимые нуждой, в кабалу к землевладельцу.

Приведенные факты не дают возможности назвать общество Средней Азии VII—VIII вв. феодальным.

При отношениях, основанных на издольных арендах, как бы они ни были тяжелы для непосредственного производителя, собственник земли не проявляет к последнему внеэкономического принуждения. Крестьянин снимает участок на кабальных условиях, так как другого выхода у него нет.

Внеэкономическое принуждение в это время находится в руках государства. Земельный налог — харадж, который оно взимает, есть не что иное, как рента в форме налога, — «рента и налог совпадают».⁹ Натуральные повинности, налагаемые на крестьян, также исполняются по принуждению государства и его чиновников. Однако если подойти к государству с классово-экономической точки зрения, а это единственно научный подход, и поставить вопрос — в чьих руках находится аппарат власти, то ответ может быть только один: в VII—VIII вв. власть в халифате находилась в руках представите-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. II, стр. 352, ОГИЗ, 1947.

лей родо-племенной арабской знати, которая с каждым десятилетием все больше проникает в ряды крупных землевладельцев; наконец, в руках персидской, согдийской, хорезмийской и т. д. землевладельческой аристократии. Халифы — омейяды и первые аббасиды, члены их династий, крупные военачальники, наместники областей, просто эмиры городов и рустаков — все они и принадлежали к этим землевладельцам (кто бы они ни были — главы арабских племен, титулованные или нетитулованные дехканы Ирана и Средней Азии).

Таким образом, мы имеем все основания сказать, что государство внеэкономическим принуждением взимало харадж в пользу огромного и сильного класса крупных землевладельцев. В этой своеобразной хараджной форме и шла эксплуатация через государство основной массы крестьянского населения обширной страны, в частности Средней Азии. Мне представляется, что хараджная система этого времени и есть вместе с тем своеобразная форма перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Ведь нельзя забывать, что большинство землевладельцев VII—VIII вв. остается и рабовладельцами. Таким образом, в это время еще сильным является рабовладельческий уклад, но и значительно созревает, правда в огосударственной форме, и феодальная эксплуатация. В этом мы видим своеобразный восточный путь перехода к феодализму, характерный для Востока эпохи халифата.

Шахристаны Средней Азии в этот период мало продвинулись вперед на своем пути превращения в феодальный город. Некоторые из городов, как Пянджикент, были разрушены, другие долго не могли оправиться, а третьи (их было немного) развивали свои рабады и экономически росли.

Период этот, по счету второй, тянется от арабского завоевания и до распада халифата в первой половине IX в., т. е. около двух веков.

Для Средней Азии он был несколько короче, захватывая весь VIII и первые десятилетия IX в. до тахиридов.

III

IX—X вв. в истории Средней Азии характеризуются процессом отрыва от непосредственного подчинения халифату и появлением местных таджикских династий — тахиридов и саманидов. Характерно, что при тахиридах (821—873) образовалось почти самостоятельное государство, включающее в себя Хорасан, Сеистан, Кумис, Рей и Табаристан в Иране и Мавераннахре, причем центр был в Нишапуре. При саманидах (IX—X вв.) инициатива объединения уже исходила из Средней Азии, и центр огромного государства, включавшего весь Мавераннахр и большую часть Ирана, был в Бухаре. Средняя Азия за IX в. экономически выросла настолько, что в X в. была наиболее передовым районом Ближнего Востока, во всяком случае экономически, политически и культурно более прогрессивным, чем области Ирана.

Вместе с появлением независимости в северо-восточной половине Ирана и Мавераннахре в IX—X вв. значительно уменьшился удельный вес рабовладельческого уклада. Отсутствие больших войн при тахиридах и саманидах снизило, по сравнению с предшествующей эпохой, количество военнопленных, обычно обращаемых в ту эпоху в рабов. При тахиридах и саманидах рабов поставляла сама кочевая степь, внутри которой происходили частые военные действия. Военнопленные этого происхождения и были главным источником рабства. Само собой ясно, что этот источник поставлял меньше рабов, чем арабские завоевания VII—VIII вв.

При тахиридах и саманидах прекратилась, между прочим, и практика «печатания» земледельцев, которая так унижала человеческое достоинство непосредственного производителя, низводя его почти до положения клей-

меного раба. Решающую роль в ликвидации «печатания» сыграли восстания Муканны в Мавераннахре и Бабека в Азербайджане. Источники нигде не упоминают об этом бесчеловечном обычае арабских властей в IX—X вв. Уничтожение «печатания» вполне совпадает со взглядами тахиридов и саманидов. Будучи типичными представителями интересов землевладельческой аристократии, они в духе наставлений Тахира ибн-Хусейна (его письмо к сыну Абу-л-Аббасу Абдаллаху) считали, что крестьяне только тогда будут способны выплачивать высокие ставки хараджа, когда им будет предоставлена возможность иметь минимум пропитания и благосостояния, чтобы поддерживать здоровье и нужную чистоту быта. Гарантию этого тахириды видели в ликвидации всех видов злоупотреблений. Восстания крестьян, ослабление рабовладельческой эксплуатации и привели к ликвидации «печатания».

Ввиду того, что при тахиридах почти закончился процесс мусульманизации земледельческого населения, отпала и джизья, которая ложилась тяжелой налоговой надбавкой на крестьян. Несколько снизились и натуральные повинности, так как при саманидах, после Исмаила Саманида, крестьянину уже не приходилось ходить со своими харчами на частные работы по постройке и ремонту стен-укреплений против кочевников.

Однако ставки хараджа уменьшены не были ни при тахиридах, ни при саманидах. Более того, при саманидах, особенно во второй половине X в., харадж собирали иногда два раза в год под предлогом сбора взаймы, что никогда не рассматривалось властями как обязательство, которое надо было выполнять.

Не приходится, конечно, говорить об улучшении положения крестьян по сравнению с VIII в., иначе нельзя было бы объяснить ряда крестьянских движений, правда, значительно меньших, чем в прежние времена, которые происходили в Иране и Средней Азии и которые подавлялись энергично как тахиридами, так и саманидами. Вспомним, например, движение Мазьера в 839 г. при Абу-л-Аббасе Абдаллахе в Табаристане и движение крестьян в Бухарском вилайете в 874 г., в первый год власти Исмаила Саманида в Бухаре.

Известно, что во второй половине X в. в Иране, в буидских княжествах, усиленно происходил процесс феодализации в полном смысле этого слова. Процесс феодализации при буидах выражался в том, что сама центральная власть, ввиду глубокого денежного кризиса, который сам был порожден расстройством производительных сил, вынуждена была выплачивать жалованье военачальникам и даже простым солдатам не деньгами, а определенной долей хараджа. Процесс этот начался в Иране еще при аббасидах, однако наиболее ярко проявился при Буиде Муыззе ад-Даула — государе Ирака, Ахваза и Кермана (932—967). Что означало передать долю хараджа в частные руки? Это означало, что какое-нибудь лицо получало право на сбор хараджа с определенного селения, части селения или даже группы селений. Здесь фактически бывали самые разнообразные комбинации. Военачальник получал право сбора хараджа с определенных земель, платящих харадж, причем часть хараджа в натуре и деньгах он забирал вместо жалованья себе, а часть должен был сдавать в казну. Правда, делал он это неохотно, причем, как правило, не выполнял обязательств и оставлял долю казны себе. Таким образом, раздача хараджа в частные руки, вместо жалованья, была своеобразным пожалованьем.

Очень интересен факт, что в пожалованье входит не земля и не люди, а право на получение определенного дохода в виде хараджа с земли, обработанной определенными людьми. Пожалованье этих доходов и получило в арабском языке термин «икта», а держатель стал называться «мукта», в персидской форме «иктадар». Икта являлась своеобразной формой восточного бенефиция, пожалованья, данного за службу, в частности военную.

Пожалованье икта было одним из каналов феодализации общества, так как раздача права сбора в свою пользу хараджа ослабляла государственную казну, а тем самым и государственную власть. Владельцы икта внедрялись в те пункты, откуда они получали свои доходы, и стремились закрепить за собой не только самые доходы, но и земли, а также распространить свою власть на крестьян.

Икта — это процесс феодализации государства как бы сверху. Навстречу этому процессу шла феодализация снизу; мы имеем в виду коммэндац и ю со стороны крестьян и мелких землевладельцев. В арабской исторической и географической литературе имеется не мало фактов из области этой коммэндации. В арабском языке того времени существует специальный термин «ильджа», от глагола «ладжаа», что значит искать покровительства, защиты. Это и есть арабский термин для понятия «коммэндации». В *Glossarium* в IV томе «*Bibliotheca geographorum arabicorum*» под словом «ладжаа» можно найти следующее место из «*Mafatih al-Olum*»: коммэнтация эта «заключается в том, что слабый (человек) передает под покровительство сильного (свой) земельный участок, чтобы он, сильный, защитил его».

У ал-Истахри (BGA, I, 158) и ибн-Хаукаля (BGA, II, 217) рассказывается, что в Фарсе мелкие собственники передавали свои земли под покровительство богатым и влиятельным землевладельцам из числа придворных султана (халифа) и добивались облегчения хараджа. Процесс отдачи своей земли и себя под покровительство крупным земельным собственникам (коммэнтация) выражался в том, что слабый искал у сильного какой-нибудь помощи (например, уменьшения хараджа, ссуды и т. д.). Постепенно отношение покровительства сменялось отношением зависимости и подчинения. Ищущий защиты (коммэндирующий) постепенно терял свободу и становился в зависимость от крупного земельного собственника. Процесс потери свободы охватил целые районы в Ираке, Фарсе и других местах Ирана.

Два процесса — пожалованье икта и коммэнтация — сверху и снизу разлагали основы дофеодального централизованного государства и переводили производственные отношения в новое феодальное русло.

Весьма характерно, что в полном соответствии с этим быстрым и углубленным процессом феодализации земельной собственности и производственных отношений в сельском хозяйстве шел такой же процесс феодализации городов.

В Иране он ярче всего может быть показан на истории городов Северо-Восточного Ирана, в частности двух наиболее крупных городов Хорасана — Мерва и Нишапура. Оба они в IX—X вв. проделали огромный путь вперед. В смысле своего экономического характера и классового состава эти города резко изменились. В экономическом отношении они стали центрами разнообразного ремесленного производства, а вместе с тем и торговли; в административном — центром областной и даже (при тахиридах Нишапур) государственной власти; в религиозном — центрами мусульманского просвещения и культуры.

Топографически пульс городской жизни был уже на новом месте — в рабадах. Новые феодальные порядки проникали и в ремесла, прежде всего в отношения ремесленников к городской землевладельческой знати, а также внутри самого ремесла, в отношения мастера (устада) к его ученикам.

Относительно Ирана картина нам совершенно ясна — время тахиридов, саманидов и буйдов (IX—X вв.) есть очень важный период значительного ослабления рабовладельческого сектора и усиления феодальных отношений путем сложения и развития ленной системы в форме икта, владельцы которых уже в эту эпоху начали проявлять стремление перенести свое право с доходов на самую землю и сидящих на земле людей.

Как же обстояло дело в Средней Азии и в ее наиболее передовой части — Мавераннахре? В письменных арабских и персидских источниках относительно Средней Азии нет такого обилия сведений по этим вопросам, как об Ираке и Западном Иране.

Имели ли здесь место и к т а и л ь д ж а (коммендация)? Остановимся на первом вопросе. Позволим себе привести несколько фактов. Согласно Нершахи, брат халифа Мутамида (870—892), Муваффах, фактически правитель халифата, отдал селение Искеджкет (в районе Бухары) в икта¹⁰ правителю Хорасана Мухаммеду ибн-Тахиру, а потом, повидимому, отобрал, продал за деньги Сахлу ибн-Ахмеду Дагуни Бухари.

В первом случае мы имеем пожалование доходов — хараджа — с селения Искеджкет; во втором — продажу, о которой нам еще придется сказать ниже. К тому же времени относится и второй факт. Халиф Мутамид предоставил доходы селений вблизи Иштихана тому же Мухаммеду ибн-Тахиру. Здесь также мы имеем дело с и к т а и м у к а т а т. Интересно, в каких выражениях источники сообщают о назначении того или иного лица на пост наместника. Персидские источники употребляют для обозначения назначения термин «арзони доштан», т. е. «пожаловать». Именно так Ахмед ибн-Асад передал сыну своему Насру Самарканд и часть Согда.

Внимательное рассмотрение положения наместников в это время приводит к заключению, что им жалуются власть и часть доходов (доля хараджа) с земель, которыми они должны управлять. Особенно бросается в глаза феодальный характер этих должностей, когда должность наместника становится наследственной, как это имело место уже у ранних саманидов. Ранние саманиды, будучи наместниками тахиридов в IX в., были по сути дела их вассалами и держали себя как полунезависимые князья.

Даже Исмаил Саманид, стремившийся к максимальной централизации власти, не мог преодолеть феодализирующих стремлений землевладельческой аристократии.

Что же касается его преемников, то их история в этом отношении хорошо известна. Нам незачем перечислять ту борьбу с мятежами, которую вели саманидские правители. Вспомним только восстание Исхака ибн-Ахмеда в 914 г., восстание Ахмеда ибн-Сахля, знатного дехкана в 918—919 гг., восстание Абу Али-Чагани в 945 г. и многие другие.

Все они ставили задачей превратить свои области если не в независимые, то во всяком случае в полунезависимые владения.

Вспомним, сколько отдельных владений в Средней Азии и Хорасане не платило хараджа — Хутталан, Чаганиан, Рашт, Хорезм, Исфиджаб, Тункет и другие. Даже наместники из тюркских военачальников стремились превратить отданные им в управление наместничества в независимые владения, например Алп-Тегин и его мятеж в Газне в 962 г. Во всех этих фактах имеются черты нарождающейся феодальной эпохи.

Вернемся, однако, к икта. Источники, к сожалению, сохранили о них мало данных, и мы не можем сказать, как глубоко икта проникла в социально-экономическую жизнь Средней Азии. Не имеем мы и данных о коммендации со стороны земледельческого населения.

Одиноко стоит весьма примечательный акт, хорошо известный историографии Средней Азии, о том, что жители Искеджкета выкупили свои повинности, которые они ежегодно выплачивали Сахлу ибн-Ахмеду Дагуни, согласно «раскладке по домам», за 100 000 дирхемов. О факте этом сообщает Нершахи. Повидимому, здесь речь идет о выкупе хараджа, который вместо казны поступал Сахлу ибн-Ахмеду Дагуни.

Весьма интересную картину представляет уровень развития среднеазиатских городов — Самарканда, Бухары, Кеша и других. В X в. это такие же

¹⁰ Нершахи употребляет термин «мукатат» (Бухарская литография, 1904, стр. 15).

типичные феодальные города, как Мерв и Нишапур, о которых говорилось выше. Города Мавераннахра почти закончили процесс своего оформления как феодальные города с их ремесленными кварталами и базарами, с их административными и правительственными диванами, с их мечетями, медресе и т. д.

Сравнивая Мавераннахр с Ираном и Ираком, мы должны признать, что феодализация в X в. в последних зашла глубже, чем в Мавераннахре. Там в большей мере оказалась подорванной централизация, а вместе с ней и хараджная система эксплуатации; в большей мере усилилась власть крупных землевладельцев над крестьянством. Однако и Средняя Азия быстро шла по тому же пути, пока, пережив караханидское вторжение, не сравнялась с Ираном в своем феодальном распаде.

Подводя итоги сказанному выше, мы можем квалифицировать IX—X вв. как последний этап феодализации, как значительную победу феодальных отношений над рабовладельческими и как начало выхода из дофеодального состояния.

В заключение несколько слов по вопросу о двух последних периодах — VIII в. и IX—X вв. Нельзя пройти мимо двух сторон социально-экономической и культурной жизни, характерных для Средней Азии и Ирана. Прежде всего нельзя пройти мимо исключительного развития денежных отношений. Обилие денег — дирхемов и, отчасти, динаров, употребление их в торговле в больших размерах может, при наличии большого количества оживленных городов с их ремеслами, дезориентировать исследователя в смысле определения уровня общественного развития. Известно, что в последующее время, когда феодальные отношения стали действительно господствующими на Ближнем Востоке, денежное обращение не достигало таких размеров, как во времена халифата, при тахиридах и саманидах. Это обилие денег более характерно для централизованного государства с сильным рабовладельческим укладом и выросло на почве предшествующего рабовладельческого общества. Второе, на чем мы должны остановить наше внимание, — это специфика культурного развития Ирана и Средней Азии в VIII—X вв. Известно, что при феодализме в Европе христианство проникает во все поры общественной и культурной жизни и задерживает развитие всякой свободной мысли.

На Востоке, в Иране и Средней Азии, этот процесс начался по сути только с XI в., в караханидский и сельджукский периоды, когда победа феодализма вполне определилась. В предшествующее же время, при халифате, тахиридах и саманидах, мы еще видим относительную свободу научного сознания, творческой научной мысли, как она проявлялась в философии и естествознании. Такие фигуры, как ал-Фараби и Авиценна, невозможны были бы в обстановке ортодоксального мусульманского мракобесия конца XI и XII вв.

Оба отмеченных явления вполне укладываются в обстановку дофеодального общества с рабовладельческим укладом.

IV

В течение десятого века происходит не только на западе Ирана, но и в его северо-восточной половине и Средней Азии полная победа феодальных отношений.

Обыкновенно с именем сельджуков и караханидов связывают насаждение феодального института и к т а. Мы видели выше, что икта была уже в практике и до XI в. как в Иране, так и в Средней Азии.

Караханидские правители использовали эту икта в своих интересах. Ведь верхние слои караханидского войска, типичные представители кочевой военной знати, не могли сразу перейти на оседлый быт. Для этого надо

было, по крайней мере, столетие. А ведь именно они стали хозяевами положения в покоренном Мавераннахре. Из состава прежнего господствующего класса крупных землевладельцев, преимущественно дехканов, уцелели только те, кто в качестве гражданских чиновников перешел к караханидам на службу. Остальные не только потеряли свои земли и свой былой авторитет, но и постепенно исчезли как слой господствующего прежде класса. Как хозяин страны новая кочевая военная аристократия, владевшая огромным количеством скота, не хотела, да и не могла жить в определенном городе и селении, а передвигалась со ставкой своих ханов.

В городах же тюркские военачальники бывали временно, лишь в те месяцы, или даже недели, когда в них находился двор илек-ханов.

Указанные соображения делают совершенно понятным желание этой военной кочевой аристократии, — не оседая, получать систематические доходы с земель, которые обрабатывались трудолюбивыми руками крестьян. Что же могло быть более соответствующим этому желанию, чем икта — эта восточная форма бенефиция. Систематически несколько раз в год тюркские военачальники и получали за службу определенную долю хараджа в качестве жалованья. Икта становится настолько господствующей формой землевладения, что на нее постепенно переводятся и те из бывших крупных землевладельцев, которые перешли на службу караханидских ханов. Однако было бы ошибкой думать, что частное крупное землевладение совсем исчезло. Икта стала лишь господствующей формой. Повидимому, на основе частного землевладения осталось вакуфное имущество мечетей, медресе и т. д. Та удельная система, которая установилась в Средней Азии в караханидское время (XI—XII вв.), победила не столько потому, что караханиды принесли с собой соответствующие удельные представления об управлении государством, как об этом думал и В. В. Бартольд, сколько потому, что все созревшие в недрах саманидского общества феодализирующие силы подорвали централизованное саманидское государство, раздробили его на части. Вспомним только историю борьбы саманидских правителей с децентрализаторскими стремлениями отдельных правителей.

Весьма интересным в плане изложения п е р и о д и з а ц и и и с т о р и и Средней Азии является общеизвестное место из книги Низам ал-Мулька об икта и мукта. «Мукта должны знать, что они с крестьян не могут взимать ничего другого, кроме предоставленной им законной подати... И когда они (мукта) ее (законную подать) взимают, то крестьяне должны быть спокойны за свою жизнь, имущество, жен и детей, а также за орудия и земельные участки, так как у мукта на все это права нет. Если же крестьяне хотят придти ко двору и довести до сведения правителя о своем положении, то они (мукта) не могут их от этого удерживать».¹¹

Из этого текста конца XI в. ясно, что уже тогда в Хорасане владельцы икта не ограничивали себя одними доходами и вмешивались в земельные и имущественные дела крестьян.

Владельцы икта, как показывает всеобщая практика этого феодального института, стремились повсюду в Иране и Средней Азии превратить свое право на доходы в право на землю и на сидящих на ней крестьян.

Вслед за икта тянется определенная линия усиления зависимости непосредственного производителя — земледельца — от владельца икта. С каждым десятилетием усиливается зависимость крестьян от мукта, которые превращаются в настоящих феодальных помещиков. Личная зависимость крестьянина становится в XII в. уже почти всеобщим фактом, хотя в домонгольское время прикрепления крестьян к земле, отраженного в законе, не наблюдается. Мы не будем задерживать внимания на известных фактах, согласно которым владельцы икта в XII в. повсюду требовали барщинных

¹¹ Низам ал-Мульк. Изд. Schefer, Paris. 1891, перс. текст, стр. 28.

работ с крестьян («сухра гирифтан»). Личная зависимость крестьян проступает не только из повествовательных источников, но и из документальных материалов. Вспомним опубликованные В. В. Бартольдом в I томе «Туркестана» образцы документов, которые указывают, что во второй половине XII в. владельцы икта получали вместе с икта не только доходы, но землю и право на рабочую силу сидевших на земле крестьян. Вспомним хотя бы только диплом хорезмшаха Текеша на имя мелика Туган-шаха в районе города Несы.

Нам нет надобности более подробно останавливаться на этом периоде XI—XII и начала XIII в. Его характерной чертой является путь от икта в смысле взимания доходов с крестьян к икта в смысле права владения не только доходами, но и землей и рабочей силой крестьян, т. е. путь от икта к лену — феоде. Общей чертой для икта XI и конца XII в. является обусловленность землевладения службой. С точки зрения производственных отношений, эти два века — путь крестьянина к полной феодальной личной зависимости. Однако, как выше сказано, юридически выраженного прикрепления крестьян к земле в этот период еще не наступило. Произошло это позже, в следующий, монгольский период истории Средней Азии.

Несколько слов о городах Средней Азии в этот период. Города не только не пострадали в десятилетие саманидской катастрофы и распада государства на уделы под властью караханидских илек-ханов, но закончили свое оформление как чисто феодальные города по линии своей классовой структуры и своей топографии, резко отличной от того, что было в них, когда пульс городской жизни был в шахристане.

V

Монгольский период в истории Средней Азии (20-е годы XIII — 70-е годы XIV в., т. е. до власти Тимура) должен рассматриваться как целый этап с точки зрения ее периодизации. О характере общественного строя в этот период мы имели уже несколько работ, во всяком случае в ряде исторических трудов по истории Средней Азии имеются разделы, касающиеся этого сюжета. Среди других необходимо выделить прекрасную статью И. П. Петрушевского «К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества».¹²

Можно с уверенностью сказать, что если бы не было монгольского нашествия, Средняя Азия нормально углубила бы свой феодальный строй и перешла бы к периоду его полного созревания.

Монгольское завоевание, как общеизвестно, оказалось полной катастрофой для большинства областей Средней Азии и ряда городов. Целые области, как Мервский оазис, часть культурных земель Хорезма, Согда оказались настолько опустошенными, что должно было пройти много времени, чтобы жизнь туда могла проникнуть вновь, причем некоторые из этих районов так и не возродились. Производительные силы были подорваны буквально на всех своих участках, вплоть до самих людей и их рабочей силы. Огромное количество людей было перебито, не многим меньшее количество людей было обращено в рабство. Сельское хозяйство и ремесла были подорваны, а требования новой власти огромны. Господствующий феодальный класс, особенно в секторе крупного духовного землевладения, уцелел среди погромов и других народных бедствий, приспособился к требованиям новой власти и перешел целиком к ней на службу. Никогда, даже при арабской власти, так тяжело не было ярмо подневольного труда крестьян и ремесленников, как в монгольский период, особенно в XIII в. и начале XIV в. Крестьянство испытывало двойной гнет: с одной стороны, требо-

¹² Вопросы истории, 1947, № 4, стр. 59—70.

вания власти, которая собирала в ханскую казну харадж под термином «мал», выразившийся в одной трети урожая, не считая многих других мелких налогов и повинностей; с другой — требования помещиков, которые рассматривали крестьян если еще и не как свою полную собственность, то зависящими целиком от их воли. Им также приходилось выплачивать часть сельскохозяйственного продукта.

Нам незачем здесь останавливаться на деталях, они историкам-востоковедам хорошо известны. Одно только следует напомнить, что в Иране и Средней Азии крестьянам не оставалось иногда и 25% добытого и созданного их руками. И. П. Петрушевский в своей упомянутой выше статье доказал, что монголы принесли с собой привычные им представления о прикреплении людей и запрещении права перехода. Таковы, например, положения ясы о военных людях, причисленных к военным подразделениям — десяткам, сотням, тысячам, десяти тысячам. Вот слова ясы, как она сохранилась в записи Джувейни: «Никакой человек из тысячи, сотни, десятка, который там причислен, не может уйти в какое-нибудь другое место и обрести убежище у кого-нибудь другого, и никто того человека к себе пустить не может... того человека, который совершил бы переход, в присутствии людей убьют».¹³ Эти представления, созданные в эпоху монгольских завоеваний, монголы охотно переносили на крестьян и даже на ремесленников, которые были тогда наполовину в зависимости от властей (повинности на нужды власти), наполовину в зависимости от крупных землевладельцев. Осуществить это прикрепление было тем легче, что оно было подготовлено всей предшествующей историей. Политика закрепощения крестьян в Иране нашла свое юридическое выражение в ярлыке Газанхана 1303 г.

В письменных источниках нет данных о подобном ярлыке на территории Средней Азии, так же как нет прямых указаний, чтобы там в XIII—XIV вв. была практика прикрепления крестьян к земле. Однако отсутствие прямых данных не дает права отвергнуть тезис о закрепощении крестьян в монгольский период в Средней Азии. Общий ход самой феодализации, практика монголов в Иране, наконец, последующие факты прикрепления крестьян на территории Мавераннахра — дают право высказать предположение, что прикрепление имело место там в XIII—XIV вв. Однако, как бы мы ни решали вопрос о юридически выраженном прикреплении, остается бесспорным положение, что в монгольский период в Средней Азии основная масса землевладельцев (крестьян) находилась в личной феодальной зависимости от того или иного помещика, светского или духовного. Как бы ни было регрессивным в истории Средней Азии время монгольской власти, в отношении ее феодализации она сделала дальнейший шаг вперед.

Нельзя пройти мимо еще одной черты политической жизни. В чисто военных и фискальных (налоги) интересах монгольские ханы стремились к некоторому объединению страны, хотя в дотимуровское время это удавалось им плохо. Удалось это сделать только при Тимуре, да и то ненадолго.

VI

Конец XIV—XV вв. занимает особое место в истории Средней Азии. Если в монгольское время феодальная эксплуатация со стороны частных лиц и ханских властей принимала по своей жестокости неслыханно тяжелые формы, то в последующее, тимуровское и тимуридское, время феодальная эксплуатация принимает более ровный и «нормальный» для феодализма (если можно только о каких-то нормах говорить в условиях феодального способа производства) характер. Крестьянин начинает знать, кому, когда и сколько ему причитается платить и вносить, а также, какие работы испол-

¹³ Указ. соч., стр. 64.

нять. Положение его, ввиду многочисленных налогов и частых работ (бегар) в пользу государственной казны и отдельных феодалов, было очень тяжелым. На непосредственном производителе лежал двойной пресс, двустороннее внеэкономическое принуждение со стороны отдельных феодалов и государственных чиновников в пользу ханской казны и в карман сборщиков в результате их злоупотреблений. Тяжелое положение крестьянина — это оборотная сторона блеска придворной жизни и величия и красоты городских построек (дворцов, мечетей, медресе, мавзолеев). Едва ли можно подвергнуть сомнению, что в XV в., особенно во второй его половине, существовало юридически выраженное прикрепление крестьян к земле.

Позволим привести выдержку из документа середины XVI в., относящегося, повидимому, к Самаркандскому вилайету. В грамоте этой, выданной на имя мир-хазара арабов, написано: «Где бы в вилайетах и тюменях ни были крестьяне (ра'айа) и издольщики (шарик), да придут они под управление упомянутого в свой юрт и да занимаются спокойно законным промыслом; пусть никто не укрывает (химайат нешавад) и не препятствует». ¹⁴ Текст ясен — никто не должен укрывать чужих крестьян, они должны вернуться на свои земли, к своим господам. Такой документ не является единственным. Пока мы имеем подобные документы только от XVI и более поздних веков. Не исключена возможность, что в ближайшее время найдутся подобные документы для XV и даже XIV в.

В XV в. феодальные отношения в Средней Азии и связанной с ней экономически, политически и культурно восточной половине Ирана достигли высшей точки своего созревания. Это — расцвет феодального способа производства. Известно, какое огромное значение со второй половины правления Тимура (1370—1405) и при тимуридах играли такие феодальные институты, как суюргал и тархан.

Под суюргалем следует понимать лен. Представители центральной власти в лице таких государей, как Тимур, Шахрух, Улугбек, Абу-Саид, Султан Хусейн, или областной — в лице царевичей, владетелей уделов, раздавали в наследное владение земли с сидевшим на них населением, вплоть до отдельных округов. Лицо, получившее в суюргал какую-нибудь область, имело право взимания в свою пользу всех налогов, податей и повинностей, шедших прежде в казну центральной власти; в случае же, если суюргал дан удельным владетелем, то в пользу последнего. По сути дела тимуридские государства XV в. были целиком построены на суюргальной системе, представляя собой совокупность определенных уделов. С точки зрения единства административного управления, обладатели этих суюргалов были наместниками области, а с точки зрения фактического положения — являлись полунезависимыми владетелями, стремящимися сохранить пост правителя за своим потомством. Такие государственные феодальные объединения были непрочны, и перекраивались, выделяя новые образования.

В тимуридское время феодализм в Иране и Средней Азии достигает своего высшего расцвета; во всех проявлениях своей общественной, политической и культурной жизни он ближе всего подходит к тем видам феодализма, которые дала история России и Запада. После работ, связанных с вопросами изучения Алишера Навои, эта эпоха в области общественных отношений достаточно ясна, и нам незачем останавливаться на ней более подробно. Дальнейшая периодизация истории Средней Азии уже выходит за пределы прямых интересов археологии, поскольку последняя свое главное внимание сосредотачивает на древней и раннесредневековой истории Средней Азии.

¹⁴ С. Л. Волин. К истории среднеазиатских арабов. Труды второй сессии ассоциации арабистов, под ред. и с предисл. академика И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1941, стр. 119—120.

А. Х. МАРГУЛАН

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ РАЙОНА рр. КЕНГИР И САРЫ-СУ

В основу настоящего сообщения положены материалы археологической экспедиции АН КазССР, проведенной в 1946—1947 гг. в районе рек Сары-Су, Кенгира и Улу-Тау. Бассейн рек Кенгира и Сары-Су, совершенно не изученный в археологическом отношении, оставался белым пятном на исторической карте Казахстана. Как показали археологические обследования последних лет, здесь сохранились очень редкие памятники, относящиеся к VIII—XIV вв. н. э., т. е. к периоду пребывания скотоводов-кипчаков, коренного населения Центрального Казахстана (рис. 2).

Рис. 2. Домбаул (домонгольский период), р. Кенгир

Кипчаки, являясь исконными жителями Центрального Казахстана и находясь на различных ступенях своего развития, могли оставить разнообразные памятники, в том числе обширные группы курганов, сопровождающиеся каменными изваяниями, надгробные сооружения в виде башен, плиты с тамгами, остатки оросительных каналов, развалины полуоседлых

поселений и пр. Из памятников этого периода особо выделяются архитектурные сооружения, расположенные по берегам рек Сары-Су, Кенгира и Джезды (мавзолей Жубан-Ана, Талмас-Ата, Темир-Кутлука рис. 3а, и др.). Особенно богат остатками древних сооружений берег р. Кенгир (развалины Келин-Там, Кара-Мола, Жансеит-Там, Бес-Там, Кийкпай-Там, Шимбай и др.).

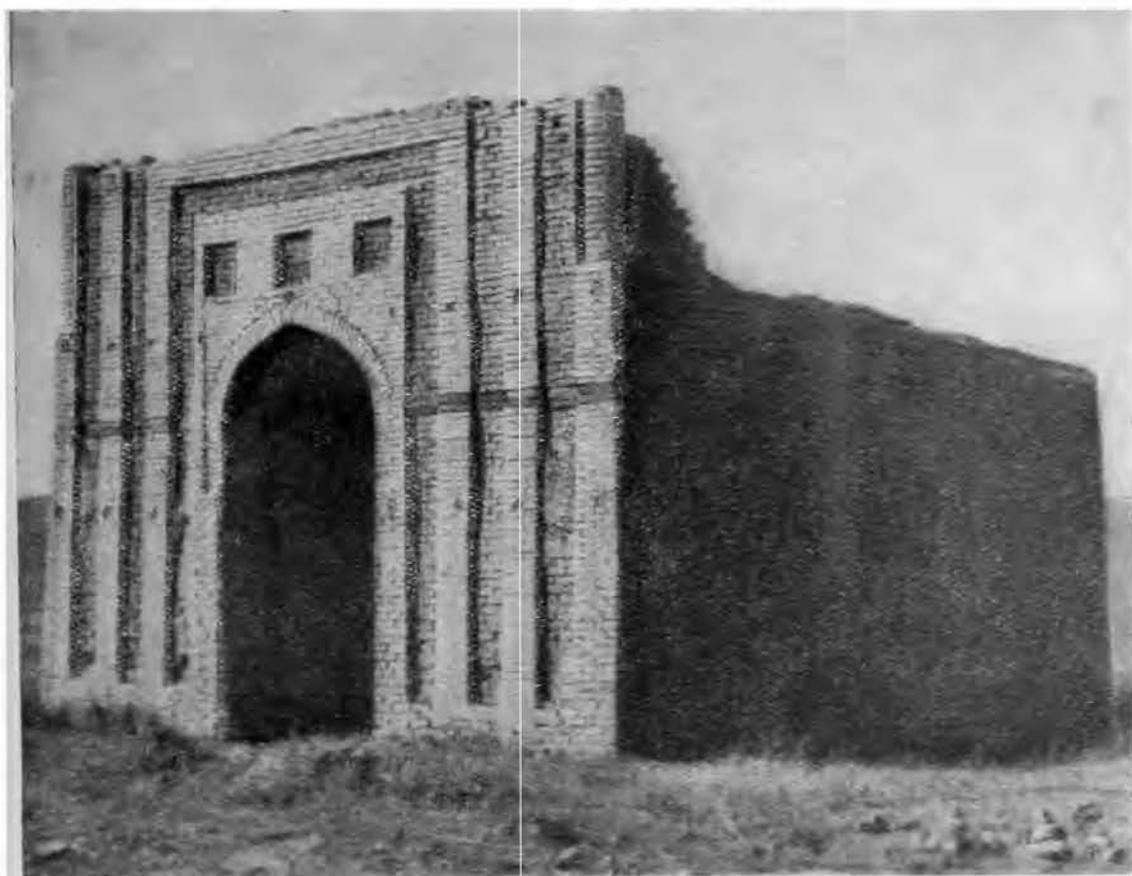

Рис. 3а. Мавзолей Темир-Кутлука или Бала-хана (XIV в.), р. Джезды

Самым замечательным памятником в долине р. Кенгир является мавзолей, за которым народные предания сохраняют легендарное имя Алаша-хана (рис. 3б). Алаша-хана — один из уникальных архитектурных памятников домонгольского периода, уцелевший до нашего времени. Он построен из обожженного кирпича, довольно строг в своих пропорциях, монументален и декоративно наряден. План мавзолея представляет квадратную композицию, но разработка мощных пилонов у главного фасада придает зданию вид прямоугольника. Мавзолей еще сохраняет более древние архитектурные формы, характерные для центрических зданий. К ним относятся почти одинаковая обработка всех фасадов.

Конструктивную особенность мавзолея Алаша-хана составляет купольное перекрытие и разработка тромпов. Переход от квадрата к восьмиграннику и шестнадцатиграннику, на котором покоится купол, совершен посредством тромпов с арками. Наиболее интересную часть составляет декорация. Все наружные стены мавзолея сплошь покрыты кирпичной орнаментацией в виде квадратов, ромбов, треугольников и ёлочки. Для украшения главного фасада и фриза применены разные технические приемы — резная терракота, глазурь и резьба по штукатурке.

О мавзолее Алаша-хана, как и о других памятниках Кенгира — Сары-Су, очень трудно найти какое-либо упоминание в письменных источниках,

за исключением только народных преданий. Вследствие этого, изучение кенгиро-сарысуйских памятников сопряжено с некоторыми трудностями.

Мавзолей Алаша-хана по своей архитектурной форме и стилю имеет много сходных элементов с датированными памятниками XI—XII вв. Это позволяет решать вопрос о времени его возникновения, в частности, путем

Рис. 36. Мавзолей Алаша-хана (XI—XII вв.). Вид с северо-востока

сопоставления с караханидскими архитектурными памятниками XI в. Его квадратный план напоминает мавзолей Мир-Саида Бахрама в Кермине (памятник датирован X—XI вв.), а трехчетвертные колонки на углах порталной арки и орнаментации аналогичны узгенским мазарам.

Сравнительный анализ архитектурных деталей мавзолея Алаша-хана и известных памятников X—XI вв. лишний раз подтверждает архитектурно-художественное значение этого мавзолея и дает возможность поставить проблему изучения архитектурной декорации в Казахстане, основа которой лежит в народном орнаментальном искусстве.

Другим значительным сооружением в долине р. Кенгир является мавзолей Джучи-хана. Это — обычный тип мавзолея прямоугольной ком-

позиции; декорация состоит из голубой (бирюзовой) глазури и резной терракоты, покрытой также глазурью. Раскопка гробниц Джучи уточнила наше представление о погребальном обряде и выяснила архитектуру склепа, а также дала ценные находки, имеющие историко-культурное значение (плита с арабской надписью).

Изучение кенгирских памятников тесно связано с историей данного края и позволяет поставить ряд вопросов, касающихся социально-экономической и бытовой стороны жизни древних кипчаков.

Раскопки в 1947 г. в Пянджикенте были заложены в трех местах (не считая трех пробных шурфов); в кукендизе (цитадель) в двух точках и в шахристане — в одной.

В кукендизе был раскопан высокий бугор; это — остатки дворцовой постройки с массивными стенами, выложенными из сырцового кирпича и частично из пахсовых блоков (рис. 4). Вскрыто было пять помещений. На полу одной из комнат под сырцовым кирпичом найдена была группа ценных предметов: золотой женский перстень с большим аметистом, три

Рис. 4. Раскопки цитадели древнего Пянджикента

печати с согдийскими знаками, одна из них из серпентина прекрасной работы, восемь жемчужин и много мелких предметов художественной работы. Все предметы, как и сама раскопанная постройка, точно датируются согдийскими монетами первой половины VIII в.

Второй раскоп в кукендизе⁵ был проведен на север от отмеченной выше постройки двора владельца Пянджикента, на участке № 2, размером 12 × 12 м. Как видно из более подробного отчета, раскоп этот оказался очень сложным. Он показал, что в течение трех веков (VI—VIII) раскопанный участок два раза подвергался сильному пожару, несколько раз перестраивался, о чем свидетельствует план сохранившихся здесь частей построек. Раскоп этот дал большой материал, особенно керамику. Здесь найдено около 10 согдийских монет VII—VIII вв., которые точно датируют все слои. Для данного участка кукендиза весьма характерна (в противовес шахристану) на поверхности, в пределах верхнего культурного слоя (0,5 м), полиеная керамика XV—XVII вв., указывающая, что здесь в ту эпоху было какое-то военное поселение (военный сторожевой пост). Высокое, господствующее положение кукендиза (цитадели) над окружающей местностью делало его особенно удобным для такого сторожевого поста. Обилие керамики и других предметов, хорошо датированных монетами, дает полную возможность классифицировать находки хронологически.

Наиболее интересный раскоп был заложен почти в центре шахристана. Здесь удалось наполовину раскопать большое здание. Пока раскопаны че-

⁵ Главный производитель раскопочных работ А. И. Тереножкин.

тыре комнаты. Здание оказалось оригинальной по своему плану еще неизвестной для Средней Азии постройкой, от которой сохранились стены до 3,5 м высоты. Наиболее важной частью этого большого здания было центральное помещение. Характерно, что уже на глубине одного метра в завале начали попадаться угли в довольно большом количестве. Было ясно, что здание это претерпело огромный пожар. При углублении в раскопках количество углей и пережженной земли увеличивалось, пока не открылись в

Рис. 5а. Глиняный бокал из погребений II—I вв. до н. э. Могильни Туп-хана

завале целые обуглившиеся бревна и балки от деревянных перекрытий и деревянных резных колонн. В центральном помещении здания среди обуглившихся остатков колонн раскрыты две каменные базы (из двух частей) от колонн. В основе лежит высокая квадратная каменная плита, стороны которой равны 85 см. На ней покоится каменная круглая подушка 62 см в диаметре. Оба камня (базы колонн) хорошо отшлифованы. Уже сейчас мы имеем полное право сказать, что перед нами раскрывается четырехколонное помещение. На стенах этого помещения, как и в соседних комнатах, имеются следы росписи, сильно пострадавшей от пожара. С востока к четырехколонному помещению прилегает обширный айван, на полу которого видны следы от деревянных баз, поддерживавших деревянные колонны.

Во время раскопок в здании № 1 было найдено много весьма ценных предметов: 1) согдийские монеты VII—VIII вв.

(некоторые из них хорошей со-

хранности); 2) несколько раннеарабских монет (до середины VIII в.— в фрагментированном состоянии); 3) накладка из резной орнаментированной кости для рукоятки короткого согдийского меча VII—VIII вв.; 4) золотая пластинка в виде трилистника; 5) свыше 300 бус разнообразного материала, разной величины и формы (горный хрусталь, нефрит, кораллы, ляпис-лазурь, полудрагоценные камни, цветная паста, жемчуг и т. д.); 6) железный трезубчатый большой ключ, наподобие того, что имеется на изображении одного из бия-нейманских оссуариев. Ключ, повидимому, от главного помещения здания № 1; 7) фрагментированное бронзовое зеркало и другие предметы.

Огромное количество найденных украшений и план нераскрытого еще до конца помещения заставляют нас предполагать, что мы имеем здесь дело с развалинами храма; впрочем, окончательно это может быть подтверждено лишь будущими раскопками.⁶

⁶ Раскопки здания № 1 в шахристане древнего Пянджикента вели ст. научн. сотр. А. М. Беленицкий и научн. сотр. экспедиции Н. Н. Забелина.

Весьма интересными были раскопки, проведенные М. М. Дьяконовым в Гиссаре, где он копал первый раз в 1946 г. Два древних бактрийских погребения (№ 7 и 17 — мужское и женское), вскрытые в 1947 г., дали ценнейший в научном отношении материал. Костяки похороненных здесь лиц лежали на спине с вытянутыми ногами и руками. Ориентация костяков с ССЗ на ЮЮВ.

В этих погребениях на груди умерших, с левой стороны, лежало по античному оболу, по типу, близкому к оболам Евкратиды. У голов костяков в могилах лежали глиняные сосуды отличной работы. Особенно примечателен сосуд в форме большого бокала (рис. 5а). Весьма интересна пронизка бус, найденная на шее похороненной здесь женщины, а также бронзовые браслеты и другие предметы (рис. 5б).

Два указанных погребения, датированных оболами, а также аналогичное погребение, вскрытое раскопками 1946 г., дали возможность М. М. Дьяконсу сделать заключение, что в Гиссаре на Туп-хане мы имеем дело с могилами, относящимися к раннекушанской эпохе, ко времени конца II и начала I в. до н. э.

Весьма характерно, что антропологическое изучение черепов из некрополя (Туп-хана), проделанное проф. Гинзбургом, дает право утверждать, что между бактрийцами II—I вв. до н. э. и современными таджиками Южного

Таджикистана существует полное антропологическое тождество.

Для этногенеза таджикского народа этот вывод весьма важен.

В июне 1947 г. Вахшский отряд Согдийско-таджикской археологической экспедиции работал по обследованию археологических памятников в районах: Курган-Тюбинском, Октябрьском, Кагановичабадском, Молотовабадском, Ворошиловабадском, Джиликульском, Микоянабадском и Шаартузском.⁷

Отрядом было обследовано 13 городищ и 50 тепе. Наиболее интересным городищем является Лагман, по площади 43 га, находящееся в 24 км на юго-запад от Курган-Тюбе. Окруженное высокой стеной с остатками башен

Рис. 5б. Ожерелье из стеклянных бус из погребений II—I вв. до н. э. Могильник Туп-хана

⁷ Вахшский отряд работал в составе: начальник — А. М. Беленицкий; ст. научные сотрудники А. П. Колпакова и А. Н. Дальский; топограф Ю. П. Можав и студент Н. Хисамудинов.

и следами четырех ворот, оно представляет исключительный интерес как памятник средневековой культуры. Судя по керамическим находкам, расцвет бывшего здесь поселения приходится главным образом на XI—XII вв. Среди интересных керамических сборов на городище Лагман следует выделить глиняный сосуд с изображениями барсов, выполненных штампом; относится он, повидимому, к эфталитскому времени, т. е. к V—VI вв. или несколько позднее.

Весьма ценным следует признать обнаружение на территории сел. Саят (в 5 км на юг от Шаартуза) мавзолея Машад (рис. 6). Собственно говоря,

Рис. 6. Двойной мавзолей у сел. Саят

это не один, а два мавзолея, соединенных аркой. Мавзолеи сложены из обожженного кирпича. Они порталного типа, декорированы неполированными кирпичиками и арабскими надписями, исполненными резьбой по глине. Судя по стилю декорировки и почерку надписи, мавзолеи должны быть отнесены к XII в. Они настолько оригинальны, что их изучение составит интересную главу в истории среднеазиатской архитектуры. В кратком конспективном наброске нет возможности остановиться на других объектах работы Вахшского отряда, который собрал интересные и разнообразные материалы.

Большую и ценную работу провел Верхнезеравшанский отряд,⁸ который продолжал работу, начатую в 1946 г. Осенью 1947 г. отряд обследовал в археологическом отношении: 1) правый и левый берега Зеравшана; правый берег от впадения Кштута в Зеравшан и до сел. Тинтага (граница между Таджикистаном и Узбекистаном); левый берег от Пянджикента до Рабат-и-Ходжа (древний Варасар), вниз по течению и от сел. Суджина до устья Кштута вверх по течению Зеравшана; 2) бассейн Магиан-Дарьи и приток Шинк; 3) бассейн Кштута — от устья до Куляли и приток Кштута — Нигнот.

Отряд зафиксировал большое количество городищ и тепе — остатков древних укрепленных поселений от маленьких городов до одиноко стоящих караул-хана. По правому берегу Зеравшана зафиксирован 21 археологиче-

⁸ Под руководством О. И. Смирновой.

ский памятник указанного типа, по левому берегу — 22, по Магиан-Дарье — 12, в Фарабе и Муса-Базаре — 6, по Кштуту и Нигноту — 7 и от Суджина до устья Кштута — 5. Весьма интересными оказались наблюдения над остатками стены, построенной для защиты от кочевников (Кампыр-Дувал) по левому берегу Зеравшана и над пятью крупными каризами — подземными каналами.

Все указанные памятники подвергались первичной фиксации (глазомерная съемка, краткое описание и фотографирование). Кроме того, путем опросов местных жителей были собраны сведения о топонимике и фольклорный материал.

Отрядом собран также большой и интересный керамический материал.

Интересной и продуктивной оказалась поездка начальника экспедиции А. Ю. Якубовского, Е. М. Пещеровой, О. И. Смирновой, А. Н. Дальского и А. А. Боровкова в горное селение Мазар-и-Шериф для осмотра и описания совершенно не изученного и почти не известного архитектурного памятника — мавзолея Мухаммеда Башара, возведенного, согласно надписи в левой части портала (внизу), в 743 г. хиджры (1342 г. н. э.). Мавзолей выложен из обожженного кирпича и имеет замечательный портал, декорированный резными терракотовыми композициями (сочетание геометрических плетений, арабских надписей и стилизованных растительных мотивов). Особенностью декорировки портала является то, что здесь уже в основную массу неполивной терракоты частично введены и глазурованные кирпичики, из которых составлены рамки всех декоративных композиций. Глазурованными расписными плитками покрыты и тимпаны портала. Мавзолей Мухаммеда Башара является, таким образом, переходным этапом от декорировки неполивной резной терракоты (южный мавзолей 1187 г.) к поливной резной терракоте (мавзолей Кусамы ибн-Аббаса в Самарканде), хотя по времени последний на несколько лет старше мавзолея Мухаммеда Башара.

Нельзя, в заключение, не отметить работы ст. научн. сотр. экспедиции А. Н. Дальского в области фиксации и описания наскальных изображений животных и человека в районе кишлака Кулали, в кишлаке Нигнот, по саю Гурбик, а также в районе упомянутого выше Шинка, особенно по саю Вагиштан. Изученные А. Н. Дальским наскальные изображения зафиксированы (фото и эстампажи), описаны и подвергнуты изучению.¹ Собранные материалы, несомненно, представляют немалый интерес для истории древнейшей культуры и искусства Таджикистана.

¹ См. Известия ВГО, т. 81, в. 2, 1949.

вала Тау-Мурун; на Памире пещера на перевале Джамантал и многие другие. Эти пункты с наибольшей вероятностью могут дать культуры палеолитического и неолитического облика.

Во время обследования высокогорных сыртов Тянь-Шаня в долине Арпа мы открыли в урочище Бурмачап могильник на высоте 3000 м выше уровня моря, состоящий из двух типов могил: первый — прямоугольная выкладка из камней на ребро, разделенная на две неравные части такой же полосой камней; второй — такой же прямоугольник, разделенный полосой камней, но перекрытый каменной насыпью, или два вписанных друг в друга прямоугольника и тоже перекрытые каменной невысокой насыпью. Раскопки дали следующие результаты: в курганообразных захоронениях оказались остатки сожженного костяка (кальцинированные кости) и сосуды типично андроновского облика, известные нам по степным, казахстанским могильникам, украшенные богатым штампованным орнаментом. Из других находок должны быть отмечены бронзовый незамкнутый браслет, бронзовые бусы в виде шестеренок и бусы пастовые в виде пронизок.

В прямоугольных выкладках без насыпи были встречены следы костра и сосуды шаровидной формы с лощением темнокоричневого и черного цвета, напоминающие разновидность карасукской посуды. К карасукскому времени (вероятно, начало I тысячелетия до н. э.) должен быть отнесен могильник в ущелье Чон-Кемин (каменные подквадратные выкладки над могилами с труположением). В одной могиле был найден бронзовый нож поздней формы на Тянь-Шане, а также подъемный материал двух типов с тепе в Южной Киргизии (окрестности гор. Ош): 1) толстый черепок со следами красочной росписи бурой и темнокрасной краской, 2) черный и сероглиняный черепок с орнаментом насечкой в виде отрезков «елочки» или простых зигзагов и косых штрихов.

Арпинские курганы эпохи бронзы примечательны тем, что фиксируют совершенно иную географическую среду для андроновцев — сырты Тянь-Шаня, фиксируют крайний юг их распространения по меньшей мере на 1000 км южнее зоны распространения типических андроновских форм и не менее чем на 2000 м выше, чем они обычно обнаруживались.

Находки на юге Киргизии важны наиболее древним для этой эпохи указанием, что в подгорных долинах Ферганы сосуществовали культуры равнинного земледельческого облика типа Анау III—IV с горнопастушескими формами карасукского облика. Наблюдения на юге над памятниками эпохи бронзы подтвердили и дальнейшие выводы относительно более поздних памятников скифо-сакской эпохи.

Повсеместное распространение курганов саков на Тянь-Шане подтвердило те результаты, которые мы неоднократно излагали на основании изучения аналогичных комплексов в долинах Чу, Таласа и Или. Черная, сероглиняная и розоватая керамика полусферических асимметричных форм, украшения, а иногда и оружие из бронзы и, редко, железа как сопутствующий инвентарь труположения под каменной, иногда с кромлехом насыпью, — вот типично сакский курган. Палеоантропологический материал — типично андроновский (Ала-Мышик, Нарын). На юге Ферганы, в Алае и Чон-Алае раскопки сакского типа погребений дали ту же конструкцию насыпи, иногда с сохранением, в виде пережитка (в ранних могильниках, например, в Чакмаке) четырехугольной выкладки, труположение с ориентацией ЮЗ—СВ, керамику тех же форм, бронзовые булавки с круглой головкой. Расовый тип также приближается к андроновскому.

В других могилах (Тулейкенский могильник) была обнаружена керамика тех же сако-усуньских форм, т. е. полусферические чаши и грушевидной формы сосуд. Отличие в инвентаре этих могил от тяньшаньских проявляется в окраске поверхности сосуда красной краской, на кувшине прорезной орнамент в виде опущенных углами вниз треугольников, окра-

шенных в шахматном порядке красной и желтой краской. Этого явления (резной орнамент и двухцветная раскраска) мы совершенно не знаем для Тянь-Шаня, и оно вполне согласуется с характерной для Ферганы традицией монохромной (реже полихромной) раскраски, восходящей к анаусским традициям, представленным для Ферганы культурой типа раннего Эйлатана.

К более позднему этапу мы относим курганы с земляной насыпью и ровиком вокруг кургана, с труположением С — Ю. Датируются они типичной позднескифской железной трехгранной стрелой с длинным черешком (Кургак). К сожалению, нам неизвестна керамика из этого типа погребений.

Курганы этого типа широко распространены по Южной Фергане, в Алае и Чон-Алае по обоим берегам Кызыл-Су; они отмечены нами также по Памиру в долинах Пшарт, Аксу-Мургаб, каньон Памира, по берегам озер Булун-Куль и Яшиль-Куль, перевал Койтезек. Они поднимаются на высоту до 4000 м над уровнем моря и встречены в самых крайних юго-западных и западных зонах распространения сакской культуры, вплоть до Вахана и Шугнана.

Сходство между собой этих курганов по конструкции насыпи позволяет видеть в них памятники одной и той же в основе группы племен, занимавших территории, где были распространены амюргийские саки. Тяньшаньская группа (как и каратауская) ближе, однако, к скифским влияниям южносибирского происхождения; ферганская группа увязывается с равнинными земледельческими группами саков и выделяется нами в аристовскую подгруппу (кенотафы Тулейкена); алайская и чоналайская расположены в зоне обитания кумедов. Все эти подгруппы входили в состав культуры саков амюргийских (хаумаварга).

Курганы усуньского периода нами раскапывались на Тянь-Шане и на юге. Они очень выразительны по своим внешним данным и построением могильника в цепочку. Особенности инвентаря усуньских курганов по Фергане отмечены и другими исследователями. Важно подчеркнуть два момента в отношении культуры этого времени. На Тянь-Шане она сохраняет чисто кочевой облик; начиная с Кетмень-Тюбе и в Фергане она тесно связана с оседлостью и земледелием. В Кетмень-Тюбинской котловине, где население искони было оседлым, для этого времени характерны поселения, население которых высевало просо; наряду с полусферическими формами сосудов наличествуют и плоскодонные. В равнинной Фергане усунь сосуществуют с даваньской культурой и связаны с оседлостью. Типичной чертой даваньской культуры являются большие сосуды, полусферические, с толстой стенкой; глина с шамотом, поверхность покрыта жидким светлым ангобом. Усуньская керамика крашенная. Ярче всего эти культурные комплексы в Кетмень-Тюбинской котловине, Восточной Фергане, по предгорьям, и заходят, вероятно, в горы, в Алай. Сигналы об этом имеются из Гульчи и в местности Куналяк (Алтай). Далее, в горных районах Алая и Чон-Алая (и быть может, по Каратегину) она, видимо, восстанавливает свой кочевнический облик. По Памиру также отмечены усуньского типа цепочки по Аксу-Мургабу, но курганы незначительные по количеству и величине.

Если на Тянь-Шане эта культура нами именуется «усуньской», по Кара-Тау «кангюйско-каратауской», то для Кетмень-Тюбе и Ферганы она должна именоваться «хюсюньской», по Чон-Алаю — культурой кочевников гуаньду, в соответствии с данными китайских источников о расселении кочевников этого времени, т. е. III в. до н. э. — I в. н. э.

Генезис этой культуры для Памира ясен. Невозможность в древности меридиональных коммуникаций с севера на юг по северо-восточному Памиру (по естественно-географическим условиям — пустыни и горный узел Гармо) и через Западный Памир (в силу недоступности его долин по историче-

ским обстоятельствам) заставляет предполагать, что заселение Восточного Памира происходило, скорее всего, с востока через Сары-кол, т. е. с юго-западного Тянь-Шаня. Попутно отметим, что часть могил Памира этого времени имеет явно тибетоидный характер, что вполне объясняется близостью племен тибетской группы цзыхэ и наличием части конфедерации цзыхэ на Памире в виде племени улэй.

Во всяком случае, не решая вопроса о генезисе и генеалогии культуры усуней в этих местах, отметим, что она весьма далеко заходит на запад и отмечена уже у самого Гарма (Шульская группа).

В Фергане развивается даваньская культура, представленная концентрирующимися большими группами плоскими тепе, которые китайцы называют «уши». Несколько позднее возникают городища в виде прямоугольников стен, древнеферганские «чэны» или «чэн-го», со свободным, незастроенным пространством в центре. Стены укреплены башнями, в которых имеются узкие продольные комнаты, и выстроены из крупного продолговатого кирпича. Городища возникают как стойбища кочевников, знакомых, однако, с земледелием. Из таких городищ возникает древнейшая столица Ферганы — город Эрши-Рашт, аристеевский по своему происхождению, отождествляемый нами, по историко-топографическим данным, с Мархаматским городищем. С ним мы связываем культовые изображения даваньских лошадей на скале у с. Араван.

Сложный вопрос возникновения и развития кушанской культуры Ферганы II в. до н. э. — V в. н. э. не может быть еще в целом решен на археологическом материале. Однако мы все же располагаем серией наблюдений по этому вопросу.

Во-первых, кушанские поселения, чэны, возникают как развитие даваньских тепе и городищ. Они увеличиваются количественно и заходят в глубь гор. Таковы, бесспорно, нижние слои тепе в Гульче и городища Куутам в Алае. Незастроенные внутри городища, типа Чач-тепе у гор. Ош (ранняя группа). Появляются городища и с мощным культурным слоем, сплошной застройкой внутри стен, где наряду с кушанской весьма обильна и даваньская керамика. Очевидно, эти городища возникают на местах древних даваньских поселений. Таковы — более примитивное поселение Кашгар-Кишлак и впоследствии перестроенное городище древнего Касана — второй столицы Ферганы I — VIII вв. н. э.

Во-вторых, изменяется тип тепе. Для кушанского периода характерны тепе башенного типа — высокие, с площадкой. К концу или в середине кушанского периода, повторяя архитектуру кушанского тепе, появляются города-полисы общин, датируемые керамикой типа terra sigillata (Кургашин-Тепе), иногда, быть может, более ранней черной с прорезным криволинейным орнаментом (Гульча).

В-третьих, типично появление сосудов, сформованных на гончарном круге в виде чаш с уплощенным дном, позднее — на дисковидном поддоне и редко — на кольцевом; тесто прекрасной выделки, поверхность сосуда окрашенная и залощенная, иногда покрыта лаком.

Чем позднее кушанская керамика, тем толще и грубее черепок, ухудшается лощение, преобладает пятнистая или полосчатая затирка. В IV в. и несомненно в V в. укрупняется объем сосуда, чаще встречаются кувшины.

Кушанская керамика имеет огромное распространение.

Первого типа керамики нет в Центральном Тянь-Шане, он единичен в Восточном, редок в Кетмень-Тюбе; в массовом количестве встречается по всей Фергане, в нижних слоях крупных городищ (например, Узген); наличествует в Западном Памире по Гунту, Шах-Даре и Вахану. На этих территориях почти нет красного лака, но много фрагментов хорошего красного лощения.

Второй тип распространен в основном в Фергане, редко — в Запад-

ном Памире. Для Ферганы характерно появление с V в. полосчатой серой керамики (тохаристанской); для Памира, особенно на Вахане — грубый красный в изломе черепок с запеченной слюдой, как бы имитирующей позолоту в аналогичной керамике Согда VI—VII вв. (Тали-Барзу, Кафыр-Кала). Этот тип керамики мы именуем «эфталитским». Ухудшение лощения в Фергане мы объясняем конкуренцией поташной поливы, которая для VI—VII вв. является массовой в городищах.

В-четвертых, к раннекушанскому периоду относится развитие горных разработок Ферганы (например, в районе Хайдаркана), развитие ирригационной системы, а с позднекушанским периодом связывается колонизация, быть может, в Алай, а также на Восточный Тянь-Шань (тепе в оазисе Ширдак-Бек, на р. Алабуке).

Все эти обстоятельства, в частности последние, дают возможность предполагать, что на кушанский период с конца II в. до н. э. и до V—VI вв. н. э. падает расцвет патриархально-рабовладельческих отношений.

Археологические материалы совершенно ясно указывают на широкое участие в генезисе культуры кушанского государства в Фергане племен усуней, с которыми, на основании других данных, мы связываем и возникновение самого имени кушан по формуле: усунь → хюсюнь → кусан → кушан. Полагаем, что активизация усуней в Фергане и слабые позиции кушан Ферганы в Тянь-Шане и в глубинном Алае и Чон-Алае связаны с появлением на Тянь-Шане и в Чон-Алае гуннов.

Исследования 1944—1947 гг. привели нас к открытию культуры кенкольского типа в Центральном Тянь-Шане (Арпа, Атбаш) и в Чон-Алае (Мааша и Кызыл-Туу; рис. 7).

Эта культура представлена на Тянь-Шане земляными курганными насыпями над вырубленной в лёссе катакомбой. В катакомбе одиночное захоронение (в одном случае два детских). Расовый тип погребенных — монголоидный, ослабленный европеоидными примесями. Характерен массовый инвентарь из дерева (посуда, столики на четырех ножках), шелк, бусы стеклянные и пастовые черные, инкрустация карнеолом. В Мааша и Кызыл-Туу четырехугольные оградки с усиками (типа Ильмовой Пади), либо менгирами по углам; в Кызыл-Туу такие же, но более уплощенные выкладки перекрыты и каменной плоской насыпью. Под этой насыпью катакомба, трупоположение и расовый тип погребенного тот же. Сходен и инвентарь, но имеются уже пряжки с подвижным язычком, серьги бронзовые раннесалтовского типа. Маашинские катакомбы (равно как и Кызыл-Туу) позже кенкольских и арпинских катакомбных погребений и датируются нами II—IV вв. Напомним, что Кенкол мы датируем I в. до н. э.—II в. н. э. Облик погребений Арпа и Мааша тот же — гуннский, подтверждающий свидетельства античных авторов Страбона и Птолемея о наличии гуннов у гор Имаус (т. е. Памира). Вторжение гуннов на Тянь-Шань и занятие ими части Памиро-Алая, привело, по нашему мнению, к усилению усуньских элементов в Фергане. Скрещением усуней с древним даваньским населением (явно связанным с эллинистическим междуречьем Средней Азии) мы объясняем возникновение кушанской культуры Ферганы.

С другой стороны, сами гунны в соединении с местными среднеазиатскими племенами закладывают основу эфталитского происхождения белых гуннов. Грубая керамика эфталитов, отмеченная нами в Западном Памире, аналогична которой мы встречали на Сыр-Дарье (а это были два русла движения гуннов и два центра образования эфталитов), схожа с одним из типов гуннской черной рыхлой керамики с запеченным кварцем. Следует, однако, отметить, что керамика гуннов вообще весьма разнообразна по качеству теста и форме сосудов, что свидетельствует о заимствовании ими разнообразных приемов и отсутствии собственной твердой традиции в керамическом ремесле. Чтобы не возвращаться к вопросу об эфталитских эле-

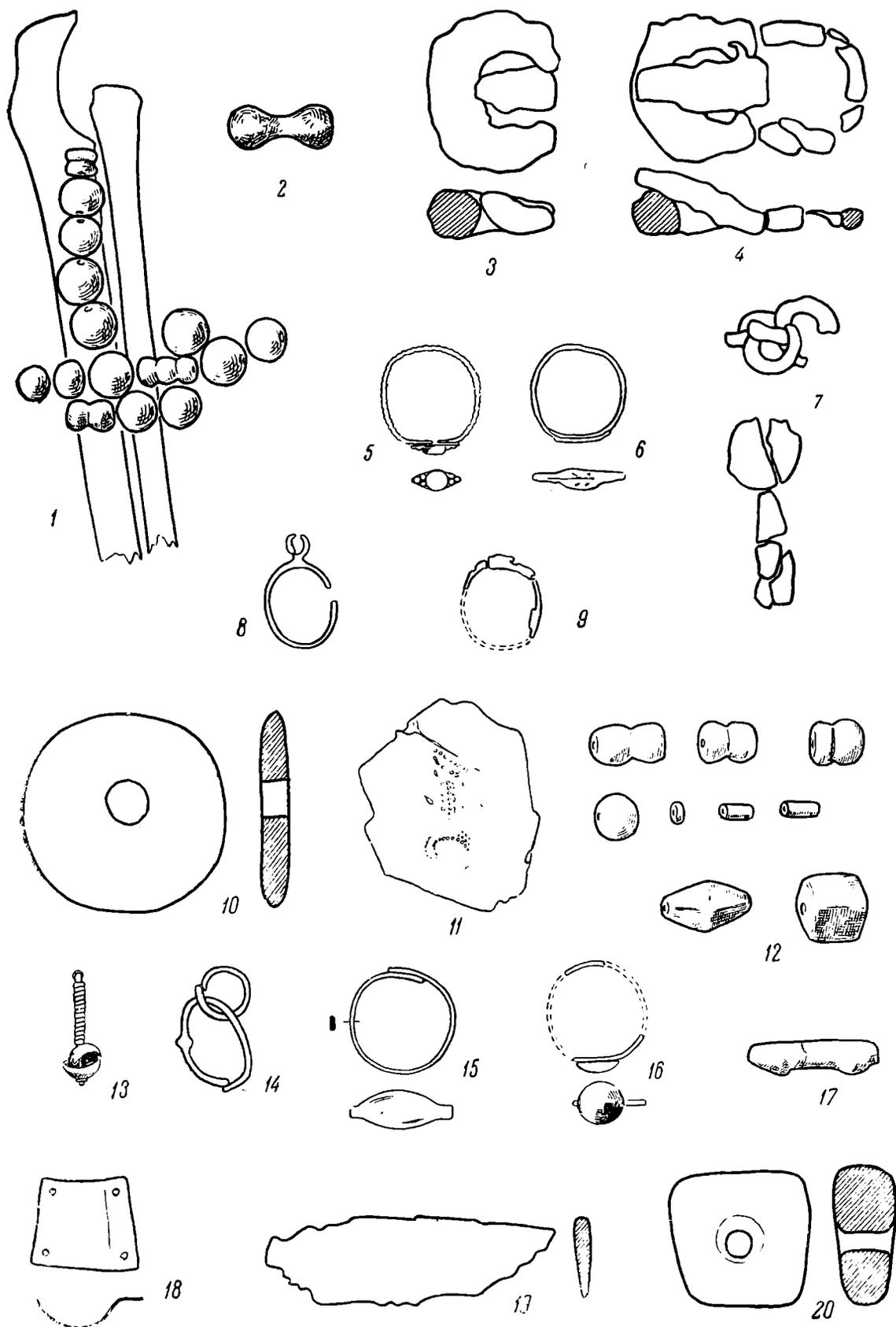

Рис. 7. Гунгунский могильник Кызыл-Туу и Мааша в Чон-Алае

К у р г а н 2: 1 — пастовые бусы; 2 — стеклянная подвеска; 3, 4 — железные пряжки; 5 — бронзовое кольцо; 6 — бронзовое кольцо; 7 — железная цепочка и подвеска; 8 — бронзовая подвеска; 9 — железное кольцо. М а а ш а - к у р г а н 15: 10 — каменная пряслице; 11 — кожа с отпечатком бронзового украшения; 12 — бусы (агат, паста, кость); 13 — бронзовая подвеска; 14 — бронзовая подвеска; 15 — бронзовое кольцо; 16 — бронзовое кольцо с приклеенным стеклом; 17 — песчаниковая подвеска. М а а ш а - к у р г а н 14: 18 — серебряная пластинка; 19 — железный нож; 20 — каменное пряслице

ментах, отметим, что ко времени их владычества мы относим последний расцвет крепостей Вахана (Ямчун, Ка'ака) и поселений Гунта и Шах-Дары (Имсмхона, Ванк-Кала, Чертым, Ривак, Чарык-Кала, Рош-Кала), генезис которых порой восходит к даваньскому периоду, начало расцвета — к кушанскому. Строительный размах крепостей Западного Памира, особенно по границам соприкосновения с кочевниками (слияние Гунта и Токуз-Балака, верховья Шах-Дары, у озера Турумтай), объясняется не только

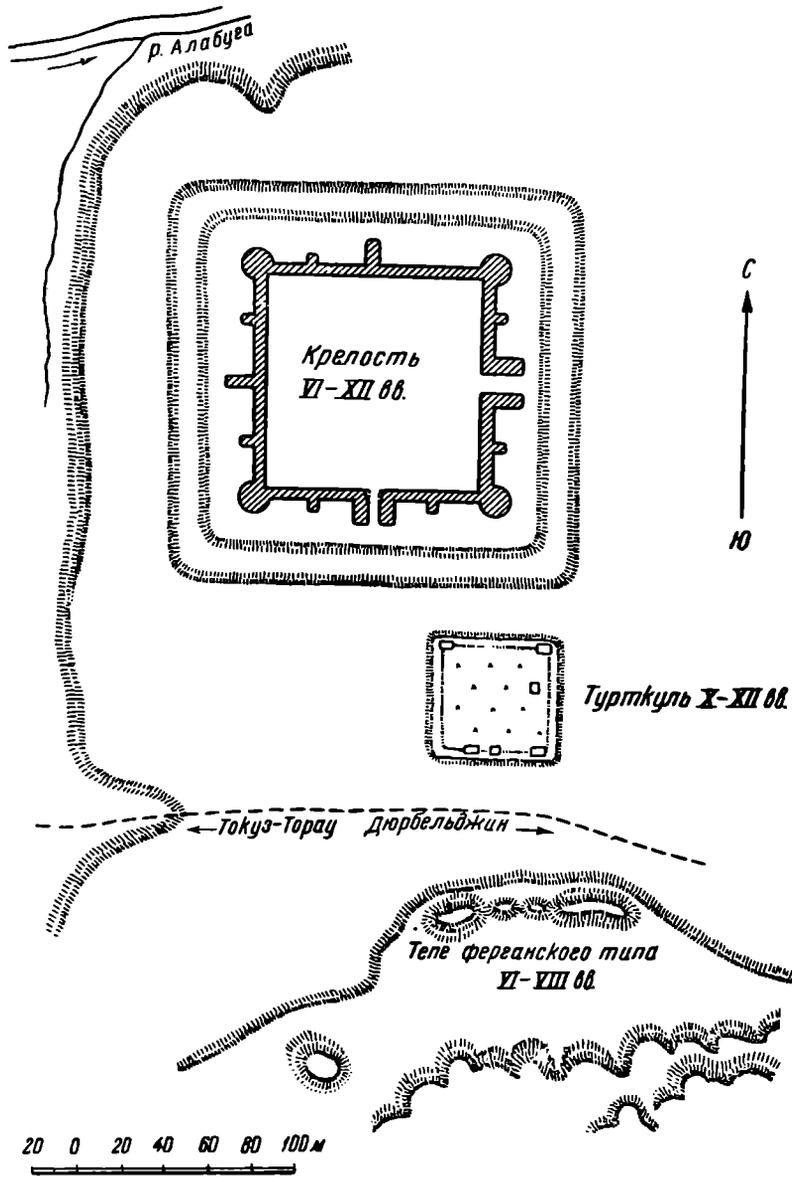

Рис. 8. Схема оазиса Ширдак-Бек (VIII—XII вв.). Центральный Тянь-Шань. Долина р. Алабуки

активностью кушано-эфталитского государства, но и активностью кочевых племен, усиливших свои юго-западные тенденции не без влияния все тех же гуннов. Исследование письменных источников (китайских, сако-хотанского «путеводителя» конца X в. и других) позволило нам в крепости Ямчун увидеть «сакский» город Гашэнь, в руинах Ка'ака — древний город Кухан-Хокань, позднее — Ябгукат — резиденцию тохаристанского ябгу.

К эфталитскому периоду мы относим погребения без инвентаря в могилах с каменными оградками на поверхности (могильник Кукальда в Алае), находящие себе аналогии в могильнике Тупхона в Таджикистане,

на Таласе в Казахстане (Типтурмае). Разнохарактерность расового типа погребенных (европеиды — памиро-ферганцы и маньчжурский тип) отвечает этнической конгломеративности эфталитских образований.

Тянь-Шань после гуннов не дал памятников древности II—V вв. Лишь с VI в. документирована в нем культура согдийской техники в стенах городища Атбаш, да ферганскими данными в оазисе Ширдакбек на р. Алабуке. В последнем случае поселения существовали до XII в., а в Атбаше (рис. 8, 9) до XIV в.

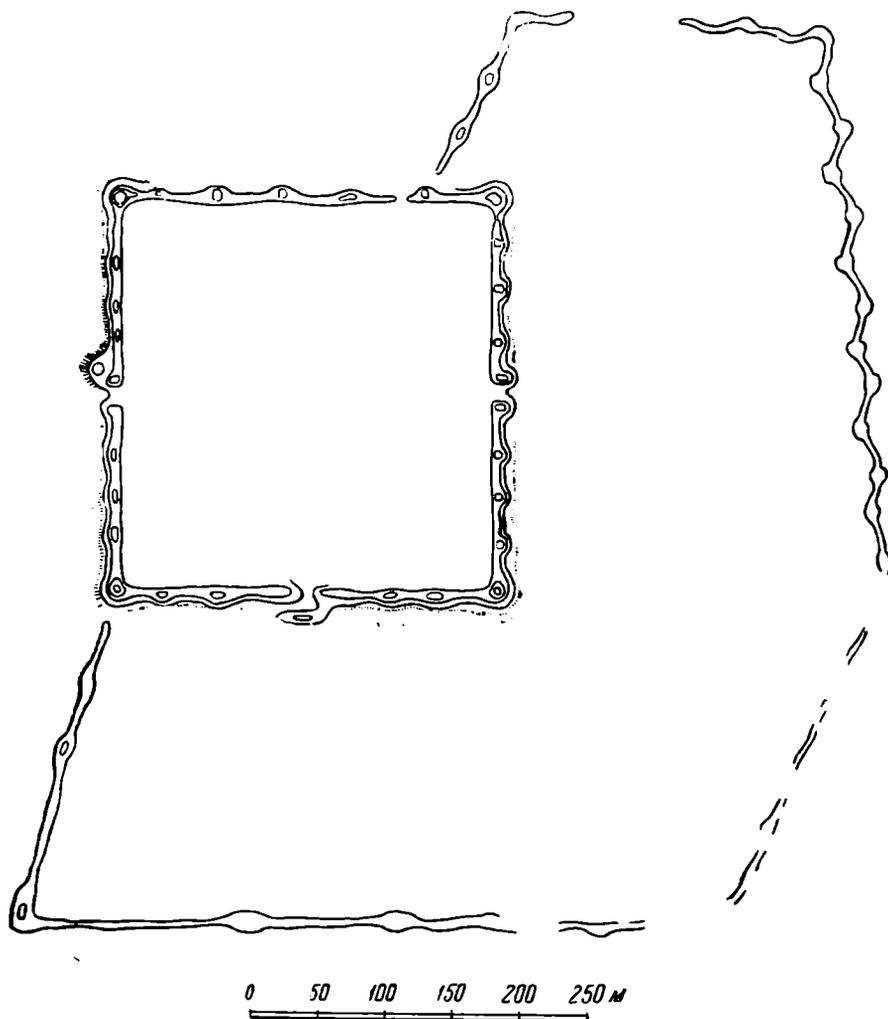

Рис. 9. План древнего города Атбаш. Центральный Тянь-Шань VIII в. Внешняя северо-восточная стена XIV в.

Если название Атбаш знает ибн-Хордадбек (IX в.), то сложнее с объяснением собственного имени крепости Ширдакбек, которую мы, на основании того, что она лежит в областях племен ягма, отождествляем с тяньшаньским городом племен ягма по Худуд ал-Алам — городом Каджингар-Баши.

Города Тянь-Шаня относительно позднего происхождения, не раньше тюрко-согдийского периода VI—VIII вв., другие (например, Кочкорское городище, Нарынские поселения) даже караханидского времени XI—XII вв. Все эти города — ставки кочевых ханов, без застройки (или, точнее, почти без застройки) внутри, с малочисленным инвентарем.

В отличие от этих городов-ставок Тянь-Шаня, связанных с древними поселениями городского типа, поселения области Хатлам, т. е. Кетмень-Тюбе, принадлежат, несомненно, карлукам. Военно-стратегическую функцию

несли возникшие в кушанский период города-крепости Вахана; наконец, наиболее ясный и обычный путь прошли города Ферганы.

Изучение трех политических центров Ферганы — Эрши, Кассана, Узгена (рис. 10а), обследование оазисов по предгорьям Туркестанского, Ферганского и Чаткальского хребтов, историко-географические наблюдения и изучение топографии поселений типа Наукат (Некад), Хуршаб, Ош и др. показали пути формирования средневековой культуры этих районов. На Тянь-Шане характерны поселения оседло-земледельческого типа только у ставок ханов; в Фергане образуются оазисы с крупным городским центром (типа Наукат, Кува, Ош, Узген). Некоторые из кешанских городищ и селений превращаются в крупные оазисные торгово-ремесленные и политические центры. В районе кушанских тепе часть из них превращается в мощные феодальные замки (например, Караван в Кувинском древнем оазисе), вокруг которых располагаются неукрепленные поселения — селища.

Огромный подъемный материал на этих городищах, мощные слои при раскопках в Узгене точно показывают дату начала этого процесса — с VI—VIII вв., особенно IX в. Начало этого периода датирует поташная керамика; для слоев саманидской эпохи весьма типична раскрашенная керамика — по белому ангобированному фону красные и коричневые полосы, образующие геометрический или геометризированный растительный узор типа «афраснабского триполья». Для XI—XII вв. те же традиции с увеличением растительных сюжетов и более широкое развитие глазури обычного мавераннахрского облика (хотя и несколько провинциального).

Структура города — мавераннахрская, отличий в архитектонике городов не наблюдаем. Частным своеобразием в строительстве этих поселений является широкое использование надречных адыров. Подрезая стенки адыров, строители достигали неприступности поселений, которые часто располагались по террасам рек. Рассеченность адыров предопределяла рассеченность города, состоящего в таких случаях из нескольких шахристанов. Таков план Узгена (рис. 10б). Города, сложившиеся в этот период, проносят до наших дней в своих руинах ясно читаемый план, так же как ясный состав оазисов сохранился в ряде районов. Возникновение города из суммы тепе ясно прослеживается в руинах Науката и Хуршаба.

Крушению старого кушанского мира, ясно прослеженному в Северной Фергане, содействовало и проникновение тюркских элементов из «столичной» долины Таласа через Чаткальский хребет (могильник Унгар), документированное для VII—VIII вв. и письменными источниками. К сожалению, обширный могильник тюркского времени в Северной Фергане в Караванском районе крайне разрушен, и дальнейшие раскопки его мало перспективны.

В зоне влияния тюрков Семиречья, — что весьма любопытно, — нами ясно прослежен элемент согдийско-семиреченской культуры, почти совершенно неизвестный для юга Киргизии. И теперь в этих районах Северной Ферганы имеются кишлаки таджикского населения.

Для монгольского населения слои ферганских городищ относительно тонкие и, в отличие от караханидского времени, вялых очертаний. Следует отметить, что здесь нет того слоя пожарищ и разрушений, который типичен, например, в Семиречье для Тараза. В нижних горизонтах этого слоя прослеживаются караханидские формы керамики, стабилизируется подглазурная гравировка в сочетании с желтой и бледнозеленой поливой. Уменьшается площадь городищ. В Узгене, например, на месте караханидского шахристана III (быть может, еще в конце караханидского периода) создается гуристан, продолжающий как бы традицию близлежащего узгенского архитектурного комплекса.

Усыпальницы караханидских ханов в Узгене также привлекли наше внимание, особенно средний мавзолей. В 1945 г. в составе нашей экспеди-

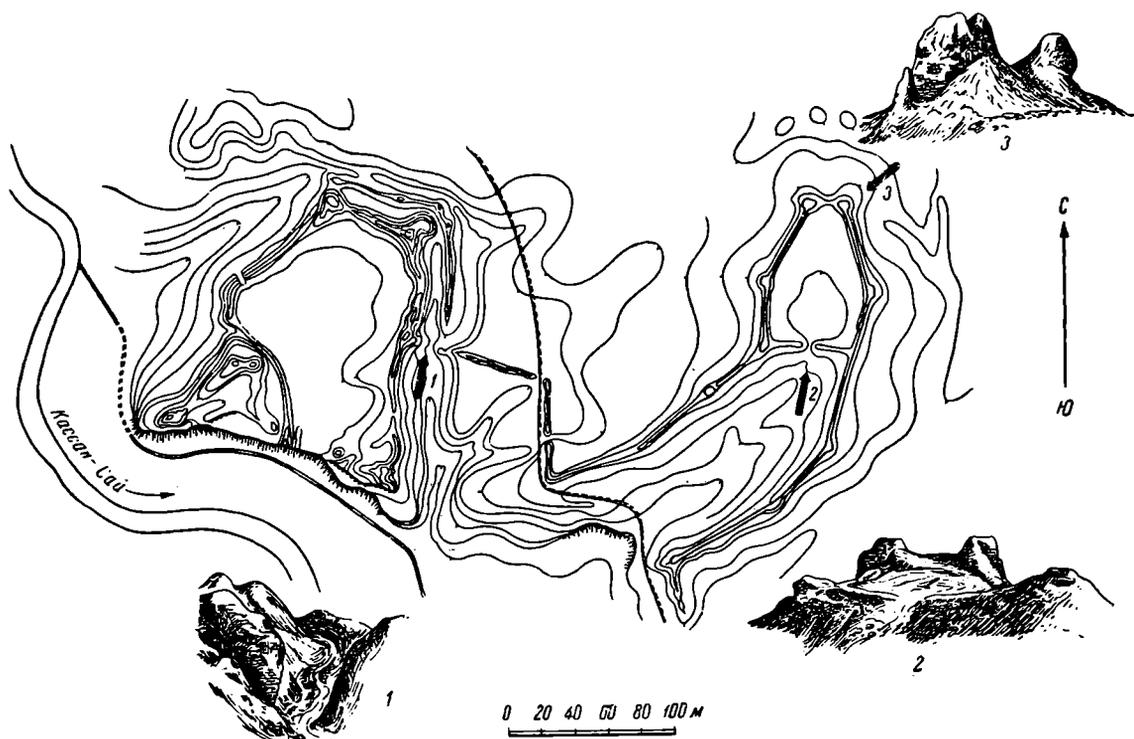

Рис. 10а. Древняя столица Ферганы (I—VIII вв.) — Кашан. План калы

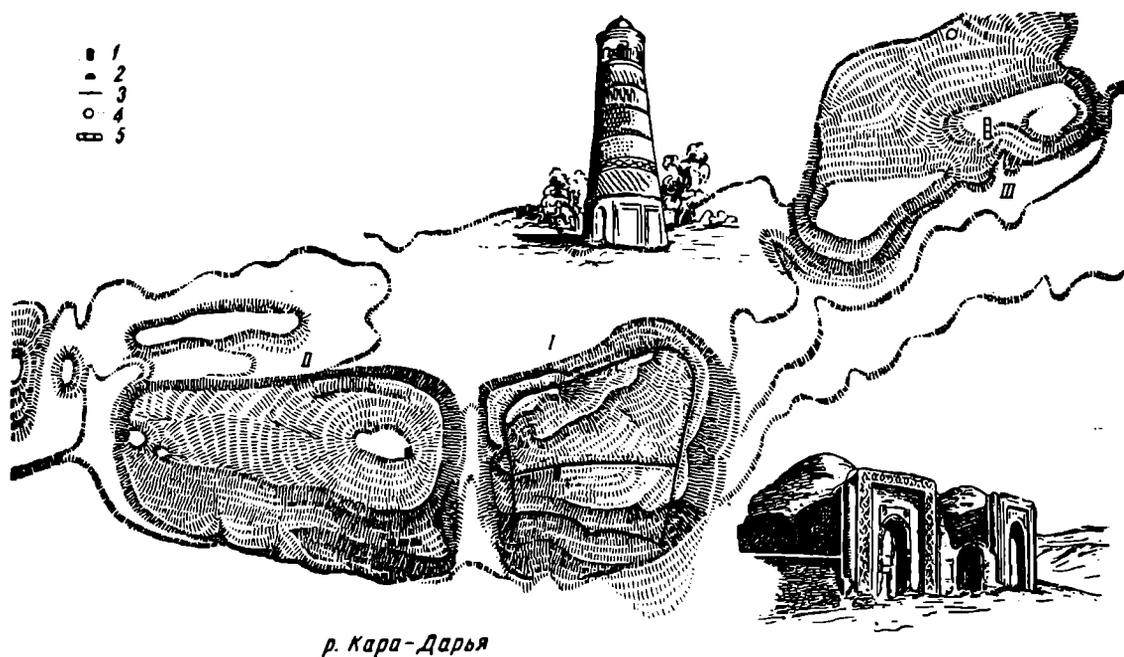

Рис. 10б. Схематический план древнего городища Узгена:

1 — III — цитадель и шахристаны древнего города; условные обозначения: 1 — раскоп; 2 — пещера; 3 — стена; 4 — минарет; 5 — гумбезы

ции работал архитектор Н. М. Бачинский, который обмерил этот комплекс. Шурф, заложенный у юго-восточного угла здания, показал, что первоначально средний мавзолей был декорирован по всем сторонам неполивленным кирпичом и, повидимому, был центрическим по замыслу и исполнению. Второе важное наблюдение: этот мавзолей, ныне занесенный от основания выше чем на 2 м культурными отложениями, был совершенно иных пропорций, чем воспринимается ныне, т. е. имел вытянутое вверх тело, а не был кубической формы, каким он кажется сейчас.

К монгольскому времени относится и обследованный нами мавзолей Шах-Фазиль в Северной Фергане, в котором экспедиция производила зарисовку и фиксацию богатой резьбы по ганчу, насчитывающей до 75 различных элементов рисунка.

В тимуридскую эпоху известны формы керамики с голубой глазурью, гравировка на неполивной керамике в виде волны между параллельными полосами, иногда раскраска по белому ангобу черной и красной краской.

В области городского строительства отмечу реставрацию города Атбаша и строительство новой стены (ломаного периметра) из набивного дувала с галькой.

СВОЕОБРАЗИЕ РАЙОНОВ И ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ

Территориально широкая рекогносцировка по указанным районам и большой хронологический диапазон выявленных культур позволяют выделить отдельные районы, различные в разные эпохи. Таких эпох в основном две.

Ясно выступает значительная общность центрального Тянь-Шаня и горных долин Памиро-Алая, особенно в сако-усуньский период. Явные отличия, видимо, вследствие примеси тибетоидных племен, наблюдаются на Восточном Памире. Культурный синкретизм обнаруживают археологические памятники подгорных равнин, полоса адыров Ферганы. Самостоятельный облик даваньской культуры и кочевников равнинной Ферганы и особый вариант культуры прослежен в Кетмень-Тюбинской впадине, где наличествует ранняя оседлость среди кочевников (просо, плоскодонная керамика, мощные слои поселений с ранней керамикой).

Историко-культурный ландшафт изменяется к рубежу нашей эры. Это выражается в оттеснении кочевников в горы и овладении кушанской культурой первой зоной горных долин, где она поднимается почти до 2000 м над уровнем моря. Складывается оседлость в Кетмень-Тюбе; горные районы Алая и Центрального Тянь-Шаня принимают гуннский элемент. На Памире особенно активно развиваются племена в западной его части, окончательно ограничивающие юго-западные движения кочевников. Несмотря на локальные особенности горных районов Памиро-Алая, где настойчиво проявляются древние традиции культур равнинной Ферганы, он имеет, или, вернее, сохраняет, культурные связи с центральным Тянь-Шанем.

Резкие различия наступают с тюркского периода. Проникновение тюрков из центрального Тянь-Шаня и из долин Чаткала и Таласа, явно засвидетельствованное в Северной Фергане, способствует развитию тюркского элемента в Фергане, фиксируемого и китайскими источниками для VII в.

Активизируется и Фергана. С этого времени мы отмечаем начало ферганской колонизации на центральном Тянь-Шане; население выбирает себе «микrokлиматические» условия, где было возможно разведение земледельческих культур относительно теплолюбивой группы. Таковы колонии на Алабуке. Очевидно, что окончательно стабилизируются трассы торговых путей, идущих через Узген (древний город «Ю» китайских источников), на перевал Яссы, на Алабуку, затем одно разветвление шло на Атбаш, другое, главное направление, проходило через хребет Калкабар, Байбиче-

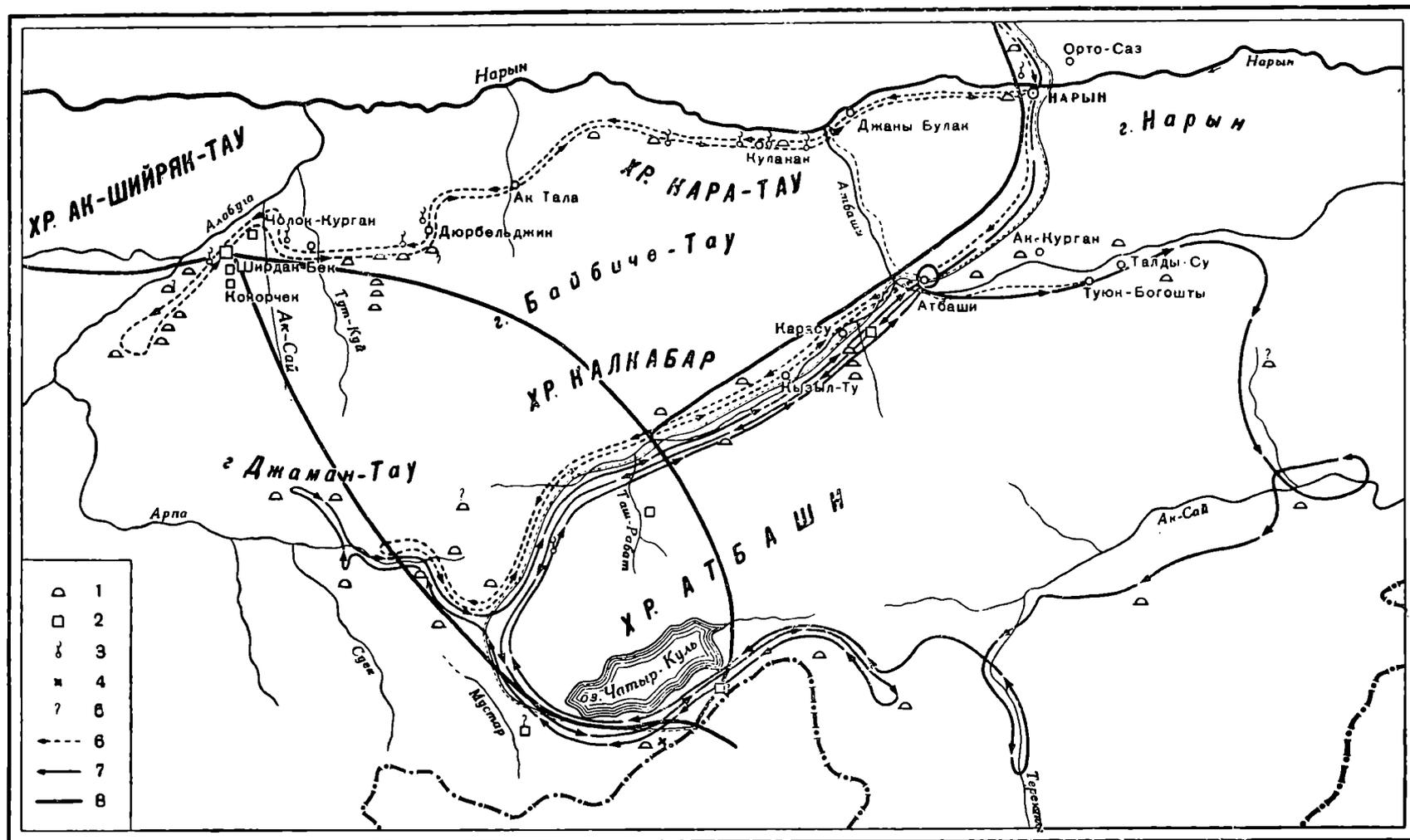

Рис. 11. Маршруты археологических экспедиций 1944—1945 гг.

1 — курган; 2 — городище; 3 — гумбез; 4 — пещера; 5 — необследованный памятник; 6 — маршрут 1945 г.;
7 — маршрут 1944 г.; 8 — караванный путь

Тау и перевал Таш-Рабат, через горы Атбаш на Чатыр-Куль и перевал Тургарт в Кашгар (рис. 11). Наряду с Ферганским путем, к этому времени завоевывает свое международное право и северный, Семиреченский путь, опирающийся на согдийские колонии Чуйской долины. Роль южных путей: Ваханский — совершенно отмирает, Каратегинский — явно сокращается вследствие развития первых двух.

Начало тюркской гегемонии определяет и развитие культуры в Кетмень-Тюбе и вообще экономический рост центрального Тянь-Шаня. Несомненно связь согдийского Семиречья с центральным Тянь-Шанем (Атбаши) и схождение здесь, в Атбаши, местных торговых путей. На Тянь-Шане закладываются основы крупных политических центров — города Атбаши и Каджингар-Баши в области племен ягма, Хайлам — в области карлуков. По сравнению с Ферганой города центрального Тянь-Шаня и примыкающие к ним поселения Кетмень-Тюбе имеют менее насыщенные культурные слои, но несколько не уступают в мощности крепостным сооружениям, исполненным в Атбаши из пахсы, повидимому, руками согдийцев, в городище Ширдак-Бек из крупного сырцового кирпича, руками ферганцев.

В отличие от времени до нашей эры, в I тысячелетии нашей эры утрачивается прямая связь расселения племен в соответствии с естественно-географическими условиями и, наоборот, все ярче и настойчивее выступают культурные единства, очерченные линиями границ политических объединений. В этих политических объединениях все более ведущее значение приобретают тюркские племена, бывшие кочевники, которые подготавливают почву для быстрого захвата этих областей возвысившейся в конце X в. династией караханидов.

и черепки грубого сосуда черного цвета, очень плохо изготовленного и столь же плохо обожженного.

Продолжая свой маршрут к Сульмену и далее вплоть до колодцев Ушак, отряд обнаружил еще несколько древних поселений. Оттуда он вернулся в Красноводск прямо по плато, в обход Кизыл-Лайской депрессии и снова посетил места работ В. В. Шумова в местности Джанурпа.

Вернувшись в Красноводск, отряд направился вдоль линии железной дороги к Ашхабаду. Вдоль этого пути вновь были обследованы ранее найденные местонахождения каменных изделий и обнаружены новые, в том числе весьма интересные и важные для характеристики древнейших этапов истории Туркмении. Таковы: находки в разрушенном гроте вблизи ст. Кайлю; остатки замечательной «ювелирной мастерской» каменного века у мыса Куба-Тенгир; местонахождения архаических каменных изделий в районе 41 км по направлению от Красноводска к Ашхабаду; древние стоянки у колодцев Куртки; пещерное поселение в одном из гротов у Джебела. Работы были завершены раскопками в пещере Дам-Дам-Чешме, где В. В. Шумов в 1943 г. нашел нуклеидное изделие и отщепы.

В процессе археологических разведок на Красноводском полуострове и к востоку от него обнаружен ряд новых местонахождений каменных изделий, в том числе не только открытых, но и пещерных, а также собрано большое количество разнообразных предметов, позволяющих составить значительно более полное и отчетливое, чем прежде, представление об этих памятниках и их значении для археологии этой части Средней Азии.

Древнейшими археологическими памятниками в районе Красноводского полуострова, из числа выявленных в настоящее время, являются местонахождения в Каскыр-Булаке, где найдены мустьерские остроконечники, и вблизи 41 км — с каменными изделиями архаических форм (грубые большие отщепы, дисковидные нуклеусы). Они свидетельствуют о том, что уже в мустьерское время, т. е. в середине ледниковой эпохи для Старого Света, человек появился не только в горных областях Средней Азии, у нынешних Термеза и Самарканда, но и в области великой аллювиальной равнины, у самых берегов Каспийского моря. В связи с этим особый интерес представляет впервые поднятый В. В. Шумовым вопрос о связи местонахождений древних каменных изделий в Прикаспии с определенными этапами истории Каспия, с древними береговыми валами и террасами.

К верхнему палеолиту могут быть предположительно отнесены сейчас пока еще только находки у колодцев Куртки, где оказались крупные кремневые нуклеусы, с которых снимались большие и широкие пластины, не столь правильные, как узкие пластинки более позднего времени. Там же были собраны кремневые скребки более архаического облика, чем изделия такого рода, обычные для поздних поселений, — с «микролитоидным» по характеру инвентарем.

К следующему культурному этапу следует с полной уверенностью отнести очень яркий и выразительный комплекс находок, обнаруженных в восточной половине грота Дам-Дам-Чешме. Там оказались связанные с древним очажным пятном многочисленные кремневые отщепы, призматические нуклеусы весьма совершенной формы, ножевидные пластины, нуклеидные изделия, прекрасные проколки, скребки концевое типа, миниатюрные дисковидные скребочки, пластинки с затупленной (стесанной) спинкой. Определяющее значение для датировки этого комплекса имеют крупные сегменты, изготовленные из сечений кремневых пластин и оформленные характерной затупливающей ретушью вдоль выпуклого края. Судя по крупным размерам сегментов, наличию нуклеидных орудий и отсутствию типично тарденуазских форм мелких каменных изделий (трапеций, пластинок со струганной спинкой), находки эти должны быть отнесены к сравнительно раннему времени, не позже среднекаспийских или, в крайнем слу-

чае, позднекапсийских памятников Средиземноморья; азийских — в Западной Европе и на юге СССР.

Не менее интересны и памятники, представленные большей частью прежними сборами В. В. Шумова из Кизыл-Лая и других мест и отчасти изученные П. И. Борисковским. Для определения возраста этих памятников решающее значение имеют наши находки в Кизыл-Лае, у места, где полотно грунтовой дороги поднимается по склону чинка к Сульмену, и мастерская у мыса Куба-Тенгир. В Кизыл-Лае под поверхностными находками каменных изделий, таких же, как в ряде других местонахождений Кизыл-Лая, на глубине 40 см вместе с ножевидными пластинами и отщепами оказались, как уже отмечалось выше, фрагменты грубой черной керамики.

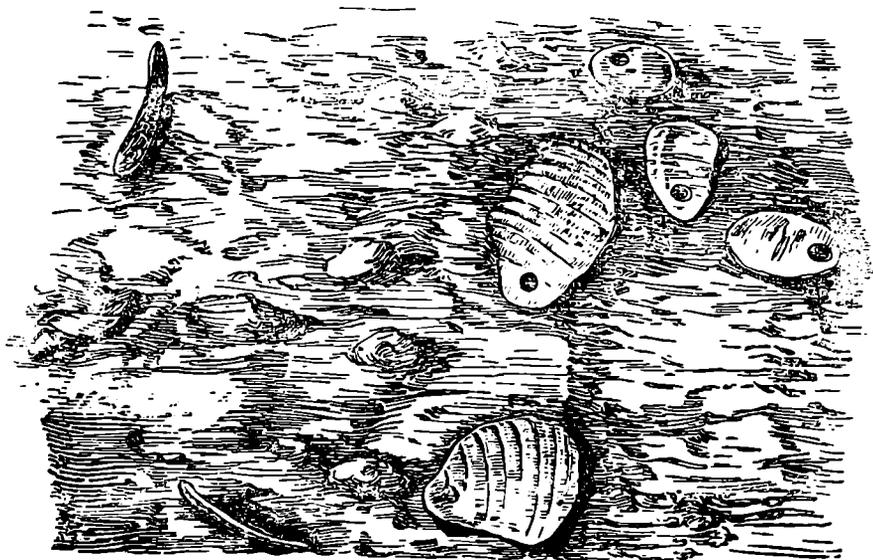

Рис. 12. Расположение украшений из раковин на месте древней мастерской у мыса Куба-Тенгир (деталь)

Особенно интересны находки у мыса Куба-Тенгир. На изолированном скалистом выступе, у подножия колоссального обрыва плато, оказалось древнее углубление, сплошь заполненное супесью, насыщенной культурными остатками. Последние имеют своеобразный и характерный состав, свидетельствующий, что нами обнаружены были следы не обычной стоянки, а мастерской для выделки украшений из морских раковин (рис. 12).

Основную массу находок составляют овальные бусины из раковин *Didachna* sp., с грубо просверленным биконическим отверстием на одном конце. Рядом с ними встречаются непросверленные бусины — заготовки и настоящие полуфабрикаты в виде остроугольных кусков раздробленных раковин. На самом дне углубления такие бусы лежали почти сплошным слоем, группируясь так, будто они первоначально были нанизаны на какую-то нить в определенном порядке — одна за другой.

На многих бусах здесь очень ясно была видна в момент раскопок интенсивная окраска красной минеральной краской — кровавиком. Охрой была окрашена в той или иной степени вся масса заполнения этой ямы.

Особо выделяются небольшие бусы, имеющие вид правильных толстых кружков белого цвета, с отверстием в центре. Такие бусы широко распространены в древних культурах (Мариупольский могильник на юге СССР, серовские могильники Прибайкалья и др.). Они тоже имели правильное расположение низками.

Каменные изделия представлены преимущественно большим количеством фрагментов микролитических острий, изготовленных из пластинок

с затупленной спинкой. Кроме того, найдено несколько кусков кремня, отщепов, ножевидные пластины, нуклеусы и скребки. Состав изделий из камня вполне соответствует, таким образом, назначению мастерской. Обилие узких кремневых острий показывает, что они служили главными инструментами для изготовления бус из раковин (рис. 12); ими, очевидно, делали отверстия для нанизывания или пришивания бус. Скребки могли применяться для различных вспомогательных операций. Куски же кремня, нуклеусы и ножевидные пластины были исходным сырьем для изготовления кремневых острий.

Рис. 13. Навес в Кайлю с неолитическими находками

У подножия скалистого обрыва мыса Куба-Тенгир находилось, следовательно, место работы человека каменного века, занятого изготовлением бус из морских раковин; здесь была настоящая «ювелирная мастерская» глубочайшей древности. Наличие такой мастерской — единственного в своем роде памятника для этих культур, бросает яркий свет не только на технику и материальную культуру, но и на эстетические вкусы и межплеменные отношения того отдаленного времени.

Несомненная специализация в массовом изготовлении бус двух главных категорий, пользовавшихся, очевидно, большим спросом не только в Прикаспии, но и далеко от морских берегов, косвенно свидетельствует о зарождении каких-то широких межплеменных связей, хотя бы и этапных по их характеру, но, во всяком случае, по своему масштабу выходящих далеко за узкие пределы одной какой-либо родовой общины.

Черты прогрессивного развития культуры отражены здесь и фактом раннего появления керамики, которая имеет решающее значение для датировки всего комплекса находок. Это — мелкие обломки совершенно такого же, как и в Кизыл-Лае, глиняного сосуда черного цвета. Значение такой грубой и чрезвычайно несовершенной по ее техническим качествам и, на первый взгляд, очень невыразительной керамики — для истории Средней Азии очень велико. Бесспорная связь этой керамики с архаическим каменным инвентарем в Кизыл-Лае и в мастерской у мыса Куба-Тенгир показывает, что она несравненно старше самой древней в Средней Азии расписной керамики типа Анау I, сопровождаемой качественно иным по характеру каменным инвентарем. Перед нами, очевидно, древнейшая керамика Средней Азии и соседних с ней стран, хронологически и по характеру близкая к керамике позднейших капсийских поселений. Та же древняя культура бродячих охотников-собирателей, жителей степей и пустынь Юга, с которой связана такая керамика, является, должно быть, подлинной основой, на которой с течением времени возникают высокие земледельческие культуры позднего неолита и ранней бронзы с крашеной керамикой.

К последующему времени в области Прикаспия могут быть отнесены находки в проте Кайлю (рис. 13), а также, вероятно, в верхних слоях пещеры у Джебела и на одной стоянке вблизи колодца Ушак, повидимому, синхроничные культурам Анау I и II, но отличающиеся от них отсутствием крашеной керамики и, вероятно, земледелия, чуждого этой пустынной и суровой стране.

Наиболее же определенная хронологическая связь с земледельческими поселениями вдоль Копет-Дага устанавливается для верхних слоев грота Дам-Дам-Чешме, где вместе с обычным для культуры Анау листовидным наконечником стрелы обнаружены фрагменты темносерой лощеной керамики, аналогичной керамике холма Ак-Тепе, вблизи Ашхабада, находящей близкие аналогии в кругу древних памятников Ирана и Передней Азии.

Таковы в общих чертах основные результаты предварительных работ 1947 г. по изучению древнейших археологических памятников Прикаспия.

Дальнейшие, более детальные и широкие по масштабам исследования древнейших археологических памятников Туркменской ССР, несомненно, принесут новые открытия и факты большой важности для понимания прошлого не одной только Туркмении, но значительно более широкой территории, с которой она была связана различными историческими узами на протяжении многих тысячелетий.

Т. Н. КНИПОВИЧ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ КЕРАМИКИ ДОМУСУЛЬМАНСКОГО ПЕРИОДА

Уже одно ознакомление с литературой дает представление о трудностях, возникающих перед каждым, кто ставит перед собой задачу изучения среднеазиатской керамики домусульманского периода в ее историческом развитии. Специальные публикации, посвященные керамике этого периода, и сейчас единичны, а в то время, к которому относится работа (1942—1944), результаты которой сообщаются в настоящем очерке, их не было вовсе. В работах же на более общие темы, в особенности в отчетах о производившихся в Средней Азии археологических исследованиях, керамический материал никогда не был предметом углубленного изучения. При ознакомлении с отчетами обращает на себя внимание отсутствие установленных и принимаемых всеми датировок даже и для основных добытых раскопками групп. Значительные расхождения, наблюдаемые между различными исследователями в вопросах датировки тех или иных групп, зависят, несомненно, не только от недостаточной изученности керамики среднеазиатских поселений, но также и от общего характера комплексов, содержащих керамический материал. Находки, поддающиеся точной датировке (монеты, эпиграфические памятники), в среднеазиатских поселениях очень редки; датировка же всех остальных найденных с керамикой предметов сама по себе также не выяснена. Затрудняет датировку и незначительное количество представленного в среднеазиатских поселениях импортного материала; в частности, экземпляры привозной керамики представляют в известном нам материале редкое исключение — большая часть керамических находок бесспорно принадлежит к числу предметов местного происхождения.

При установлении периодизации поселений Средней Азии исследователи (особенно Г. В. Григорьев) опирались главным образом на казавшиеся им показательными отдельные находки. Работа, произведенная во время пребывания в Средней Азии, имела целью прежде всего составить описание и характеристику керамических находок каждого данного поселения, а внутри поселений — каждого из сменяющих друг друга наслоений во всей массе этих находок. Выяснившиеся при этом особенности могли далее быть сопоставлены с особенностями других, лучше нам известных категорий. Такого рода работа была произведена нами над всеми доступными группами — над коллекцией САГУ в Ташкенте (материал Ташкентского канала и Никифоровских земель) и над всеми керамическими находками данного периода в собрании Самаркандского музея. В центре внимания находились керамика Тали-Барзу и керамика двух поселений Ташкентского района — Каунчи (главным образом слой II) и Алимбай-Тепе.

Наиболее ясной, на наш взгляд, является датировка слоя Каунчи II вместе с примыкающим сюда же материалом Ташкентского канала и Никифоровских земель. Все эти группы падают на время, близкое к началу нашей эры, большая часть — на I и II вв. н. э., самые поздние — на III в. н. э. Соображения, высказанные А. И. Тереножкиным по вопросу о датировке групп Ташкентского района, встречают подтверждение в безусловной близости керамики этих поселений к керамике сарматско-аланских

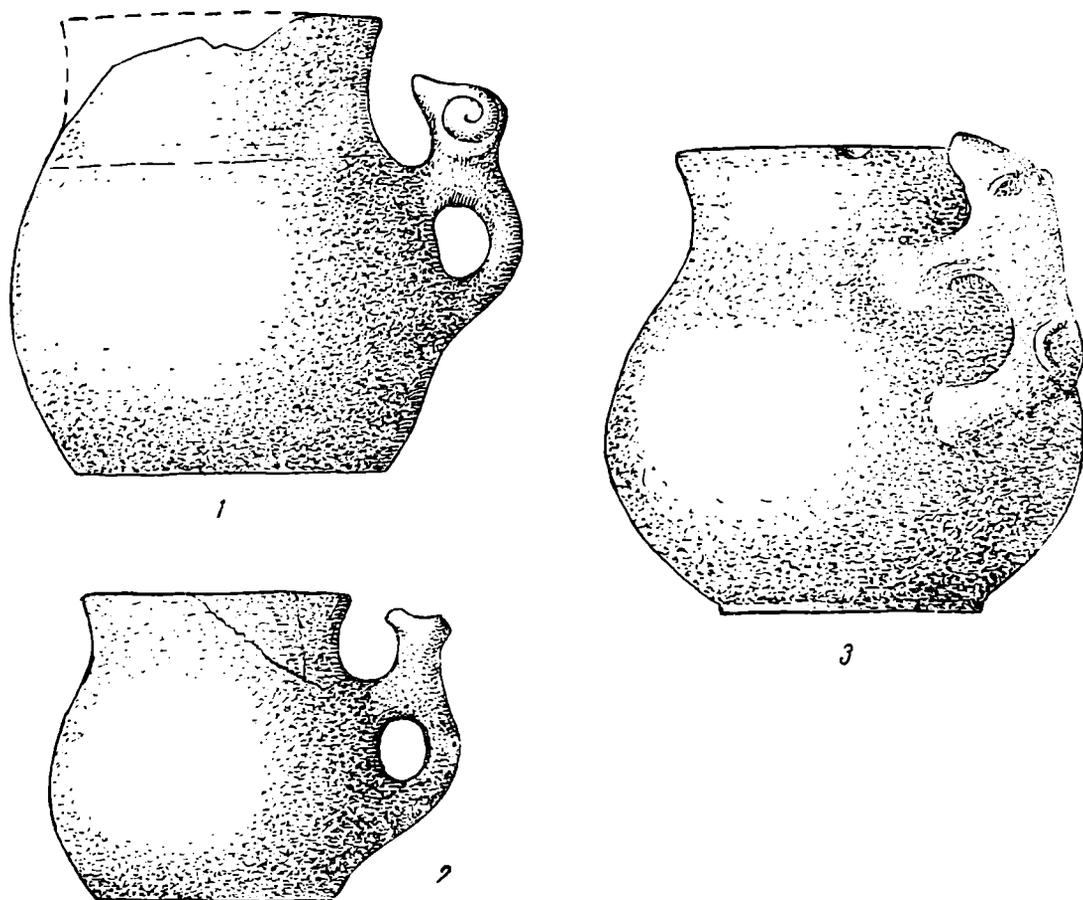

Рис. 14. Сосуды с ручками в виде животных
1 — из слоя II Каунчи; 2 — из района Ташкентского канала; 3 — из Керчи

комплексов, хорошо представленных в материале Прикубанья, Придонья и Нижнего Поволжья; эти комплексы уже с полной уверенностью могут быть датированы первыми веками нашей эры (рис. 14).

Представляя хронологически достаточно ясную группу, материал Ташкентского района дает возможность хорошо ознакомиться с особенностями среднеазиатской керамики первых веков нашей эры. Детальная проработка материала Каунчи II заставляет внести некоторые поправки в характеристику Г. В. Григорьева. Помимо необходимости существенно изменить датировку этого комплекса, следует изменить и дополнить технологическую характеристику представленной в Каунчи керамики. Так, в поправках нуждается высказанное Г. В. Григорьевым положение, что керамика Каунчи выделывалась вся от руки, без применения гончарного круга. При общем преобладании (особенно в материале нижнего горизонта слоя II) керамики, сделанной без гончарного круга, все-таки выделяется достаточно показательная группа сосудов, сделанных уже на круге. Судя по рассмотренному материалу, гончарный круг получает распространение в Ташкентском районе именно около этого времени. Сначала применялся,

повидимому, только ручной круг, позже (верхний горизонт Каунчи II, Алимбай-Тепе, материал Никифоровских земель) — также и ножной.

Из многочисленных представленных в Каунчи II групп особенно распространены и характерны следующие:

1) Группа сосудов в форме кувшинчиков или горшочков с кольцевидными ручками; по большей части такие сосудики покрыты красным ангобом.

2) Группа простых, типичных кухонных горшков, мисок и котлов для варки пищи, вылепленных от руки из грубой глины с крупными включениями; орнамент, если он имеется, обычный для таких сосудов — типа ямок, часто со следами нажима ногтем, «защипок» и т. д.

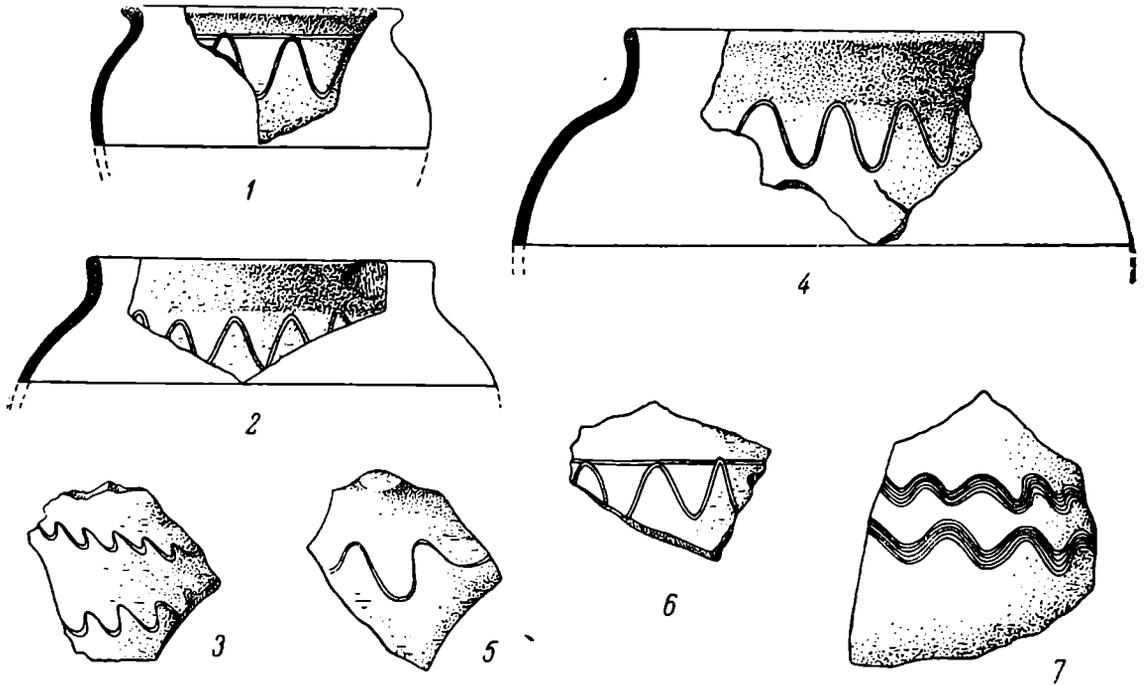

Рис. 15. Образцы керамики с врезанным орнаментом из слоя IV Тали-Барзу и слоя II Каунчи

1 — 3 — Тали-Барзу IV; 4 — 7 — Каунчи II

3) Группа сосудов, покрытых светлым ангобом, с врезанным орнаментом волнистых линий и зигзагов.

Последняя группа отличается высокими техническими качествами; именно в ней мы встречаем применение гончарного круга. В некоторых случаях орнамент, выполняемый отдельными линиями, заменяется орнаментом, сделанным гребенчатым штампом.

Все упомянутые группы встречают близкие аналогии в материале городищ первых веков нашей эры Прикубанья, Придонья, Нижнего Поволжья. Следует отметить, что встречаемые и в этих комплексах сосуды с гребенчатым штампом составляют одну из сравнительно поздних групп, датируемую по большей части временем не ранее III в. н. э.

Из наслоений Тали-Барзу проработке были подвергнуты слои (по классификации Г. В. Григорьева) II, III, IV. Среди них слой IV содержит некоторые группы, позволяющие сопоставить его со слоем Каунчи II. Особенно характерна группа с исполненным по светлому ангобу врезанным орнаментом волнистых линий: группа эта не только близка в обоих сравниваемых слоях (ТБ IV и К II), но и включает отдельные экземпляры, совершенно идентичные (рис. 15). Очевидно, слой Тали-Барзу IV по времени близок Каунчи II; как и последний, он должен принадлежать первым векам нашей эры. Указанной датировке соответствует находка в слое Тали-

Барзу IV обломка хума с согдийской надписью, отнесенной А. А. Фрейманом ко времени около начала нашей эры.

Сравнение материала слоя ТБ IV с слоями ТБ III и ТБ II убеждает, прежде всего, в том, что главная масса керамических находок двух последних слоев бесспорно отличается от основной массы находок ТБ IV. Керамика хорошей выделки, со светлым ангобом, присутствует также и в слоях ТБ II и ТБ III, но в них она лишь в виде исключения имеет орнамент врезанных линий; безусловно преобладает орнамент, выполненный ко-

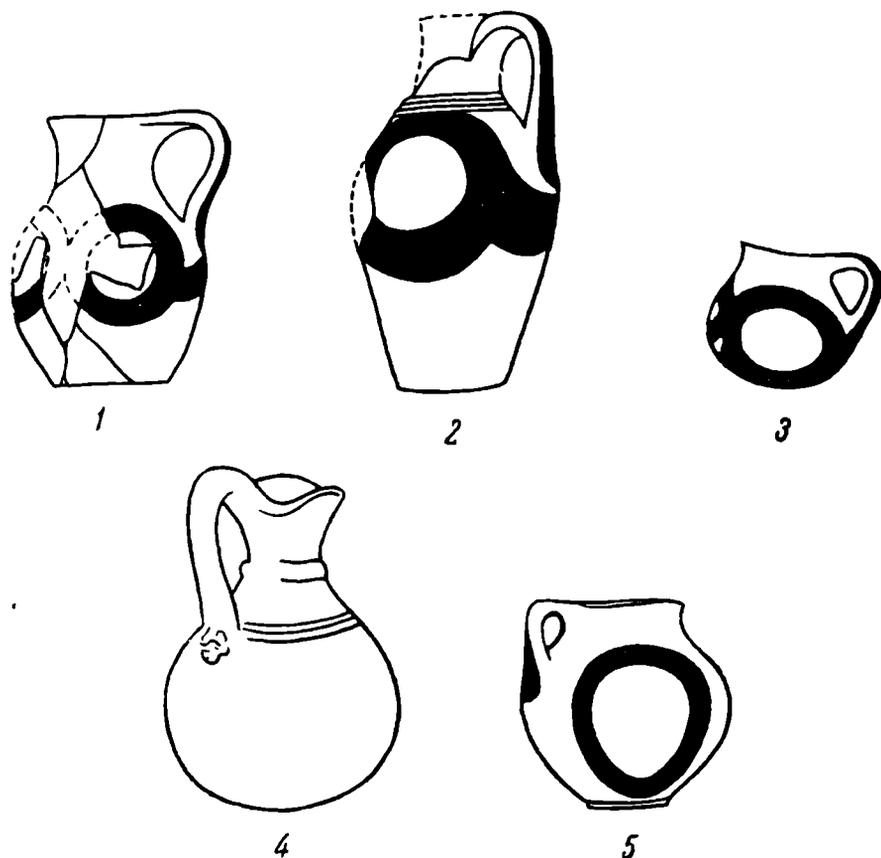

Рис. 16. Образцы керамики из слоев II—III Тали-Барзу

1—3 — слой II; 4, 5 — слой III

ричевато-красной краской по светлому фону. Иногда здесь просто брызги и подтеки; иногда же нанесенная по светлому фону краска приобретает формы выраженной росписи, правда, упрощенной. Чаще всего — это сплетающиеся широкие полосы, образующие по сторонам сосуда соединенные вместе круги. Такого рода роспись в слое ТБ II оказывается в своем первоначальном виде, т. е. в виде переплетающихся лент, в слое же ТБ III является выродившейся (не связанные круги, прежде входившие в состав общего рисунка; рис. 16). Эта разница в особенностях орнамента соответствует и стратиграфическим наблюдениям Г. В. Григорьева: слои ТБ II и ТБ III представляют хронологически различные, сменяющие друг друга напластования. Труднее установить их точную датировку; основываться на аналогиях, послуживших Г. В. Григорьеву опорными точками, очевидно, рискованно, особенно учитывая большую условность этих аналогий. Придется ограничиться пока формулировкой некоторых соображений общего характера.

Близость между собой материала слоев Тали-Барзу II, III и IV говорит против возможности растянуть весь период их существования на слишком продолжительное время. Вместе с тем ряд особенностей, проявляющих-

ся как в формах сосудов, так и в их орнаментации, делает вероятным принадлежность слоя Тали-Барзу II эллинистическому периоду. Близкие аналогии, наблюдаемые в керамике других областей, заставляют высказаться за III — II вв. до н. э., как за наиболее вероятную дату для ТБ II. Слой ТБ III будет находиться где-то между этим временем и временем слоя ТБ IV; вероятная его дата — I в. до н. э.

Слой ТБ I не мог быть подвергнут исследованию. Находящийся в Самаркандском музее материал этого слоя слишком немногочислен, и, глав-

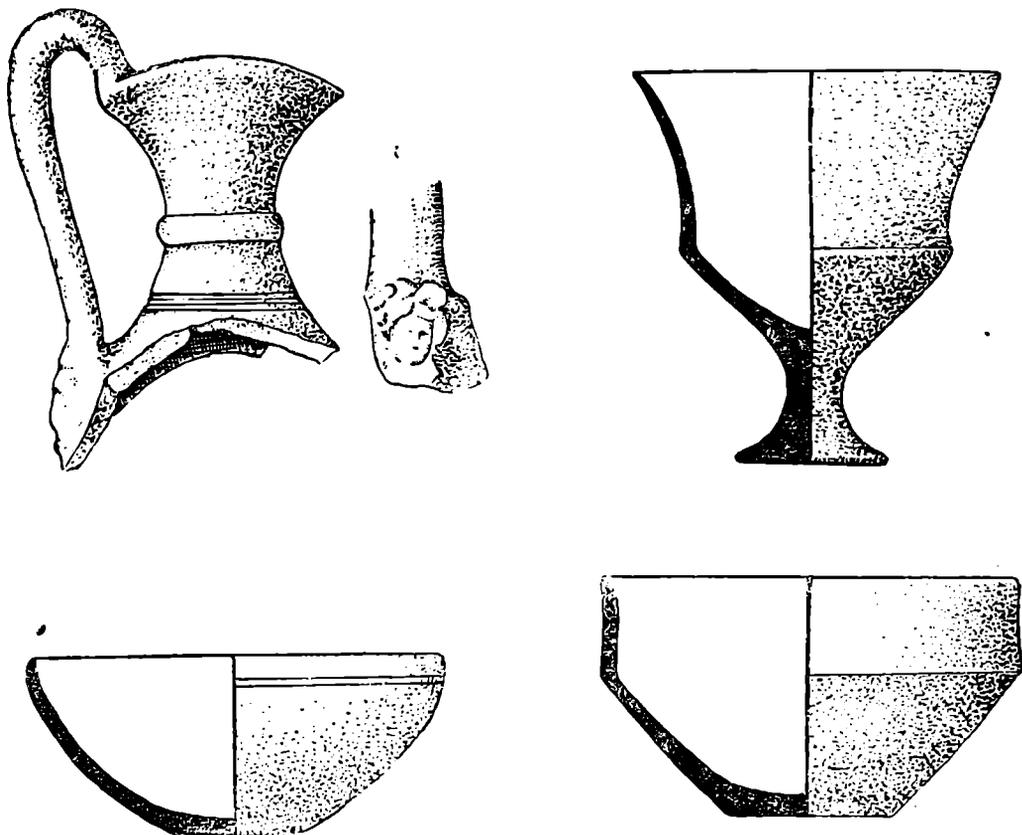

Рис. 17. Керамика района Катта-Курганского водохранилища

ное, наслоения ТБ I, несомненно, включают и более поздние экземпляры. Ознакомление с зафиксированными в полевых дневниках данными говорит за то, что подвергавшаяся раскопкам часть этого слоя не принадлежит чистому и изолированному от других наслоений залеганию.

Особый интерес представляет керамика поселений района Катта-Курганского водохранилища (рис. 17). В этих поселениях представлена почти не известная в других местах группа керамики, отличающаяся исключительно хорошей выделкой: повидимому, здесь мы имеем редкую для поселений Средней Азии данного периода группу привозной керамики. Группа эта, несомненно, принадлежит времени, несколько предшествующему началу нашей эры. Находка в одном из содержащих такой материал поселений фрагмента энохи, характерного типа для слоя Тали-Барзу III, подтверждает отнесение данного слоя ко времени, близкому началу нашей эры.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

КЕРАМИЧЕСКАЯ ОБЖИГАТЕЛЬНАЯ ПЕЧЬ
МУНЧАК-ТЕПЕ

Во время раскопок, производившихся Фархадской археологической экспедицией на городище Мунчак-Тепе (левый берег Сыр-Дарьи, в 7 км к востоку от гор. Беговата) в октябре 1943 г., была открыта древняя керамическая обжигательная печь. Открытие это представляет значительный интерес тем, что оно дало важный материал для характеристики поселения Мунчак-Тепе в его наиболее ранний период жизни как ремесленного центра северо-восточной части Усрушаны. Привлекает внимание также и сама конструкция печи, впервые в Средней Азии с такой четкостью выявленная раскопками на Мунчак-Тепе и позволяющая сделать некоторые весьма существенные заключения относительно генезиса этого типа обжигательных печей.

Керамическая печь Мунчак-Тепе обнаружена на дне широкого котлована, который был вырыт в феврале — марте 1943 г. в самом начале работ по сооружению фархадской плотины. Котлован прорезал городище с севера на юг, причем до глубины 2.50—3 м культурные наслоения были здесь изъяты, на дне котлована остались нетронутыми лишь незначительные остатки нижнего, а вместе с тем и наиболее раннего культурного слоя. Отчасти в этом слое, а главным образом уже в лёссовом материке залегала керамическая обжигательная печь, от которой сохранилась лишь нижняя топочная камера.

Печь представляет собой сооружение, сильно вытянутое по продольной оси (рис. 18); длина ее 5.70 м, наибольшая внутренняя ширина — 1.20 м, наименьшая — 0.70 м, наибольшая сохранившаяся высота топки 1.18 м. Печь своим топочным устьем обращена на юг. При возведении печи предварительно был вырыт котлован с таким расчетом, чтобы топочная камера печи находилась в земле. На поверхности, несомненно, выступала только обжигательная камера, от которой ничего не уцелело, так как ее остатки, если они и сохранились, были скрыты при устройстве котлована. Корпус печи, от которого до нас дошли только боковые стены топки, сложен из сырцовых саманных кирпичей. Наибольшей толщины (42 см) кладка достигает в тех местах, где у стен топки имеются лопатки, о которых речь будет ниже. Стены топки, включая и указанные лопатки, обмазаны слоем глины, содержащей также примесь самана (рубленая солома). Обмазка (толщина ее 2—4 см, а местами — 10 см) неоднократно обновлялась, причем под сильным воздействием огня она приобрела серовато-пепельный, а местами зеленоватый цвет, с признаками перехода уже в шлаковидную массу. Весь корпус печи прокален до такой степени, что не только сырцовая кладка стен топки приобрела яркочерный цвет, но обжигу подвергся и прилегающий к печи лёссовый грунт, ставший красновато-бурым.

Обратимся к конструкции печи. Узкое, но длинное топочное устье имеет наклонный под, понижающийся в сторону топливника, т. е. той части камеры, где происходил основной процесс сгорания топлива. Камера имеет трапецевидную в плане форму, суженную к устью и несколько расширяющуюся в сторону средней части топки. Средняя часть топки интересна на-

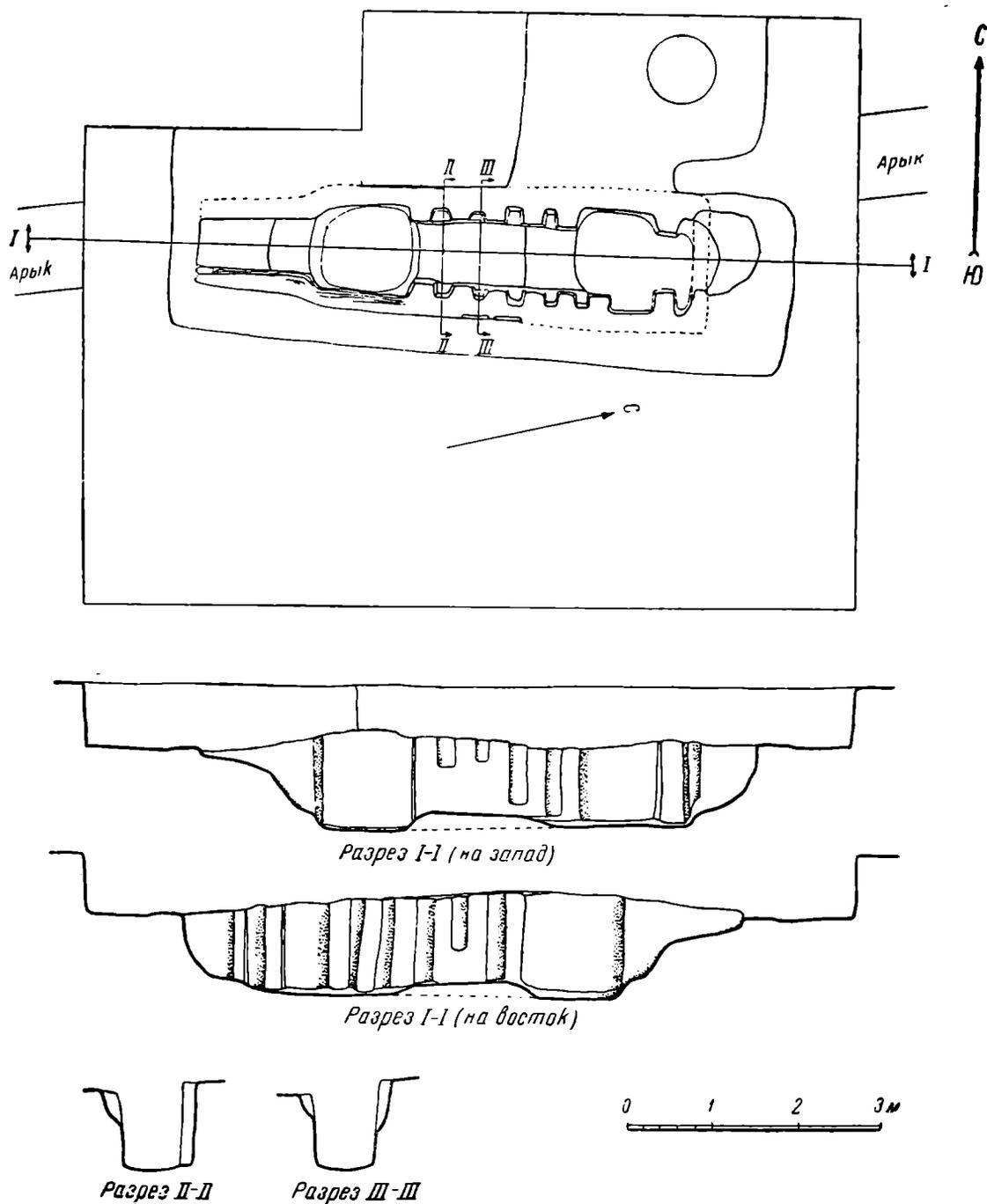

Рис. 18. План и разрезы керамической обжигательной печи Мунчак-Тепе

личием выступающих от боковых стен 5 пар лопаток. После каждой лопатки следует вертикальный канал, обычно с очень сильно обожженными стенками, свидетельствующими о происходившей в каналах сильной тяге горячих топочных газов вверх. Не все вертикальные каналы, расположенные между лопатками, доходят до пода топки. Некоторые начинаются лишь на известной высоте от пода. Тщательное исследование показало, что первоначально все каналы несомненно доходили до пода топки (последний пред-

ставляет собой сильно обожженный материк). Однако с течением времени, в результате обгорания внутренней футеровки печи, очевидно, возникали трещины в лопатках, что создавало опасения за их прочность. Для укрепления лопаток приходилось иногда закладывать кирпичами и замазывать глиной низ каналов, чтобы тем самым придать большую устойчивость лопаткам. После пятой пары лопаток топка значительно расширяется, причем с восточной стороны здесь выступает лопатка, тогда как на противоположной, западной, стене топки в этом месте лопатки нет. Северный конец топки завершается двумя обращенными одна к другой лопатками, за которыми следует последняя пара вертикальных каналов. К сожалению, северная поперечная стена, обрамлявшая топку, была разрушена до раскопок, при устройстве триангуляционного репера.

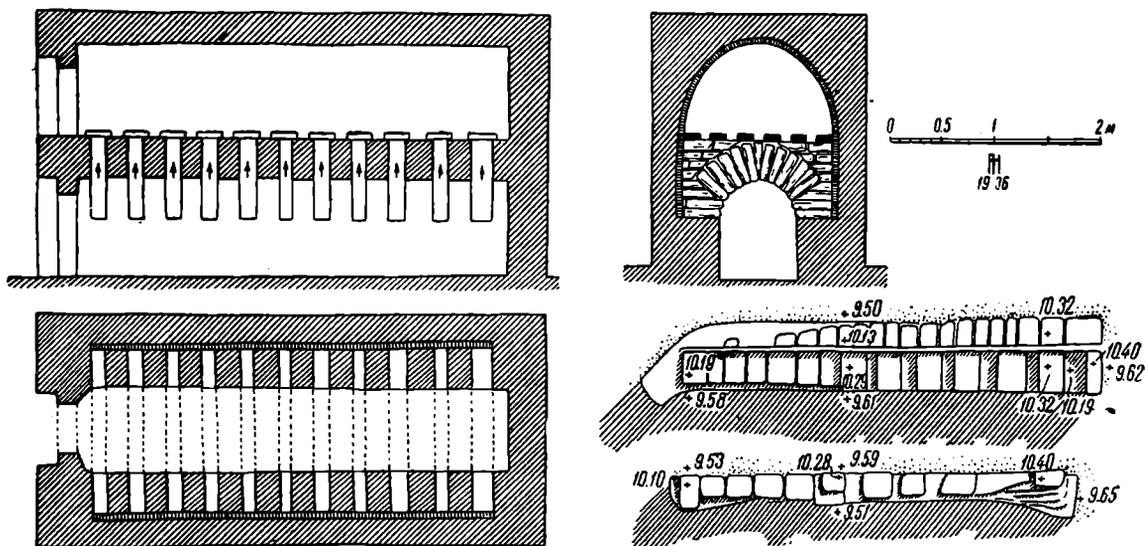

Рис. 19. Реконструкция керамической обжигательной печи, из города Урука

Топка оказалась заполненной огромным количеством золы, особенно обильно скопившейся в южной части, в топливнике. Зола здесь у самого пода имела характер твердой спекшейся массы. При удалении золы, поверх которой лежали многочисленные куски кирпичей и обмазки от разрушенных верхних частей печи, было встречено большое количество фрагментов керамики многократно повторяющихся типов и представляющих собою образцы изделий, подвергавшихся обжигу в данном горне. Но прежде чем перейти к рассмотрению указанных керамических находок, характеризующих продукцию мастерской, в производственное оборудование которой входила настоящая обжигательная печь, попытаемся реконструировать устройство печи.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что обжиг посуды производился в обжигательной камере, находившейся над топкой. Ясно также, что устройство в топке лопаток, выступающих от боковых ее стен, было обусловлено именно наличием верхнего обжигательного помещения, куда горячие газы из топки должны были снизу проникать через особые жаропроводные отверстия-продухи, находившиеся в несохранившихся перекрытиях топки. Очевидно, под обжигательной камерой поддерживался системой подпружных арок. Чтобы сузить пролеты этих арок и сделать их более устойчивыми, были устроены те кирпичные выступы-лопатки, которые сохранились в топке. При наличии системы арок, жаропроводные отверстия для пропуска горячих газов в обжигательную камеру могли быть сделаны только в промежутках между арочками. Этому вполне соответствуют те каналы между лопатками, которые уже были отмечены при описании топки. Такова в основных чертах конструкция керамической печи Мунчак-Теле.

Печи подобного типа, насколько нам известно, в литературе по археологии Средней Азии еще никем не издавались. Печи, раскопанные Г. В. Григорьевым в гончарном квартале Кафыр-Кале и относящиеся к VI — VII вв. н. э., совсем иного устройства. Это — круглые в плане горны, в которых под обжигательной камеры (последняя имела куполообразную форму) поддерживался подпорным столбом, стоявшим в центре топки. В 1933 г., во время раскопочных работ в Айртаме, были замечены незначительные следы очень разрушенной печи, которую схематически зафиксировал Т. Миргиязов. Судя по его зарисовке, айртамская печь имела узкий топочный ход, от которого перпендикулярно отходили боковые каналы, расположенные с обеих сторон топки один против другого (таких каналов уцелело две пары). В какой-то мере остатки айртамской печи, относящейся, по словам Т. Миргиязова, к кушанской эпохе, напоминают принцип устройства печи Мунчак-Тепе.

Следует сказать, что в момент открытия печи Мунчак-Тепе нам прежде всего припомнились многочисленные западноримские гончарные печи, широко распространенные в I—II вв. н. э., особенно в римских провинциях. Больше всего их открыто до сих пор на территории древней Галлии, в прирейнских районах и т. д. В более технически развитом виде эти обжигательные печи в сущности несут в себе те же основные конструктивные элементы, которые свойственны и печи Мунчак-Тепе: длинная топка с системой парно выступающих боковых выступов, на которых покоились построенные отдельными секциями сводчатые перекрытия («арки») с жаропроводными отверстиями в промежутках между ними. Мелькала даже мысль, не являются ли источником конструкции печи Мунчак-Тепе западноримская керамическая промышленность и ее техника, тем более, что время существования печи Мунчак-Тепе падает примерно на начало нашей эры (подробнее о датировке ниже).

Однако дальнейшее исследование привело нас к другим выводам. Выяснилось, что конструктивный принцип устройства обжигательных гончарных горнов, свойственный керамической печи Мунчак-Тепе, был известен и применялся уже в очень глубокой древности на Востоке, в Передней Азии, прежде всего в культурных центрах Двуречья. Именно там, повидимому, и была выработана впервые эта система удлиненных в плане печей с боковыми лопатками в топке как опорами для арок, которые служили костяком перекрытий топочного помещения, а одновременно и основой пода обжигательной камеры. Остатки такой древнейшей печи открыты в 1935 г. при раскопках развалин города Урука в Южной Вавилонии.¹ Сохранившаяся нижняя часть печи, т. е. топка, 4 м длины и 0.80 м ширины, высота уцелевших стен печи 0.80 м (рис. 196).²

Издатель урукской печи А. Галлер, сопоставив ее с конструктивно сходной гончарной печью, раскопанной в Ниппуре,³ дал вполне обоснованную реконструкцию ее (она дана на нашем рис. 196), справедливо отвергнув высказывавшееся ранее некоторыми исследователями предположение о том,

¹ Abhandl. der preussischen Akademie der Wissenschaften, 1936, philos.-histor. Klasse, № 13. Achter vorläufiger Bericht über die von der deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka vorgenommenen Ausgrabungen, 1937; A. V. Haller. «Die Stadtmauer», стр. 7, табл. 27 и 33.

² Наш рисунок воспроизводит изображение печи, имеющееся в указанной выше публикации А. Галлера на таблице 27.

³ А. Галлер ссылается на издание этой печи в работе С. S. Fischer «Excavations at Nippur», стр. 40, табл. 40.— Эта же печь в неверной реконструкции воспроизведена: В. Meissner, «Babylonien und Assyrien», I, 1920, стр. 233 сл., а также И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер, «Очерки по истории древнего Востока», 1940, стр. 80. Снимок раскопок древнеавилонской гончарной печи в Ниппуре дан в книге Н. V. Hilprecht. «Die Ausgrabungen im Bel-Tempel zu Nippur», Leipzig, 1903, стр. 22.

что обжиг посуды в таких печах производился якобы внутри топки. Таким образом, твердо устанавливается факт существования печей интересующего нас типа в Передней Азии уже в III—II тысячелетиях до н. э., т. е. задолго до того как данный конструктивный принцип построения керамических обжигательных горнов вошел в римскую промышленную практику.

Что этот тип гончарных печей применялся не только в ремесленных центрах стран древнего Двуречья, но известен был и в смежных с ними

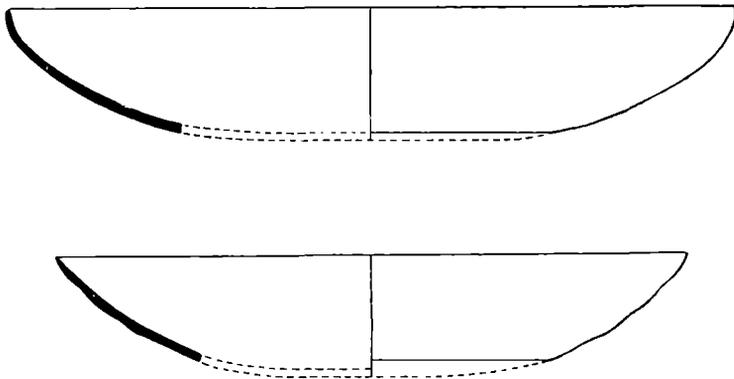

Рис. 20а. Образцы чаш, найденных в топке печи Мунчак-Тепе

областях, свидетельствует недавнее открытие очень интересных остатков керамического производства в Мингечауре (Азербайджан). Раскопанные там обжигательные печи (их изучением в настоящее время занимается бакинский археолог Г. И. Ионе) представляют собой тот же тип горна с системой арочных перекрытий топочного помещения, снабженного боковыми выступами.¹

Мингечаурские печи имеют лишь одну примечательную особенность: топочное отверстие у них устраивалось не с узкой стороны печи, соответственно ее продольной оси, а сбоку, т. е. перпендикулярно к продольной оси. В высокой степени интересно, что при раскопках мингечаурских печей получены данные, которые позволяют датировать, во всяком случае, некоторые из печей III—II вв. до н. э. (сообщение Г. И. Ионе). Датировка эта вполне убеждает, что конструкция мингечаурских печей ни в какой

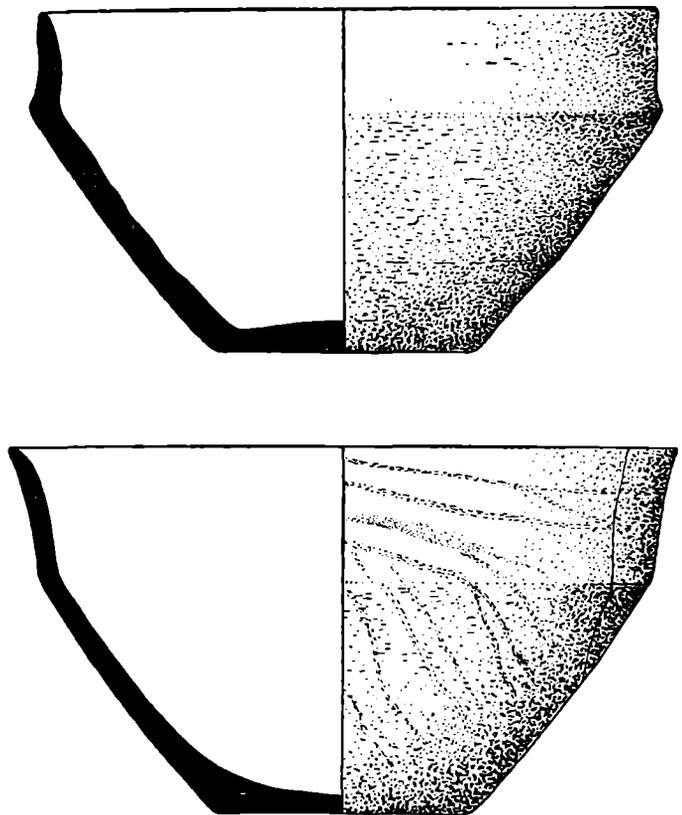

Рис. 20б. Глиняные кубки из нижнего слоя Мунчак-Тепе

¹ Г. И. Ионе. «Гончарные печи древнего Мингечаура», КСИИМК, XXIV, стр. 42—54.

генетической связи с римскими гончарными печами не стоит. Очевидно, мингечаурские печи тесно примыкают к соответствующим переднеазиатским.

Из сказанного следует, что и открытая в Мунчак-Тепе керамическая обжигательная печь восходит к этому же кругу переднеазиатской керамической техники, ранее всего разработанной, повидимому, в Вавилонии и продолжавшей очень долго жить в различных районах Востока, включая сюда в Среднюю Азию. Следует думать, что отсюда же, т. е. с Востока, в начале нашей эры римляне заимствовали, а затем усовершенствовали конструкцию обжигательных горнов с системой арочных перекрытий топочного помещения. Римляне стали особенно широко применять такого рода печи для обжига кирпича, так как арочные, капитально возводившиеся римскими строителями перекрытия топки позволяли загружать обжигательную камеру большим количеством тяжелого керамического материала.⁵

Какого рода керамика обжигалась в печи Мунчак-Тепе?

Количественно преобладающими среди обнаруженных в топке фрагментов керамики были чаши, имеющие в разрезе профиль плавной дуги, обращенной концами кверху (рис. 20а). Диаметр таких чаш 27—32 см, высота 5.2—5.6 см. Изготовлены они на гончарном круге. Некоторые чаши покрыты темнокрасным или коричневатым ангобом, поверх которого производилось еще лощение, придававшее ангобированной поверхности блеск. Особую группу составляют обломки чаш с утолщенным венчиком, имеющим сверху ровный горизонтальный срез. На некоторых экземплярах такого типа чаш ангоб не красного, а кремового цвета. В печи обжигались также хорошей выделки объемистые кувшины (типа античных энох), горло которых снабжено рыльцем. Культурный слой сохранился за пределами печи всего лишь на 30 см, дальше уже шел материк; все, что залегало выше дна котлована, было скрыто при его сооружении.

Поскольку печь была вкопана в грунт и над поверхностью земли выступала, несомненно, только верхняя часть, т. е. обжигательная камера, не может быть полной уверенности в том, что культурные отложения, уцелевшие возле печи, но несколько ниже уровня пода ее обжигательной камеры, одновременны печи. Эти отложения могут быть более ранними. Среди керамических находок, обнаруженных в прилегающем к печи культурном слое, необходимо отметить конически суживающиеся книзу плоскодонные чаши-кубки с вертикально (или почти вертикально) стоящим бортиком (рис. 20б). Высота сосудов чаще всего варьирует от 6.5 до 9 см, но встречаются и более высокие — до 12.5 см. Они тщательно сделаны на гончарном круге. Чаще всего поверхность этих чаш имеет признаки штрихового лощения, лучшие образцы покрыты хорошим темнокрасным ангобом.

Мы отмечаем именно этот тип сосудов, потому что он являлся чрезвычайно характерным для самого нижнего и, стало быть, древнейшего слоя Мунчак-Тепе. Непосредственно в развалинах печи таких чаш не встречено. Но по уровню своего залегания в слое около печи они могут рассматриваться как материал, если несколько и предшествующий времени действия печи, то все же не намного. Общие наблюдения над стратиграфией Мунчак-Тепе и содержимым его нижнего слоя позволяют считать, что начало жизни поселения Мунчак-Тепе, нашедшее свое отражение в нижнем горизонте культурных наслоений, относится к I в. до н. э. — I в. н. э.

Наиболее вероятной датой керамической печи Мунчак-Тепе, повидимому, надо считать I—II вв. н. э. Имеющиеся в парфянском керамическом материале (из раскопок Селевкии) чаши, по форме очень близкие тем, которые обнаружены в топке печи Мунчак-Тепе, принадлежат как раз этому времени (I—II вв.). Это еще более укрепляет наш вывод относительно предложенной датировки керамической обжигательной печи Мунчак-Тепе.

⁵ Литература о римских керамических обжигательных печах указана в моей работе «Античные керамические обжигательные печи». ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 36.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

О ДОМУСУЛЬМАНСКИХ КУЛЬТАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Среди открытых памятников материальной культуры Средней Азии домусульманского периода значительное место принадлежит предметам, связанным с религиозными представлениями и культурами.

Для понимания подобных памятников большую помощь должны оказать письменные источники первых веков мусульманской эры, составленные на персидском и арабском языках. Письменность эта, с одной стороны, впитала более раннюю традицию, а с другой — сохранила важные факты живой действительности, заключавшей в себе многие элементы древних верований. Многое в изучении указанных источников уже сделано трудами В. В. Бартольда и К. И. Иностранцева. Тем не менее источники эти далеко не исчерпаны. Больше того, в свете вновь поступающих материалов факты, вошедшие в обиход науки, должны быть пересмотрены так же, как и выводы, которые на них базировались.

Опираясь на терминологические определения, В. В. Бартольд делил культы среднеазиатских народов накануне арабского завоевания на «культ огня» и «культ идолов». Под первым он понимал зороастризм. Сообщения источников о культе идолов Бартольд склонен был отнести или за счет своеобразий местного зороастризма или, главным образом, за счет буддизма. В. В. Бартольд полагал, что в Средней Азии имелись или «храмы огня», или же сооружения, принадлежавшие буддистам.

Действительное положение дела было более сложным, особенно в отношении так называемого «культа идолов». Для решения этого вопроса большой интерес представляет легендарно-эпическая традиция, касающаяся отдельных видов культовых сооружений в Средней Азии в доарабское время. Помимо храмов огня и идолов, она знает храмы, посвященные Солнцу, Луне, храмы девоу. Китайские источники сообщают о храмах, посвященных предкам, «духу неба», «духу Дэси», святилища в виде пещер. Весьма важно отметить, что и арабские источники в рассказах о завоеваниях Средней Азии, упоминая о культе идолов, применяют разнообразные термины для отдельных случаев. Понятие «идолы» передается, по крайней мере, четырьмя словами (аснам, авсан, алихат, тамасиль). Это обстоятельство далеко не случайно, и на него обращено уже внимание. Но для определения конкретного содержания каждого из терминов этого материала далеко не достаточно. Чрезвычайно интересны два термина, связанные с домусульманскими культурами Средней Азии: «бехар» и «фархар».

Первый в форме «Наубехар» известен в качестве названий древних ворот в Самарканде и Бухаре и одновременно храма в Балхе. Второй в различных диалектологических вариантах также известен в исторической топографии Средней Азии и сохранился в топонимике Средней Азии до настоящего времени. Кроме того, он очень популярен в ранней поэзии на

таджикском языке, где им по преимуществу обозначается понятие храма идолов.

Бартольд, вслед за Готье, связывая эти два термина между собой, возводит их к санскритскому термину «вихара», обозначающему буддийский храм.

В отношении термина «бехар» этот вывод подкрепляется упомянутым названием храма в Балхе — Наубехар. Согласно сообщению известного китайского паломника Сюань-Цзяна (VII в.), этот храм считается именно буддийским. Однако вопрос о балхском Наубехаре и, во всяком случае, о происхождении его названия именно от «вихары» не может считаться окончательно решенным. Так, упорная арабо-персидская историческая традиция считает Наубехар храмом огня, а эпическая традиция видит в нем храм, посвященный Солнцу или Луне.

Что касается слова «фархар», то указанная этимология должна быть признана, безусловно, неверной. Лингвистический анализ этого термина обнаруживает его корни в местных языках и в первую очередь в согдийском, в котором основа интересующего нас слова обозначает «гору».

Древняя традиция, начиная от Геродота до Шахнаме, свидетельствует о том, что горные вершины в древности служили иранским народностям местами для святилищ. Отсюда можно сделать вывод, что и наш термин, повидимому, сперва обозначал нагорное святилище, а впоследствии распространился на культовые сооружения вообще. Важным положительным подтверждением справедливости этих соображений является свидетельство Бируни, согласно которому «бухары» (или «бехары») и «фархары» являются святилищами «шаманистов», поклонявшихся идолам. При этом, как он утверждает, «шаманизм» является добуддийским культом, распространенным в «восточной части земли». Но особенно для нас интересно то, что в его время «шаманизм» был еще распространен среди такого среднеазиатского народа, как тогуз-огузы.

Руководствуясь этим термином, мы на основании текстов Авесты получаем возможность конкретизировать культ, связанный с нагорными святилищами.

В пантеоне Авесты теснее всего с горами связан Митра, божество, олицетворявшее сперва первые лучи утренней зари, знаменующие победу наступающего дня над ночной тьмой, а затем и Солнца вообще. Исследования авестийских текстов, посвященных Митре и в первую очередь географической терминологии, заключенной в них, уже давно показали, что Митра был божеством по преимуществу среднеазиатских народов.

Как показали исследования К. В. Тревер, культ Митры нашел отражение и в памятниках материальной культуры Средней Азии. Собранный мною материал свидетельствует о том, что культ Митры отражен и в среднеазиатской топонимике и ономастике. Источники сохранили много имен отдельных лиц и названий местностей, содержащих имя Митры (например, имена исторических персонажей — Сизимитр, Митридат, Бузрг-Михр и Михран, Дар-и-Михра в качестве географических названий). В согдийском и хорезмийском календарях этим именем назван один из месяцев года и день месяца. Имеются сообщения о храмах, посвященных Солнцу. Все это говорит о том, что культ Митры был, несомненно, одним из распространенных в Средней Азии.

Из других небесных светил, почитание которых имело место накануне арабского завоевания, следует прежде всего назвать Луну («мах»), о культе которой весьма определенно свидетельствуют прямые указания источников и данные топонимике и ономастики.

Специфически среднеазиатским культом следует назвать обоготворение звезды Тиштрии (Сириуса), которая олицетворяла божество дождевых вод, приносившихся тучами со стороны Каспийского моря. Есть основание

полагать, что сообщение китайских хроник о «духе Дэси» относится именно к культу Тиштрии.

Наряду с этим культом небесных вод, существовали и культы речных вод, как об этом свидетельствует специальный культ Аму-Дарьи — Вахша (Бируни).

Многочисленные памятники изобразительного искусства доарабского времени, происходящие из Средней Азии, и должны быть отнесены именно к указанным культам. К ним же мы должны отнести и часто обезличенные известия арабо-персидских источников об «идолах» или «храмах идолов», с которыми столкнулись арабские завоеватели.

Сказанное дает право на внесение существенного корректива в приведенное положение Бартольда относительно характера «культов идолов» в доарабское время.

Большой интерес представляют также сообщения письменных источников о зороастризме, или, вернее, о культе огня. К ним, в первую очередь, относятся географические пункты, в которых имелись храмы огня. Бухара с окрестными поселениями, Пайкенд, Хорезм, Ниса и Мерв, Самарканд, район Ташкента — вот те пункты, в которых, согласно этой традиции, находились наиболее почитаемые храмы огня.

Чрезвычайно важно отметить сообщения о наличии зороастрийской литературы в Средней Азии, о чем сообщает, например, Бируни.

Предание, отраженное в нашей литературе, сохранило отголоски напряженной борьбы, происходившей на религиозной почве в домусульманское время. Специально подчеркивается, что борьба между приверженцами огнепоклонничества и общинами идолопоклонников сопровождалась захватом и превращением храмов одного культа в святилища другого.

Все такие факты представляют крупный интерес и должны быть учтены при конкретном изучении соответствующих памятников материальной культуры, в особенности культовых сооружений Средней Азии.

Е. И. АГЕЕВА

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ КЕРАМИКИ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ СЫР-ДАРЬИ И КАРА-ТАУ¹

Керамический материал, собранный на территории поселений на берегах Сыр-Дарьи и в Кара-Тау Южно-Казахстанской области, распределяется по следующим группам.

1. Скифо-сарматская керамика (VI—II вв. до н. э.), которую можно расчленить на две группы — раннюю и позднюю. Сосуды ручной лепки с большим количеством дресвы и песка, черные в изломе. Венчики сосудов прямые и отогнутые небольшим валиком; донца прямые; формы сосудов горшкообразные и баночные; ручки петлеобразные. Керамика в основном без орнамента.

2. Кангуйско-хорезмийская (IV—II вв. до н. э.). Плотный черепок ручной лепки с большим количеством песка, красный в изломе. Сосуды в основном кувшинообразной формы; венчик прямой, слегка выгнутый наружу; сосуды с налепом в форме жгута под венчиком, имеется красный ангоб; керамика лощеная. На сосудах сплошная красная, коричневая и черная раскраски. Встречаются относящиеся к рубежу нашей эры ручки сосудов с изображением животных.

3. Кушанская керамика (I—III вв. н. э.). Керамика с красным лощением. Быть может, к этой группе относятся сосуды с фигурной коричневой и красной раскраской. Сосуды сделаны на гончарном круге из хорошо отмученной глины с небольшой примесью песка. Есть сосуды с горизонтальным рифлением тулова, а также и формы с красным ангобом и лощением и раскраской внутренней поверхности.

4. Керамика эпохи тюркского каганата и ранних огузов (V—X вв. н. э.), синхронная афригидской культуре Хорезма и согдийско-карлукского Семиречья. Это керамика с богатым резным и штампованным орнаментом (рис. 21); венчики массивные овальные, прямоугольные, отогнутые наружу площадкой. Тематика орнамента очень разнообразна, иногда наблюдается сочетание двух-трех мотивов. К этой группе относятся и хумы с раскраской параллельными линиями вдоль тулова красной и черной краской, хумы с венчиками, окаймленные налепом в виде волнистого валика, достарханы и крышки хумов и сосудов с богатым резным и налипным орнаментом. Особых локальных своеобразий для времени XI—XII вв. нет. Однако следует отметить, что, в отличие от Семиречья и Мавераннахра, здесь в эту эпоху поселения не достигают расцвета.

5. Монголо-тимуридская керамика (XIII—XV вв.). Слюда с прямым бортиком и подглазурным резным орнаментом; кесы с прямым венчиком и

¹ По материалам Южноказахстанской археологической экспедиции 1947 г.

венчиком, оконтуренным снаружи бортиком. Часто встречается китайская керамика сунского времени, а также поливная с пятнистыми всплесками красного и зеленого тона.

6. Позднетимуридская керамика (XV—XVI вв.) представлена кесами, пиалами с резко выраженным поддоном блюда. В основном наличествует поливная керамика с подглазурной росписью в виде вытянутой спирали, сетки и растительные мотивы разного характера. Для неполивной керамики типичны белый и зеленоватый ангоб с орнаментом волнистой геребенкой, иногда с потоками бурой краски. Фрагменты майоликовой керамики (белой с бирюзовой росписью) с орнаментом растительного характера.

Рис. 21. Образцы «архитектурного» орнамента в керамике Отрара (Сыр-Дарья) VIII—X вв.

7. Особую группу составляют облицовочные изразцы афригидо-саманидского и караханидского времени.

Анализ керамического материала уже сейчас дает возможность выделить самостоятельные культурные комплексы и центры керамического производства в обследованном районе. Такими являются: Отрар и прилегающие к нему тепе, а также Сауран, Кумкент и др. Особо стоит городище Тамды, являющееся ставкой кочевников.

Анализ керамики подтверждает ряд выводов, сделанных А. Н. Бернштамом, и прежде всего его положение о культурной автономии Отрарского комплекса поселений. Свообразием района является почти абсолютное от-

сутствие керамики караханидского типа; самостоятельное создание поселений населением указанного района, возникновение которых (поселений) восходит к сако-сарматскому периоду; устанавливается время возникновения феодального города для данного района — рубеж VIII — X вв., когда явно начинает преобладать керамика ремесленного типа. Поселения не исчезают при монголах, хотя их объем сокращается. Наконец, устанавливается массовое возрождение жизни в поселениях при Тимуре и тимуридах и расширяются границы их распространения. Все это дает возможность установить типы поселений для каждой эпохи и время их расцвета и упадка.

вековой среднеазиатской керамике. Доклады на пленуме показали большое внимание исследователей к вопросу периодизации керамического материала. Для раннесредневековой керамики важны работы А. И. Тереножкина на материале Афрасиаба. Исследователи стремятся подойти с разных сторон к разрешению этой важной проблемы. Археологи стремятся подой-

Рис. 22. Керамика Пайкенда

1 — хум VIII в., 2 — фляга середины X в., 3 — два сосуда IX в.

ти к ней, разрабатывая вопросы стратиграфии. В. А. Крачковская же подошла к вопросам датировки иным путем, посвятив свои исследования эпиграфике. Проведенный ею тщательный анализ поможет датировке многих типов керамики, на которой имеются различные надписи. В этой же связи чрезвычайно интересны материалы из раскопок в Пайкенде.⁶

⁶ Материалы эти хранятся в настоящее время в Среднеазиатском отделении Отдела культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа.

Неполивная керамика Пайкенда поражает разнообразием типов. Здесь встречается и грубая «кухонная» посуда, вылепленная от руки, и всевозможные сосуды хорошей ремесленной выделки со светлым, желтоватым черепком. Встречаются большие хумы (рис. 22—1), скупо орнаментированные штампом по плечикам, кувшины всех сортов и размеров (рис. 22—3), чашки и плошки и огромное количество конических и плоских крышек от различных сосудов. Неполивная посуда, найденная в раскопках, сопровождалась монетами. Наиболее ранние слои характеризуются монетами бухар-худатов, но уже с арабскими надписями, затем идет серия арабских халифских монет и, наконец, самая обширная группа мо-

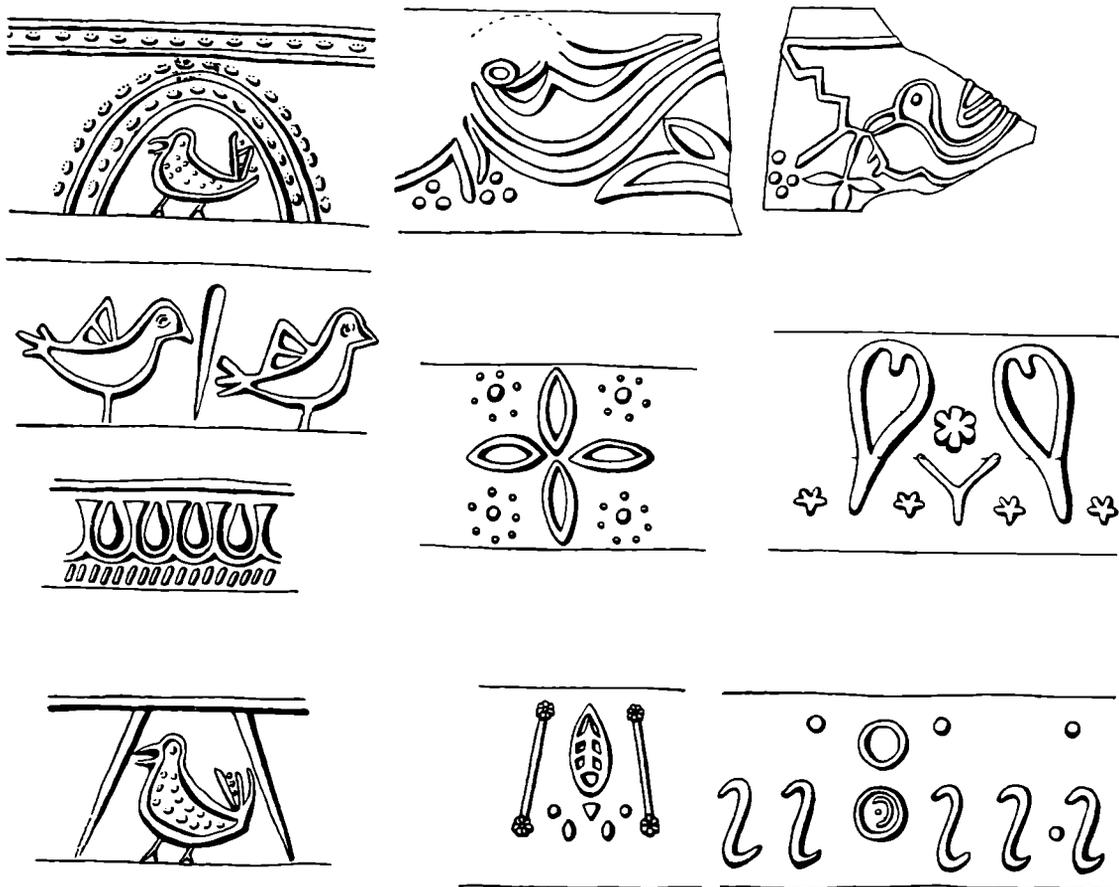

Рис. 23. Керамика Пайкенда. Образцы орнамента на крышках

нет саманидов. Нередки и монеты илеков, но только ранних, не позже 406 г. хиджры (1028 г.).

Таким образом, неполивная посуда, найденная при раскопках Пайкенда, относится ко времени со второй половины VIII по начало XI в. н. э., т. е. в основном на IX и X вв.

Внутри этого периода по времени могут быть выделены отдельные экземпляры, но развитие определенных типов не может быть установлено. Особенный интерес представляет богатейшая орнаментация некоторых видов неполивной посуды, особенно конических крышек (рис. 23).

Поражает разнообразие технических приемов орнаментации. Применяется резьба по сырой глине до обжига, штампование отдельных элементов орнамента, выделка крышек в формах, на которых предварительно нанесен углубленный орнамент. На плоских крышках употребляется еще и барботинная техника.

Орнамент на крышках состоит главным образом из геометрического и стилизованного растительного узора. Особенно интересны образцы с бегущей лозой весьма архаичного вида. На некоторых крышках встречаются схематичные, но очень экспрессивные изображения птиц.

Большая часть орнаментированных крышек должна быть отнесена к IX в.

Поливная керамика столь же разнообразна, как и неполивная. Среди поливной керамики нужно выделить интересный тип местного производства. Наибольшее количество этой посуды было найдено в развалинах гончарной печи (раскоп № 3, 1939 г.). Эта печь датируется двумя саманидскими фельсами: Насра II (913—943), чеканенным в Бухаре, и Абдал-Мелика ибн-Нуха, датированным 958—959 гг. н. э.⁷

Вся посуда из печи сделана на гончарном круге из местной светлосерой глины, хорошо отмученной и промешанной; черепок довольно тонкий. Орнамент на ней нескольких видов: резной, штампованный и давленный в формах. Фрагменты таких форм обнаружены.

Изготовленная посуда обжигалась без поливы. Это производилось где-то в другом месте. В раскрытой нами печи производился вторичный обжиг под поливу. Полива употреблялась для всей посуды одинаковая: прозрачная, легкоплавкая, щелочная, окрашенная медью в темнозеленый цвет.

Вторичный обжиг производился весьма оригинальным способом. В стенки ульеобразной, насколько можно судить по жалким остаткам, печи вставлялись глиняные стержни длиной 20—25 см, диаметром 2—3 см. Некоторые из обжигаемых предметов прямо насаживались на стержень. Однако большая часть предметов обжигалась иначе. На стержни сажались небольшие глиняные коромысла с загнутыми концами. К этим концам и привешивались небольшие сосуды (чираги, чашечки, небольшие кувшины), обычно за ручки, а при отсутствии их — прямо за край.⁸

Среди огромного количества керамического брака было найдено много почти целых сосудов, что позволяет определить тип посуды, производившейся в Пайкенде в середине X в.

И здесь, как и в неполивной керамике, поражает разнообразие форм. Мы встречаем большие кувшины с высоким тонким горлом и сфероконическим туловом, маленькие кувшины без ручек, со своеобразными налпами в верхней части горлышка, чашки разных видов, тарелки на трех маленьких конических ножках, плоские фляги (рис. 22—2), маленькие котелочки с крещатым бортом и двумя вертикально стоящими круглыми ручками, погремушки, свистульки и пр. Необходимо отметить явную связь этих типов посуды с металлом. Это видно по многим деталям, не характерным для керамики и, наоборот, очень типичным для металлической посуды.

Особенный интерес представляют фигурки животных (кони, быки), размером 6—10 см. Замечательно, что они сделаны в подражание фигурным сосудам, имевшим широкое распространение на Востоке в раннее средневековье. Делались эти фигурки на трех конических подставках (одна — сзади, две — спереди), вместо ног. У большинства видны следы дугобразной ручки, шедшей от головы к крупу. Фигурки выдавливались в формах и слепливались из двух половинок. У многих во рту проделывались отверстия, как пережиток выливного отверстия сосуда, хотя, конечно, в эти фигурки нельзя ничего налить.

⁷ Определение монет сделано А. А. Быковым.

⁸ Такие стержни были обнаружены А. Н. Бернштамом в Таразе в 1938 г., в 1946 г. А. М. Беленицким на городище Шахр-и-Минг (Южный Таджикистан) и А. И. Тереножкиным в 1946—1947 гг. на Афраснабе. Находки глиняных коромысел нам не известны.

Кроме этой местной темнозеленой посуды, в Пайкенде было найдено много иных типов поливной керамики как в раскопках, так и среди подъемного материала; но относительно описанного типа можно с уверенностью сказать, что он производился на месте. Быть может, некоторые виды поливной посуды, кроме описанного, и изготовлялись в Пайкенде, но у нас пока нет никаких доказательств. Среди находимых типов поливной полихромной посуды некоторые виды, несомненно, саманидского происхождения, другие же производились в Бухарском оазисе. Некоторые типы очень близки к хорошо известной нам саманидской керамике Афрасиаба. Все они, в основном, характеризуются светложелтым или розоватым черепком хорошего качества. Обычно они покрыты с двух сторон белым ангобом и политы прозрачной глазурью очень высокого качества, дающей сильный блеск. В большинстве случаев у этой посуды фон белый, а орнамент — геометрический, растительный или буквенный — сделан красным ангобом или коричневато-черной краской (железо). Наиболее частая форма этой посуды — глубокая коническая чаша на невысоком, слегка вогнутом поддоне.

Другой распространенный тип характеризуется врезным орнаментом графитно по белому ангобу и прозрачной поливной с зелеными и желтыми потеками разных оттенков. Керамика сходных типов хорошо известна нам на Переднем Востоке. Уже в раскопках Самарры (IX в.) было обнаружено много подобных сосудов, но без врезного орнамента. Этот тип керамики в Средней и Передней Азии развивается под влиянием определенных видов китайской керамики эпохи Тан. В результате работ в Пайкенде можно утверждать, что этот тип керамики с врезным орнаментом в Средней Азии появляется уже в середине X в.

Кроме указанных типов, Пайкенд дал еще много других, менее распространенных типов. Подготавливаемое полное издание керамики Пайкенда с иллюстрациями и сводными таблицами даст представление о важной группе раннесредневековой керамики Средней Азии.

ДОКЛАДЫ НА ЗАСЕДАНИЯХ СЕКЦИЙ
ЭПИГРАФИКИ, НУМИЗМАТИКИ, АРХИТЕКТУРЫ

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ КУФИЧЕСКОГО ШРИФТА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Начало арабской письменности в Средней Азии датируется периодом борьбы и закрепления арабов в Мавераннахре. Документы VII в., к сожалению, не сохранились, но известны монеты с надписями куфи, чеканенные в Мерве с 76 г. хиджры (688) и в Нишапуре. Письмо владетельного согдийца Дивасти (Диваштич — на согдийском языке) к арабскому амиру ал-Джарраху (718—719), написанное на арабском языке более развитой скорописью, чем на западе халифата, свидетельствует о роли арабского языка в местной дипломатике.

О почерках VIII—IX вв. можно судить по куфическим надписям черным или красным красителем на керамике и на уникальных предметах из иных материалов. Строгая прямолинейность постепенно сменяется гибкостью, вводятся растительные элементы, применяется пунктуация. На предметах обихода (штампах на кирпичах, на бронзовой гире Исмаила Самани) надписи просты и прямолинейны. Вытканые в Мерве в конце IX—начале X в. на роскошных тканях из льна и шелка имена халифов и другие официальные данные отличались изяществом и своеобразием почерка, не только сравнительно с керамическими надписями в Средней Азии, но и с текстильными надписями из других центров халифата того времени. В почерке мервской ткани 278 г. хиджры (891) настолько характерны буквы «мим», «даль», поднятые окончания и стройные вертикали, что по ним можно установить мервское происхождение фрагмента ткани 293 г. хиджры (905—906) из собрания Мичиганского университета.

В начале X в. на саманидских монетах с куфическими надписями стало появляться начертание имени саманидского амира курсивным почерком насхи. Прием смешения двух почерковых стилей на монетах из Мавераннахра распространился в государстве газневидов и караханидов и был сигналом к переходу в монетных надписях исключительно к почерку насхи.

Среднеазиатские керамисты-каллиграфы IX—X вв., безусловно, превосходили западных мастеров красотой почерка и искусством композиции надписей. В надписях на керамике появляются значительные курсивные изменения: загиб вершин налево, сильный нажим и плавный переход в тонкие линии, отклонение «алифа» от вертикали направо, крючковидные окончания и росчерки. Эти признаки свойственны почеркам рукописей, датированных 932—1055 гг. Для сравнения привлечены: географическое сочинение ал-Балхи 932 г., почерки уроженцев Рейя и Туса, автограф ал-Бируни, уроженца Хорезма, датированный 1023 г. Датированные рукописи позволяют определить датировку Корана из Узбекского центрального государственного музея и обширной группы среднеазиатской керамики.

Эволюция почерков с VIII в. до середины XI в. демонстрируется на таблице алифов (рис. 24).

Для керамики IX—XI вв., кроме стиля почерка, характерно заполнение части фона черным пунктиром в красном контуре, отступя от букв. Эти палеографические особенности позволяют высказать предположение, что подобные почерки были представлены в рукописях знаменитой бухарской библиотеки Саманидов.

Излюбленные короткие изречения «счастье», «благословение» вследствие слабого знания языка или по небрежности, искажались и постепенно превратились в орнамент. Разновидность куфи с петлистыми буквами и

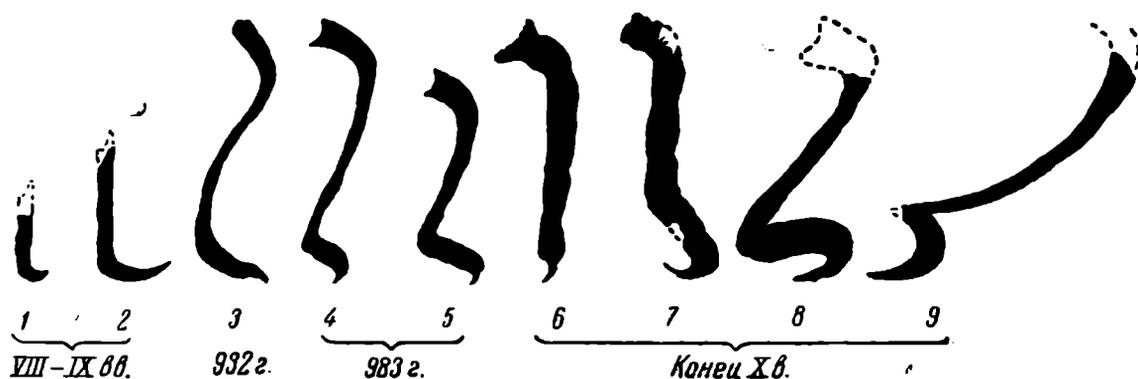

Рис. 24. Изменение буквы алиф с VIII до XI вв.

плетениями на среднеазиатской керамике можно датировать, сравнивая с алфавитами монументальных надписей первой половины XI в., выполненных из кирпича в Радкане и Термезе; последние отличаются очень сложными плетениями; особо характерны сердцевидные узлы и подобию восьмерки.

Куфические надписи, выполненные не из кирпича, как, например, на свинцовой плите из Куня-Ургенча 1010—1011 гг. или на каменной колонне в Сайраме, значительно проще. На свинцовой плите декоративные элементы почти отсутствуют, на сайрамской колонне введены умеренно. Рельеф надписей, резанных по дереву или по стуку, разнообразнее и пластичнее, часто обогащается растительными украшениями; стиль букв изысканнее.

Особую стилистическую группу в XI—XII вв. составляют куфические надписи с непрерывным бордюром. В верхней зоне шрифтового пояса бордюр образован: а) с помощью дополнительных стволов и U-образных вставок (Рабат-и-Малик, мавзолей Мухаммад-Ханапья); б) из переплетенных в виде геометрического узора буквенных стволов и подобных им ложных дополнений, завершаемых клиновидными вершинами или листовидными украшениями (мавзолей в Узгенде). Куфи применяется в надписях исторического содержания наравне с надписями, художественно исполненными в почерке насхи, но последний насыщен элементами, заимствованными от куфи, особенно надпись северного мавзолея в Узгенде.

В XIII—XIV вв. куфические надписи исторического содержания на среднеазиатских памятниках составляют уже исключение, ведущая роль перешла к насху. Последняя куфическая надпись большого масштаба отмечена на нижнем поясе минарета XIV в. в Куня-Ургенче. Куфи встречается в текстах неисторического содержания: в цитатах из Корана, из преданий, в стереотипных формулах. Кроме изменения в стиле, уснащения отростками и плетениями, заимствованные из куфи лигатуры употребляли как орнамент в поясах насха; из одних только плетеных узлов составляли непрерывные узоры, вкрапывали плетенки в растительный орнамент.

На памятниках времени Тимура и тимуридов квадратный куфи крупного масштаба, в основе которого лежит техника кирпичной кладки, занимает очень видные места (на фасадах мавзолеев, барабанах куполов, минаретах, порталах); его имитировали в небольших панно и декоративных поясах (рис. 25). Часть колоссальных надписей на поверхности зданий стилизована под куфи.

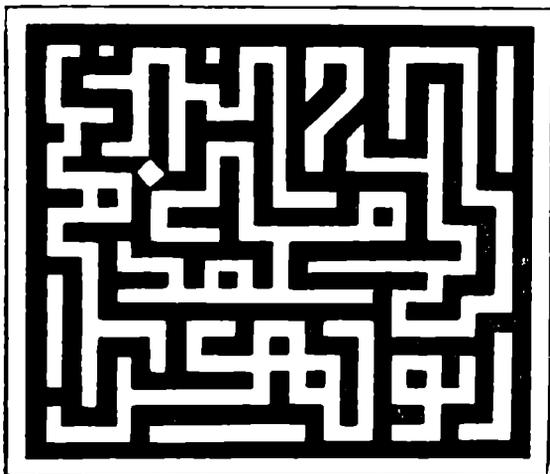

Рис. 25. Надпись квадратным куфи на мавзолее Кутлуг-Ага (Самарканд)

Подчиненное положение куфи обнаруживается, когда в двустрочной надписи он мелко начертан над крупной строкой насха. Стереотипная формула «Ал-мульк ли-лла» неустанно варьируется в монументальной эпиграфике и на памятниках прикладного искусства; многочисленные примеры имеются на мавзолеях Шах-и Зинда, а также повторяются на бронзовом котле Тимура. Имитация куфи и плетеные узлы прочно вошли в репертуар текстильного орнамента при наследниках Тимура, о чем можно судить по рисункам ковров на миниатюрах этой эпохи.

Таким образом, со времени арабского завоевания в Средней Азии куфи в той или иной стилистической обработке неизменно оставался одним из самых ярких элементов декоративного искусства.

О. И. СМЕРНОВА

СОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК В ПЯНДЖИКЕНТЕ

Летом 1947 г. производились раскопки на городище Кайнар-Су, к юго-востоку от гор. Пянджикента, в долине Зерафшана. Раскопки велись на холме цитадели и в шахристане. Во время этих работ вместе с предметами материальной культуры были найдены монеты. Общее количество монет (целых и в фрагментах) — 24. Из них: один обол,¹ одна монета Бухархуда-тов, четыре медные арабоязычные монеты и 17 согдийских монет с легендами, выполненными согдийско-буддийским письмом.

Группа согдийских монет VII—VIII вв. делится на два основных типа: а) монеты китайского типа с квадратным отверстием посередине или изображением квадрата и б) монеты местного типа, без квадратного отверстия.

Среди находок 1947 г. представлены оба типа. К сожалению, сохранность части монет настолько плоха, что установить чтение легенд некоторых из них не оказалось возможным. Из 17 согдийских монет не определенными остались шесть.

I. МОНЕТЫ КИТАЙСКОГО ТИПА

1. Вахшуман, Самарканд, 655—696 гг. н. э. Сохранность ниже средней. Монета издана.² Диаметр 19 мм, вес 1.1 г. Шахристан, здание № 1 (рис. 26—1).

2. То же. В трех кусках. Сохранность очень плохая. Диаметр 20 мм, вес 1.3 г. Кешк, участок II.

3. Угрек (Гурек), Самарканд, 710—737 гг. н. э. Сохранность очень хорошая. Монета издана.³ Диаметр 23 мм, вес 4 г. Кешк, участок II (рис. 26—2).

4. Турга, Самарканд, 737 г.—?, I вариант. Сохранность средняя. Монета не издана.⁴ Диаметр 20 мм, вес 2.15 г. Шахристан, здание № 1 (рис. 26—3).

5. То же, II вариант. Сохранность хорошая. Монета издана.⁵ Диаметр 18 мм, вес 3.1 г. Кешк, участок II (рис. 26—4).

6. То же. Сохранность средняя. Диаметр 17 мм, вес 1.8 г. Шахристан, здание № 1.

¹ Монета определена Н. Н. Забелиной, сотрудником Самаркандского музея.

² ВДИ, 1939, № 1, стр. 118.

³ ВДИ, 1939, № 1, стр. 117.

⁴ Монеты ихшида Тургага подробно рассмотрены автором в статье «Описание согдийских монет нумизматического отдела Гос. Эрмитажа». Первый вариант монет Тургага является непосредственным продолжением чекана его отца Угрека.

⁵ ВДИ, 1939, № 3.

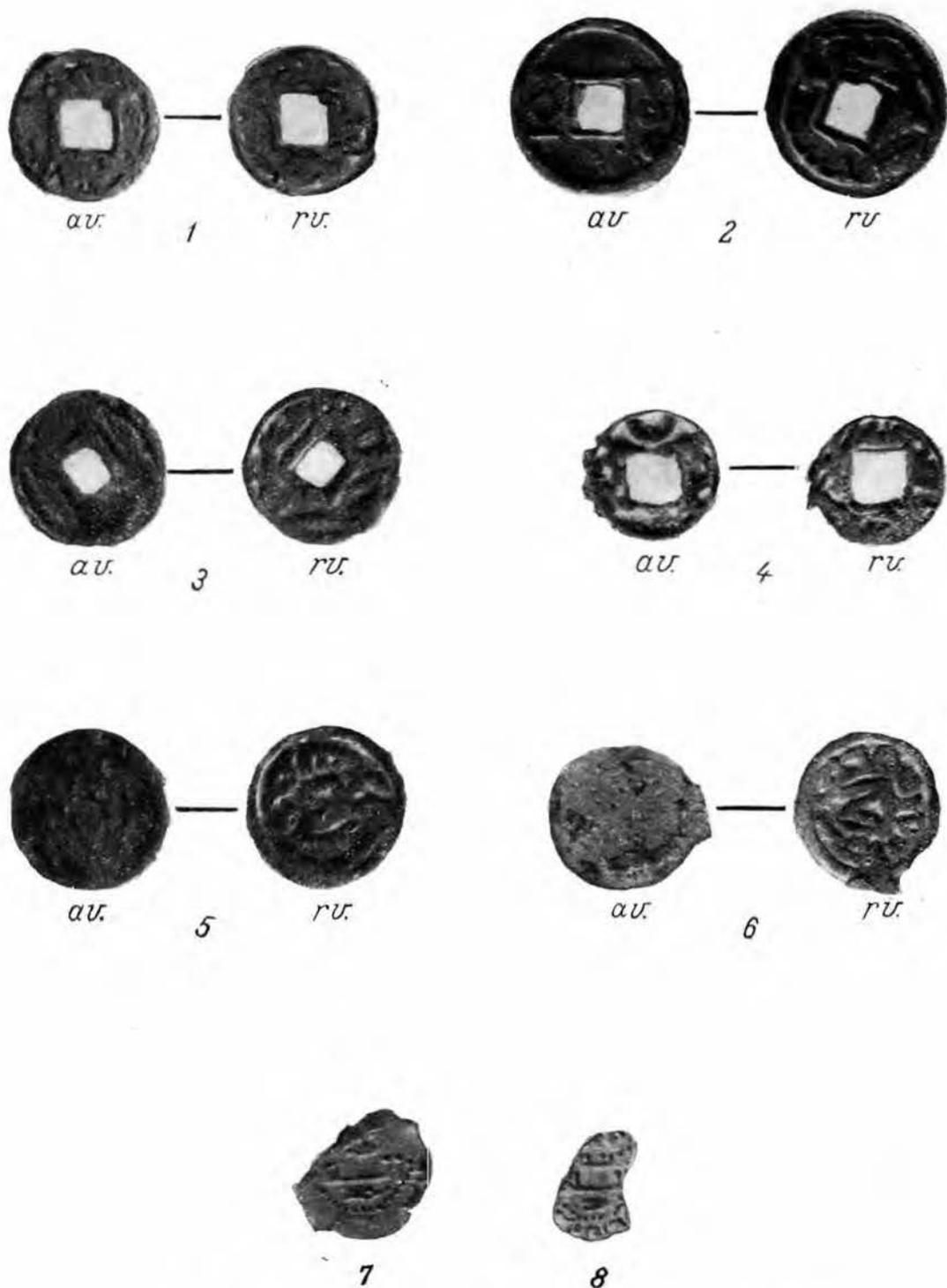

Рис. 26. Согдийские монеты из раскопок в Пянджикенте

7. То же. Квадратное отверстие заполнено металлом. Обломана. Диаметр 18 мм. Кешк, участок II.

8. Угрек, провинциальный чекан (?), вторая половина VIII в.

ав. Посредине в поле изображение квадратного отверстия, справа и слева от квадратного отверстия — знаки (рис. 26—5).

гв. Посредине в поле изображение квадратного отверстия, кругом него надпись справа налево в одну строку, состоящая из двух слов WYTKMLK' — ихшид Угрек. По краю монеты широкий выпуклый бордюр. Значок и надписи сильно деформированы и расплывчаты. Сохранность средняя. Монета не издана. Диаметр 21 мм, вес 1.3 г. Кешк, участок II (рис. 26—6).

9. То же. Очень плохой сохранности. Обломана. Диаметр 22 м. Найдена вместе с предыдущей.

Как видно из приведенного описания, монеты № 8 и 9 существенно отличаются от остальных монет китайского типа. Квадратное отверстие посредине заменено его изображением, легенда расположена в одну сторону, а не в две, как обычно у монет этого типа. Надписи и знаки нанесены явно неумелой рукой и сильно искажены и деформированы. Содержание их легенд и знаки соответствуют содержанию легенд и знакам на монетах ихшида Согда Угрека. Таким образом, эти монеты являются подражанием монетам этого правителя. Следует ли видеть в них провинциальный чекан или они являются позднейшим подражанием последним, сейчас сказать трудно. Отсутствие аналогичных монет среди материалов раскопок на Афрасиабе (Самарканд) и Тали-Барзу делают первое предположение более вероятным. Дальнейшие раскопки помогут окончательно решить этот вопрос.⁶

II. МОНЕТЫ МЕСТНОГО ТИПА

10. Монета с изображением животного. Осрушана (?), VIII в.

ав. Изображение бегущего вправо фантастического животного. Изображение почти полностью стерто.

гв. В центре знак. Кругом знака легенда в две строки, состоящая из двух слов: $\gamma w \beta w$ tr'βn царь Траван (?). По краю монеты широкий выпуклый бордюр. Обратная сторона очень хорошей сохранности. Диаметр 20 мм, вес 2.8 г. Монета не издана. Шахристан, задание № 1 (рис. 26—7).

11. То же. Сохранность плохая. Обломана справа. Диаметр 20 мм, вес 1.5 г. Найдена вместе с предыдущей.

Знак, помещаемый на оборотной стороне этих монет, так же как и титул $\gamma w \beta w$, не встречается на монетах правителей Самарканда. Однако шрифт и язык позволяют включить их в группу согдийских монет, а развитой курсив легенд — отнести к VIII в. н. э.⁷ Титул $\gamma w \beta w$ хорошо известен по памятникам согдийской письменности, в частности по согдийским документам с горы Муг в Таджикистане, где он присвоен владельцу Кштута и владельцу Пянджикента. Принятое значение этого титула — царь.

В 1944 г. аналогичные монеты были найдены во время раскопок на Фаркаде, на территории Осрушаны арабских географов. Третья находка монет этого типа была сделана А. И. Тереножкиным в Ак-Тепе под Ташкентом. Весь комплекс находок датируется А. И. Тереножкиным началом VIII в. Вместе с монетами был найден фрагмент глиняного котла с процарапанной согдийской надписью. Раскопки Афрасиаба не дали монет этого типа. На основании раскопочных данных, учитывая локальное значение меди, вероятнее всего считать, что монеты с этими знаками выпускались в Осрушане,

⁶ Аналогичные монеты очень хорошей сохранности хранятся в собрании Самаркандского музея.

⁷ Аналогичные монеты хранятся в собраниях Нумизматического отдела Ленинградского Гос. Эрмитажа и в Ташкентском художественном музее.

а также к северу от Сыр-Дарьи. Как указывалось выше, знак, находящийся на их оборотной стороне, отличен от родовых знаков правителей Самарканда, и, следовательно, лица, выпускавшие монеты с этим знаком, принадлежали к другому роду. В китайских источниках мы находим сведения о том, что правители Шаша, Осрушаны и Ферганы не принадлежали к роду, правившему в Самарканде; следовательно, данные китайских авторов подтверждают выводы, к которым можно прийти на основании монетного материала. Факт находки согдийской надписи и согдийских монет в Ак-Тепе крайне интересен. Он подтверждает сведения китайских авторов о том, что письмо сули (согдийское) и язык сули в VIII в. были распространены от владений Ши (Ташкента) до Железных Ворот (район Шахрисабз). Небезынтересно также, что граница распространения монет этого типа совпадает с политической границей между Осрушаной и владениями Самарканда. Согдийские монеты, найденные при раскопках на городище Кайнар-Су, по времени охватывают период с середины VII в. по вторую половину VIII в. Арабоязычные монеты относятся к середине VIII в.⁸ Выводы, к которым пришел А. И. Тереножкин на основании исследования керамического материала цитадели, полностью совпадают с результатами исследования монет. Монетные материалы, в свою очередь, подтверждают выводы, к которым пришел археолог.

Любопытно отметить, что на лицевой стороне арабоязычных монет под символом веры находится изображение основного знака согдийских монет китайского типа (рис. 26—8). Факт помещения на арабоязычных монетах, выпускавшихся в Самарканде, родового знака ихшидов Согда не лишен интереса и указывает на известную преемственность согдоязычных и арабоязычных монет ранних выпусков.

Второй родовой знак ихшидов Согда до правителя Вахшумана включительно (первая половина VIII в. и до 696 г.) воспроизведен на печати, входящей в состав небольшого клада, найденного на цитадели, а также на некоторых серебряных сасанидских блюдах Государственного Эрмитажа.⁹ Помещение одного из знаков согдийских монет на предметах материальной культуры, с одной стороны, подтверждает осмысление этих знаков как родовых — знаков собственности; с другой — позволяет выделить эти предметы в особую группу и до некоторой степени их локализовать.

⁸ Кроме одного саманидского фельса (Самарканд, 304 г. хиджры.— 722/23 г. н. э.). Найден на донжоне.

⁹ На наличие этого знака на блюдах обратил мое внимание А. М. Беленицкий.

Н. Н. ЗАБЕЛИНА

НОВАЯ МОНЕТА С ЛЕГЕНДОЙ
 ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ

Небольшие серебряные монеты с изображением лица в профиль вправо на аверсе, головы лошади вправо на аверсе, головы лошади вправо на реверсе, известные под общим названием «монет, битых варварами в подражание селевкидам», встречаются в большом количестве на территории Средней Азии. Монеты эти еще совсем не известны, и только единичные экземпляры этого типа были опубликованы Куннингаммом и Аллоттом де ля Фюй.

Рис. 27. Скифатная монета Евтидема из собрания Самаркандского музея

Монеты этого чекана, повидимому, имели хождение в Согде и в соседних с ним областях. На это указывают селевкидские монеты с изображением головы рогатой лошади на реверсе, являющиеся особенностью бактрийского чекана, которым подражают наши монеты.

Описываемые монеты (33 кружка хранятся в нумизматической коллекции Республиканского музея культуры узбекского народа в гор. Самарканде), которые были подвергнуты изучению автором, все, без исключения, представляют беспаспортный материал, и установить места их находок невозможно.

Одно из отличий этих монет от подлинных селевкидских монет — это их форма. Они, как правило, скифатные, т. е. с выпуклым аверсом и вогнутым реверсом, тогда как селевкидские монеты обычно плоские. Эти монеты представлены многими вариантами. Легенда в большинстве случаев отсутствует; на некоторых монетах она существует, но никто из исследователей не обращал на нее внимания. На одной из монет легенда выбита очень четко, и автору настоящей работы удалось ее разобрать (рис. 27).

Монета числится по инвентарной описи Музея за № 20 и определена Б. Н. Кастальским как монета «варварского Антиоха, вариант № 9», максимальный диаметр 12 мм, вес 1.25 г. Характер выполнения профиля на аверсе и головы лошади на реверсе далеко не варварский. Легенда расположена на реверсе по типу легенды на таких же монетах Антиоха —

слева и внизу и читается, как ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔ... (далее для легенды нехватило места из-за монограммы, расположенной под мордой лошади). Монограмма селевкидского типа — в виде угольника, заключенного в круг. Анализ этой монеты приводит нас к выводу, что она скорее всего является чеканом самого Евтидема, причем одним из его ранних чеканов, о чем свидетельствует палеографический анализ букв. Это подтверждается также и высоким весом монеты.

Более мелкие, чем дражмы, серебряные монеты Евтидема, а также его монеты скифатной формы до сих пор не были известны. Из письменных источников мы узнаем об Евтидеме очень мало. Страбон, описывая события, происходившие в это время на Востоке, упоминает об Евтидеме, который с помощью каких-то друзей взбунтовал всю окрестную с Бактрианой область, причем Страбон оставляет эту область без названия и не называет Евтидема наместником какой-либо области. Не исключено, что этой областью могла быть Согдиана.

Факт очень долгого существования в Согде тетрадрахм, битых по типу тетрадрахм Евтидема, а также монеты, послужившие темой настоящего доклада, подтверждают предположение о том, что имя Евтидема связано с историей Согда.

Из 33 кружков монет, хранящихся в Самаркандском музее, битых в подражание селевкидам, кроме описанной выше монеты, есть еще шесть подобных монет с остатками легенды. Изображения и легенды на этих монетах выбиты более схематично, но и здесь мы видим ту же легенду.

Следует отметить, что монеты с именами других греко-бактрийских царей подражаний в Согде не имели.

Вопрос дальнейшего изучения согдийских монет с именем Евтидема является важным в деле изучения нумизматики на территории древней Средней Азии, а также для выяснения исторической роли Согда в образовании греко-бактрийского государства.

В. Л. ВОРОНИНА

ПРИЕМЫ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ ДОАРАБСКОГО
ПЕРИОДА В СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

Основными строительными материалами доарабского зодчества являлись производные лёсса — пахса и сырец. Из них строили все здание, иногда при полном отсутствии деревянных частей. Роль камня была второстепенной, поскольку он употреблялся лишь в местностях горных и в предгорьях. Дерево не было неременным материалом покрытий, так как были весьма употребительны своды, но оно фигурировало в опорах и портиках. Обожженный кирпич в кладке не применялся.

Из пахсы и сырца выкладывались сплошные цоколи — стилобаты предарабских построек, которые в то же время представляли пол здания. Этот прием характерен для хорезмийского строительства, где стилобаты донжонов достигают нескольких метров высоты; таким же способом устроено основание замка Ак-Тепе близ Ташкента (VI—VII вв. н. э.), поставленного на трехметровый пахсовый пласт. Пахса стилобатов укладывалась отдельными мощными слоями. На Ак-Тепе можно заметить, как поверхность пола нарезана на квадраты, во избежание беспорядочного растрескивания глины. Такая разрезка наблюдается и в стилобатах по фасаду зданий (постройки Хорезма). Для кладки стилобатов употреблялся и сырец.

Иногда по природным условиям или другим причинам цоколь конструирован иначе.

С. П. Толстов описывает фундамент и полы из уплотненного поливкой и трамбовкой строительного мусора на песке.² В замке на горе Муг, по условиям места, для этой цели использованы камень и галечник на глиняном растворе.

Методы кладки стен в основном исчерпываются тремя приемами: а) кладка глинобитная, б) кладка сырцовая, в) кладка комбинированная из пахсы и сырца.³

А. И. Тереножкин рисует эволюцию строительных приемов древнего Хорезма от кирпичных кладок к пахсовым в течение I—VII вв. н. э., т. е. от приемов более трудоемких к менее трудоемким, и отмечает, что в V—VIII вв. из сырца кладутся лишь стены жилых строений, тогда как крепостные стены и другие части здания оборонительного назначения делались из пахсы.⁴ Тот же процесс, может быть, происходил в строительной технике Осушаны и Шаша; по крайней мере, в кладках ранних строитель-

¹ На основе наблюдений и обмеров автора. Материалы Гос. Научно-Иssl. Ин-та Иск. Узб.

² Древности верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 169.

³ «Пахсой» называется в Средней Азии битая глина.

⁴ А. И. Тереножкин. Жилые постройки XI—XII вв. в Кара-Калпакской АССР. Изв. УзФАН, 1940, № 7, стр. 70.

ных периодов Мунчак-Тепе (Фергана, I—IV вв.) наблюдается именно такая последовательность.

Приемы пахсовой кладки отлично иллюстрирует Ак-Тепе близ Ташкента, где в местах, не тронутых сыростью, раскрытая поверхность пахсовых стен отличается гладкостью шлифованного гранита. Сходство это усугубляется свойствами метода кладки, которые заключаются в следующем.

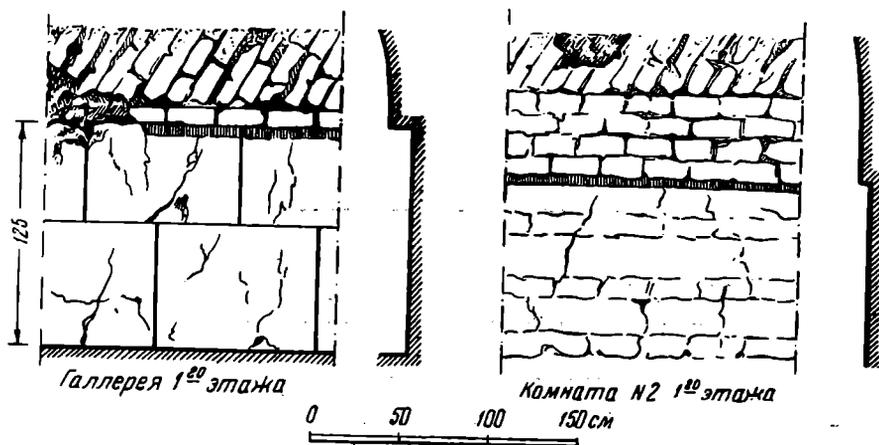

Рис. 28а. Кладка стен на Ак-Тепе близ Ташкента

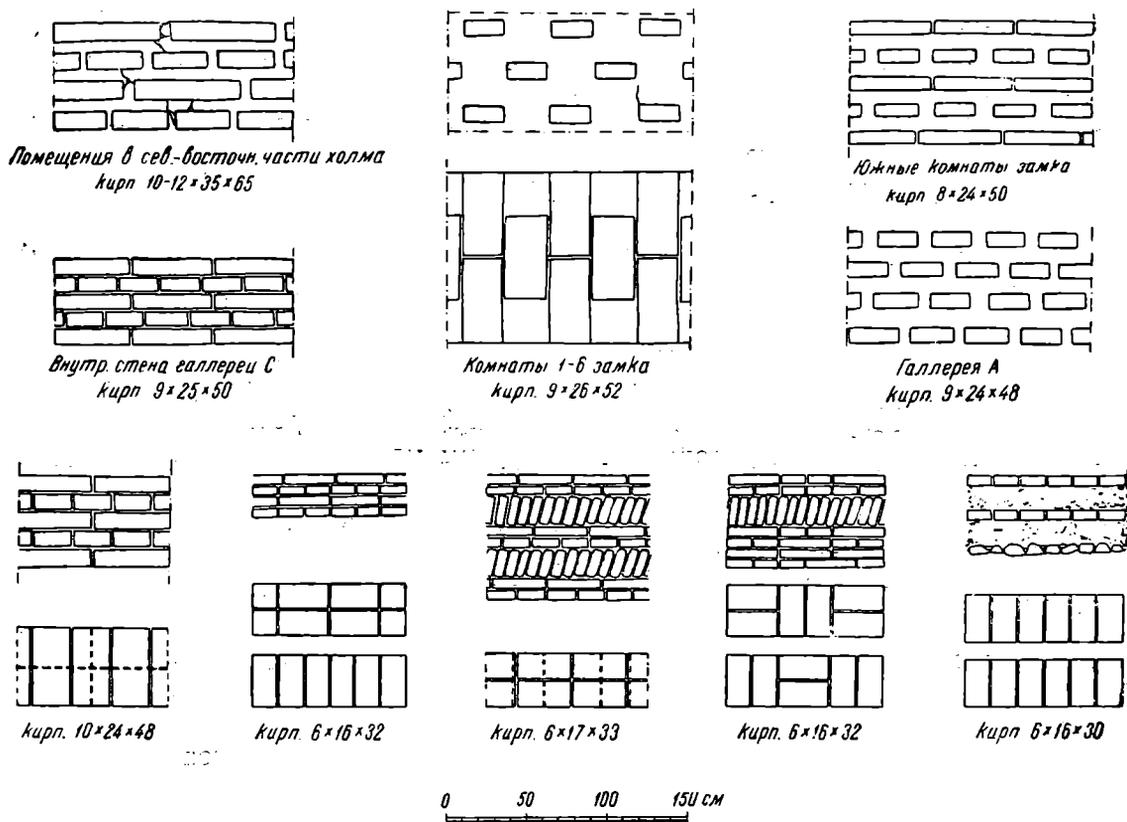

Рис. 28б. Кладка стен на Мунчак-Тепе. Вверху III—IV вв., внизу VIII—X вв.

Пахса укладывалась последовательно пластами высотой около метра. После укладки каждого ряда пахсы он надрезался с боковых поверхностей по отвесу каким-то, вероятно специальным, металлическим инструментом. В стенах Ак-Тепе такие надрезы видны совершенно отчетливо (рис. 28). Вследствие разрезки пахса при высыхании растрескивалась не в случайном, а в заданном направлении. Вышележащий ряд разрезается в перевязку с первым, так что швы не совпадают. Получаются монолитные и красивые массивные блоки.

В некоторых случаях ряды пахсовых блоков прослаивались одним или двумя-тремя рядами сырца на глине. Этим способом достигается известный архитектурный эффект, хотя он, быть может, порожден чисто практически-ми соображениями. Возможно, что введение кирпичных рядов обеспечивало некоторую эластичность кладки, желательную в смысле сейсмоки.

При изготовлении сырца, во избежание растрескивания, в глину добавлялись песок или саман. Форма для выделки кирпича не имела дна, и кирпич при формовке укладывался на выровненный грунт. В кладке стен кирпич клался на раствор более ровной верхней постелью, поэтому тамги, которые часто делались на ней, всегда приходятся книзу (по объяснению узбекских мастеров-строителей).

Кирпич доарабских построек характеризуется крупными размерами. В соотношении сторон его можно грубо разбить на две категории: квадратный и прямоугольный. Для строительства древнего Хорезма и Термеза характерен квадратный кирпич. В Согде, Осрушане и Шаше употреблялся, как правило, прямоугольный.

Прямоугольная форма кирпича представляется более прогрессивной, чем квадратная, в отношении возможностей перевязки швов — позволяет разнообразить последнюю и варьировать толщину стен. Правда, зодчество последующего, феодального периода оперирует исключительно квадратным кирпичом меньшего размера, но зато кирпич подвергается обжигу и представляет более мелкий модуль; кроме того, в качестве раствора вводится алебастр. Размеры кирпича в постройках Согда, Осрушаны и Шаша следующие: толщина его колеблется в пределах 8—15 см, ширина — 20—35 см, длина — 30—65 см. Независимо от размеров кирпича, его ширина и длина, как правило, выдерживаются в определенной числовой или геометрической зависимости, которая стоит в прямой связи с методами перевязки швов. Прежде всего, предпочиталось простое целое отношение 1 : 2. Иногда размеры кирпича отступают от этой пропорции на 1—2 см в ту или другую сторону, что означает учет толщины шва (как в современном стандарте). Реже встречаются другие пропорции (2 : 3, $\sqrt{2}$ и др.).

Формат кирпича 1 : 2 позволяет чередовать кладку рядов тычком и логом — так называемая «цепная кладка». Именно эта система разрезки швов принята в кладке стен древнего Пянджикента (VII—VIII вв.).

Толщина слоев раствора в сырцовых кладках древних построек колеблется в широких пределах и образует ряд градаций, восходящих к типу комбинированной кладки. Четкой грани между кирпичной и смешанной кладкой не существует, причем раствор меняет консистенцию в сторону увеличения плотности.

Под «комбинированной» мы имеем в виду кладку попеременно слоями сырца и пахсы толщиной 10—25 см (а в общем случае 16—18 см). Кирпич кладется без раствора.

Смысл комбинированной кладки в том, что она менее трудоемка и монолитней сырцовой. Пахса, прослоенная кирпичом, не может дать крупных сплошных трещин, а лишь мелкие в пределах каждого слоя; но и тех почти не бывает. При комбинированной кладке пахса не надрезается вертикальными швами.

Комбинированная кладка образует, в свою очередь, варианты: а) кирпич кладется вплотную тычком, б) «в строчку» и в) в шахматном порядке (рис. 28). Комбинированная кладка распространена в Хорезме, в Осрушане и в Шаше.

Техника кладки арок в доарабском строительном деле отличалась замечательным многообразием и располагала целым арсеналом остроумных приемов, причем варьируют не только методы кладки, но и очертания кривых. Методы кладки арок жженого кирпича на следующем этапе развития техники становятся более стандартными. Причина вариантности сырцовых:

арок лежала, видимо, в противоречии между крупным форматом кирпича и небольшим пролетом.

Арки и своды могут быть характеризованы: по признаку кривой очертаения и по методу кладки.

С точки зрения кривой, арки и своды были преимущественно коробовыми. Различные формы арок могут быть классифицированы следующим образом: а) трехцентровые и параболические (возвышенные и низкие);

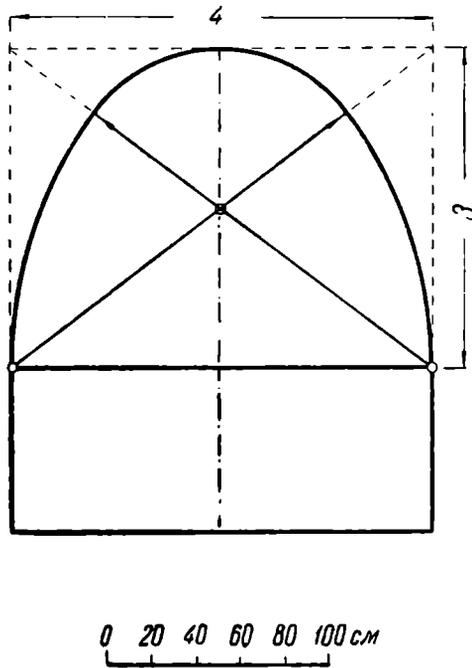

Рис. 29. Построение трехцентровой арки. Замок № 36 Беркуткалинского оазиса в Хорезме

б) пятицентровые; в) лучковые; г) треугольные; д) комбинированные.

Арки и своды первой категории в зависимости от характера кривой могут быть названы также эллиптическими. Пятицентровые арки отличаются характерной приплюснутостью верхней части. Лучковые арки среднеазиатской архаики отличаются тем, что представляют не часть круга, а параболу с широко расходящимися дугами. Треугольные арки — самый элементарный вид покрытия из двух составленных углом кирпичей. Под комбинированным подразумеваются такие, где кривые различного радиуса сопряжены не плавно, а под углом или сочетаются с отрезками прямой.

Каждая категория кривых образует в рамках общего правила ряд вариаций. Основными конструктивными формами для доарабского зодчества являются первые два вида.

Во многих случаях оказалось возможным произвести расшифровку метода построения кривой арок (категории 1, 2 и 5), причем раскрываются чрезвычайно интересные закономерности (рис. 29, 30).

При всем своем многообразии кривые арок и сводов характеризуются рядом общих свойств.

1. Заметно стремление вписывать кривую в прямоугольник так, что ее основание и вершина касательны сторонам прямоугольника. Для этой цели употреблялись прямоугольники $3:4$, $\sqrt{2}$, $2:3$, $1:2$, каждый из которых обладает известными геометрическими свойствами.

2. Для арки брали часто неполную кривую, причем нижние центры опускались ниже пят арки.

3. Нижние центры могут лежать на самой кривой (что чаще всего встречается), быть вынесены вовне (при этом кривая получает больший подъем) или перенесены внутрь кривой (кривая тогда имеет меньший подъем).

4. В арках и сводах различаются плечи и завершение, что четко отражается в построении кривой, которая меняет радиус. Плечи определяются зоной действия больших радиусов. Замечено при этом, что плечи или сектор действия большого радиуса определяются во всех случаях углом примерно одинаковым, равным приблизительно 36° , т. е. десятой долей окружности.

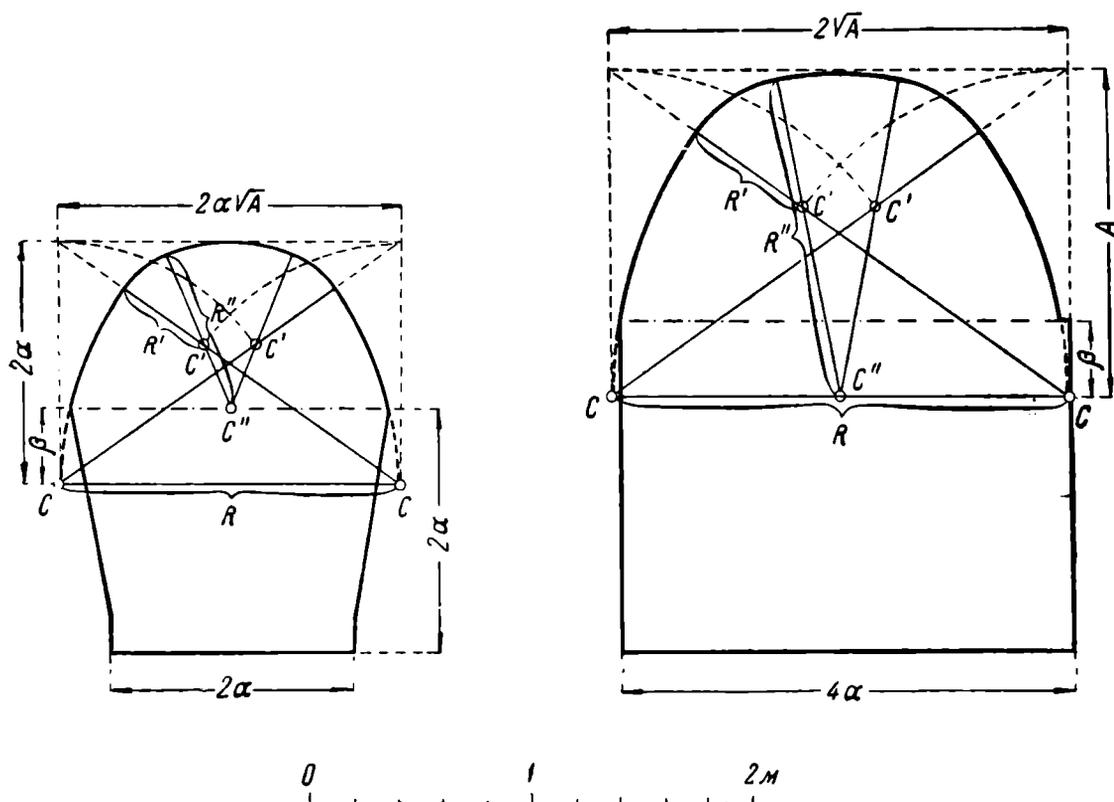

Рис. 30. Построение пятицентровых арок. Мунчак-Тепе и Ак-Тепе близ Ташкента

5. Нижняя часть проема не участвует в построении непосредственно, но нередко находится в определенных отношениях с размерностями построения.

Расшифровка кривых приводит к заключению, что строители в то время были уже довольно основательно знакомы с геометрией.

Построение арок при помощи прямоугольника применяется в Средней Азии по сей день.

Кладка арок велась, очевидно, в основном по кружалам. На выровненной площадке расчерчивался с помощью веревки контур арки и изготовлялись кружала. Таким образом, строителю приходилось иметь дело с многими центрами только при изготовлении кружал, но не в процессе кладки.

В технике употребительны следующие приемы кладки арок: а) клинчатая; б) поперечными отрезками; в) горизонтальными рядами с напуском (тип ложного свода); г) плашмя (кирпич облегает кривую арки не ребром, а постелью).

Весьма обычно комбинирование двух и более из названных методов, что, впрочем, встречается преимущественно в центральных областях Средней Азии.

Все названные типы арок иллюстрируются постройками Шаша и Осрушаны (Ак-Тепе близ Ташкента и Мунчак-Тепе) (рис. 31). Для арок Хорезма типичны главным образом кривые первой категории. При этом им свойственна техника клинчатой кладки, весьма употребительны и поперечные отрезки.

Для сводов применялась повсеместно известная уже в глубокой древности (Египет, Месопотамия) техника кладки поперечными отрезками, которая не требует кружал. Там, где употреблялся прямоугольный кирпич, он

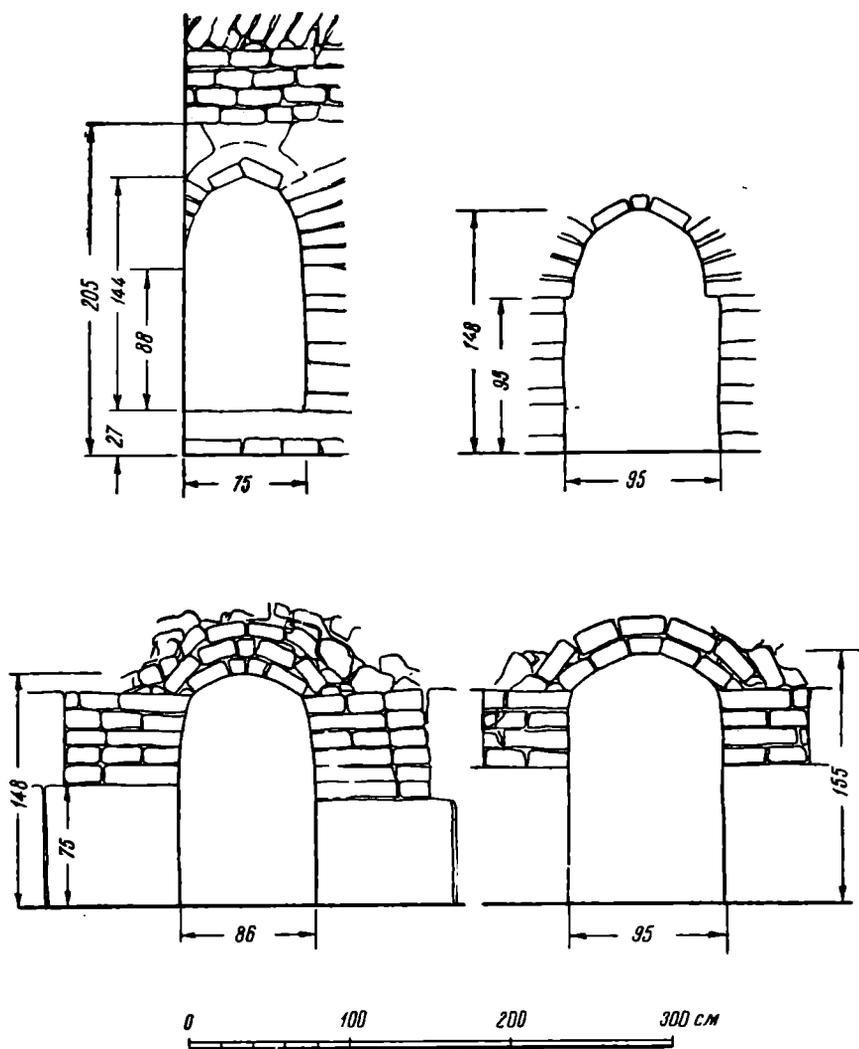

Рис. 31а. Арки Ак-Тепе

же часто шел в кладку сводов. В Хорезме формировался специальный клинчатый кирпич.

Угол отрезков с вертикалью колеблется, в общем, от 0 до 40°. В основании свода кладутся обычно один или несколько рядов кирпича плашмя с небольшим выносом, что несколько уменьшает пролет.

Интересны приемы кладки свода в галереях. Если галерея идет с уклоном (Ак-Тепе, Мунчак-Тепе и др.), отрезки получают наклон в сторону понижения пола. Таким путем облегчается работа конструкции, а также выполнение кладки свода.

В случае, когда галерея ограничивает внешнюю сторону здания, внутренняя пята свода лежит выше уровня внешней. Получающийся таким образом «ползучий свод» работает на принципах контрфорса, уравни-

вая распор внутренней массы сооружения и его сводов. Смыкание кладки свода на поворотах производилось различным способом. Любопытный прием введения тропов отмечен на Мунчак-Тепе.

Купола известны по преимуществу над крепостными башнями с круглым планом. Купол на квадратном основании в Средней Азии проходит в основном три фазы развития: 1) диаметр купола превышает поперечник

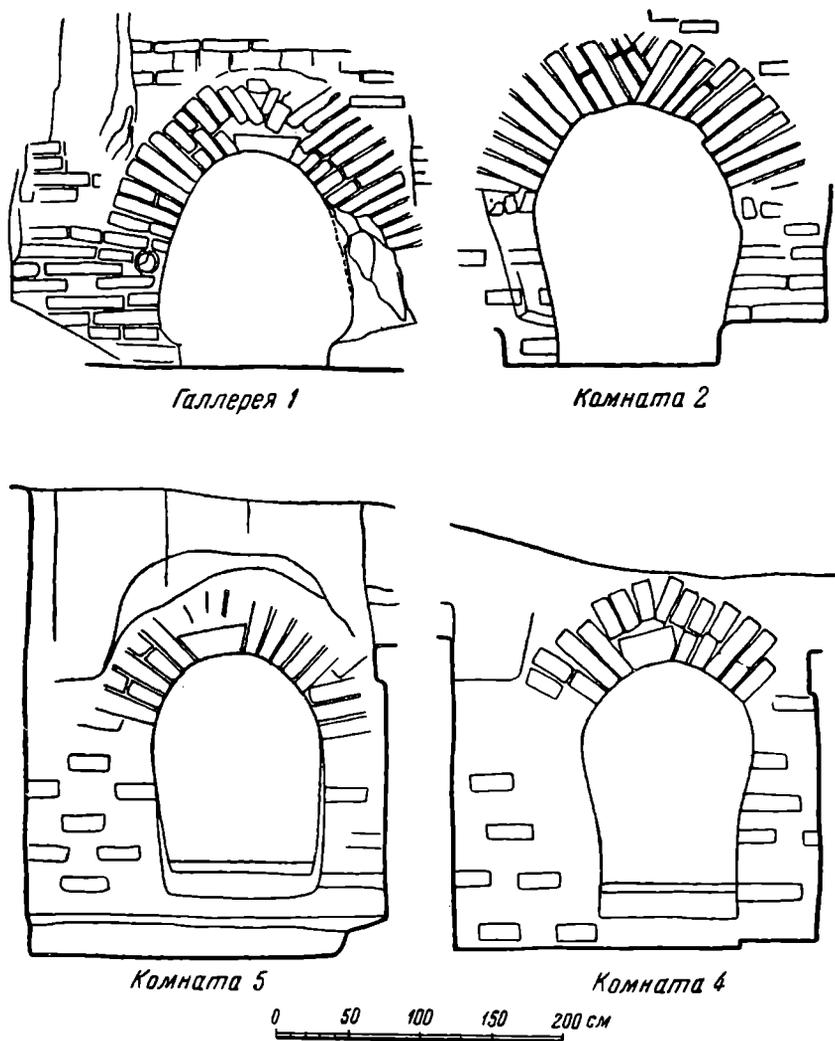

Рис. 316. Арки Мунчак-Тепе

основания; 2) диаметр равен стороне основания; 3) диаметр купола меньше поперечника основания (с введением в XV в. так называемых пересекающихся арок).

Примером довольно неумелой конструкции первого типа, где, однако, уже фигурирует пояс тропов, является купол верхней постройки кешка Ак-Тепе.

Б. В. ВЕЙМАРН

ИЗУЧЕНИЕ ОРНАМЕНТА ХИВЫ XIV—XIX вв.¹

Отдел Советского Востока Государственного музея восточных культур начал планомерное изучение орнамента Средней Азии еще в 1940 г. После Великой Отечественной войны работа возобновилась. В 1946 г. Музей совместно с Узбекистанским научно-исследовательским институтом искусствознания организовал экспедицию для изучения народного декоративного и прикладного искусства гор. Хивы. В 1947 г. экспедиция Музея с аналогичной целью работала в Самарканде, Бухаре и Коканде.

В Хиве экспедиция изучала орнамент на многочисленных архитектурных памятниках и на произведениях прикладного искусства. Экспедиция, помимо большого количества фотографий, привезла около 500 копий мотивов хивинского орнамента, снятых с узоров майоликовых архитектурных облицовок, резных деревянных дверей и колонн, росписей стен и потолков, металлической посуды, предметов бытовой керамики и др. Большинство копий сделано в натуральную величину, в красках, на кальке или бумаге; рельефные узоры на дереве и металле зафиксированы бумажными эстампажами (путем протирки графитом) с последующей прорисовкой деталей карандашом.

Изучением орнамента на месте и последующей научной обработкой собранных экспедицией материалов занимались: Б. В. Веймарн, ученый секретарь Музея Н. В. Черкасова и зав. отделом Советского Востока Г. Л. Чепелевецкая.

Хива особенно богата памятниками искусства XIX в. На всем протяжении прошлого столетия в Хиве преобладали орнаменты: геометрический — герих и растительный — ислими. Оба вида орнамента, как правило, образуют «открытые» композиции, т. е. могущие быть бесконечно продолженными во все стороны.

Хивинский герих состоит из вязи правильных многоугольников и звезд. Чаще всего основу узора составляют квадраты, шестиугольники, восьми- и десятилучевые звезды. Особый вид геометрического узора представляет «пармагерих» (название, сообщенное нам современными местными орнаменталистами), состоящий из пересечения волнообразно изгибающихся линий. Своеобразен герих из отрезков прямых и кривых линий, образующих пересекающиеся цепочки округлых и удлиненных фигур.

Среди растительных узоров особенно распространен орнамент из спиралевидно изгибающихся стеблей, которые образуют спирали в несколько витков. Кроме того, каждый стебель разветвляется, что дает начало новым спиральям. Поэтому построение узора имеет характер непрерывного плетения, которым сплошь заполняется любая, отведенная для данного орнамента

¹ По материалам экспедиций Гос. музея восточных культур.

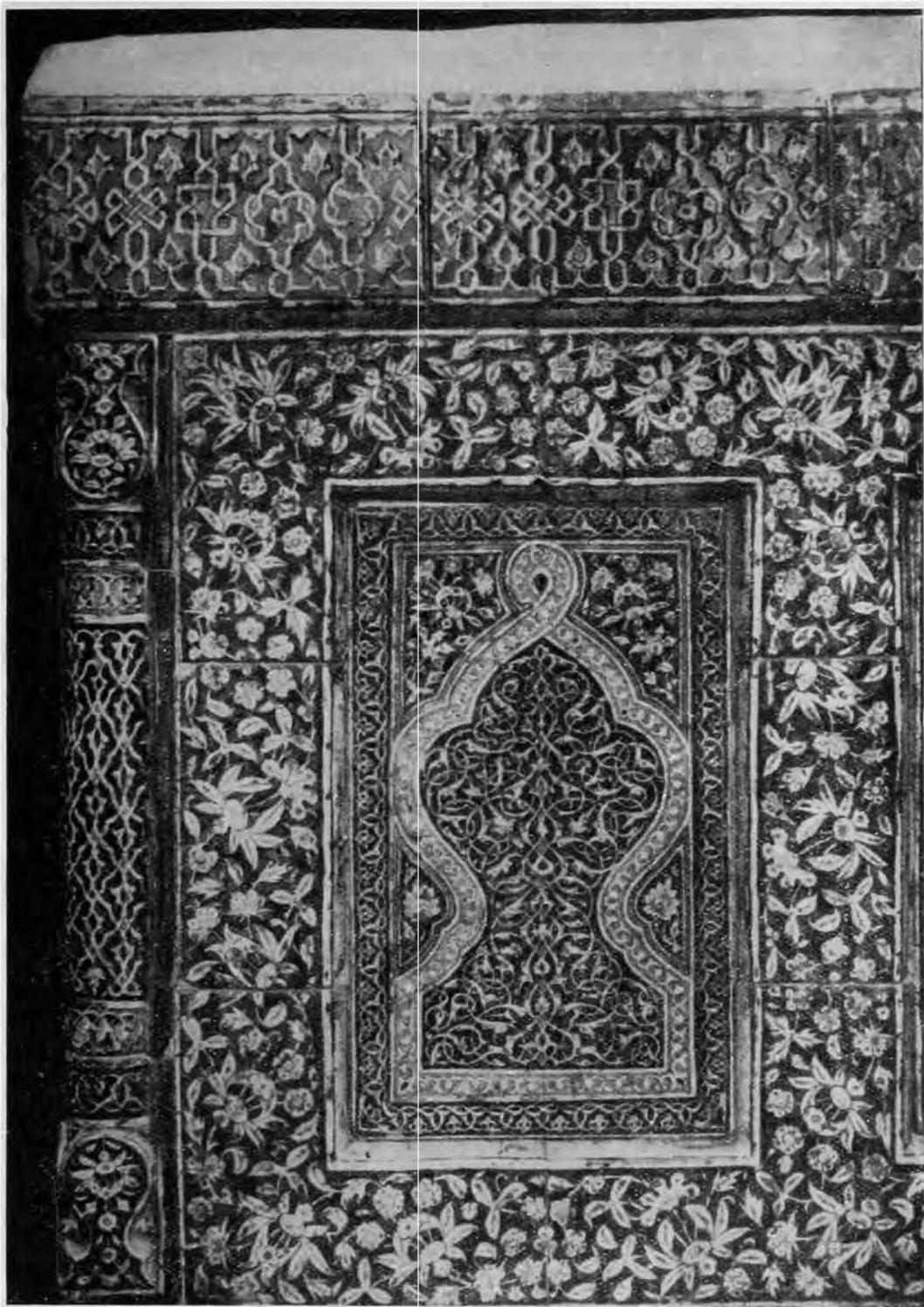

Рис. 32. Надгробие Саида Ала-аддина в Хиве. Майолика XIV в.

архитектурная плоскость или поверхность предмета. Спирали стеблей пересекают одна другую, что делает узор на первый взгляд очень сложным. От извивающихся стеблей отходят стилизованно изображенные цветы и листья, ритмично повторяющиеся в каждом раппорте узора.

Современные местные орнаменталисты только спиралевидный растительный узор называют «хивинским ислими» и прекрасно владеют приемами его построения.

В узоре архитектурных майоликовых панно, разных дверей, колонн, а также предметов прикладного искусства хивинский спиралевидный ислими часто сочетается с геометрическим узором — герихом. Иногда герих как бы наложен на ислими, и обе системы орнамента согласованы лишь общностью осей и центров раппорта. В других случаях растительный узор располагается в ячейках геометрического рисунка так, что в каждой ячейке гериха создается законченная композиция ислими.

Несмотря на преобладание и огромное разнообразие вариантов хивинского спиралевидного ислими и гериха, богатство хивинского орнамента XIX в. не ограничивается этими мотивами. Нередко встречается узор из волнообразно изгибающегося стебля с ритмично отходящими от него в обе стороны вертикалями с цветами и листьями, а также другие стилизованные растительные мотивы.

Большим своеобразием отличаются красочные узоры деревянных потолков и росписи стен, исполненные по штукатурке. На стенах в плоскостной, декоративной манере чаще всего изображены растительные мотивы: ветви с цветами или плодами, иногда деревья в цвету. Рисунки исполнены в свободной, иногда почти в беглой манере, широкими мазками кисти.

Обилие точно датированных памятников позволяет довольно детально наметить эволюцию хивинского орнамента в течение всего XIX в. и далее — вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, которая создала новые, невиданные еще в истории возможности развития и расцвета народного искусства, в том числе и орнамента.

Из древних памятников декоративного орнамента Хивы особенно интересна майолика, которой украшено надгробие Саида Ала-аддина, датированное началом XIV в. (рис. 32).

Узор, украшающий надгробие, в соответствии с архитектурным членением памятника расположен полосами и поясками, обрамляющими прямоугольные панно.

Слегка рельефный растительный узор надгробия представляет произведение искусства большого художественного достоинства, чему соответствует и высокое техническое качество исполнения майолик. Стилистически этот памятник близок известному надгробию Наджм-аддин-Кубра в Куня-Ургенче.

Почти все мотивы узоров памятника Ала-аддина можно встретить в орнаментах хивинских майолик XIX в., несмотря на разницу стиля и техники исполнения. Это убедительно свидетельствует о преемственной связи, существующей между хивинским орнаментом XIV и XIX вв.

Около известного здания Пахлаван-Махмуда на портале небольшого позднего мавзолея экспедиция обнаружила керамическую плиту с майоликовой росписью, по технике и стилю совершенно такую же, как прямоугольные панно на надгробии Ала-аддина (отличие лишь в размере и некоторых деталях узора). Нет сомнения, что обнаруженная плитка-панно является фрагментом какого-то не дошедшего до нас сооружения (возможно, надгробия) XIV в., после разрушения которого она была использована как строительный материал.

Среди изученных и зафиксированных экспедицией памятников резьбы по дереву, большинство которых в Хиве относится к XIX в., были также выявлены памятники, создание которых относится к более раннему време-

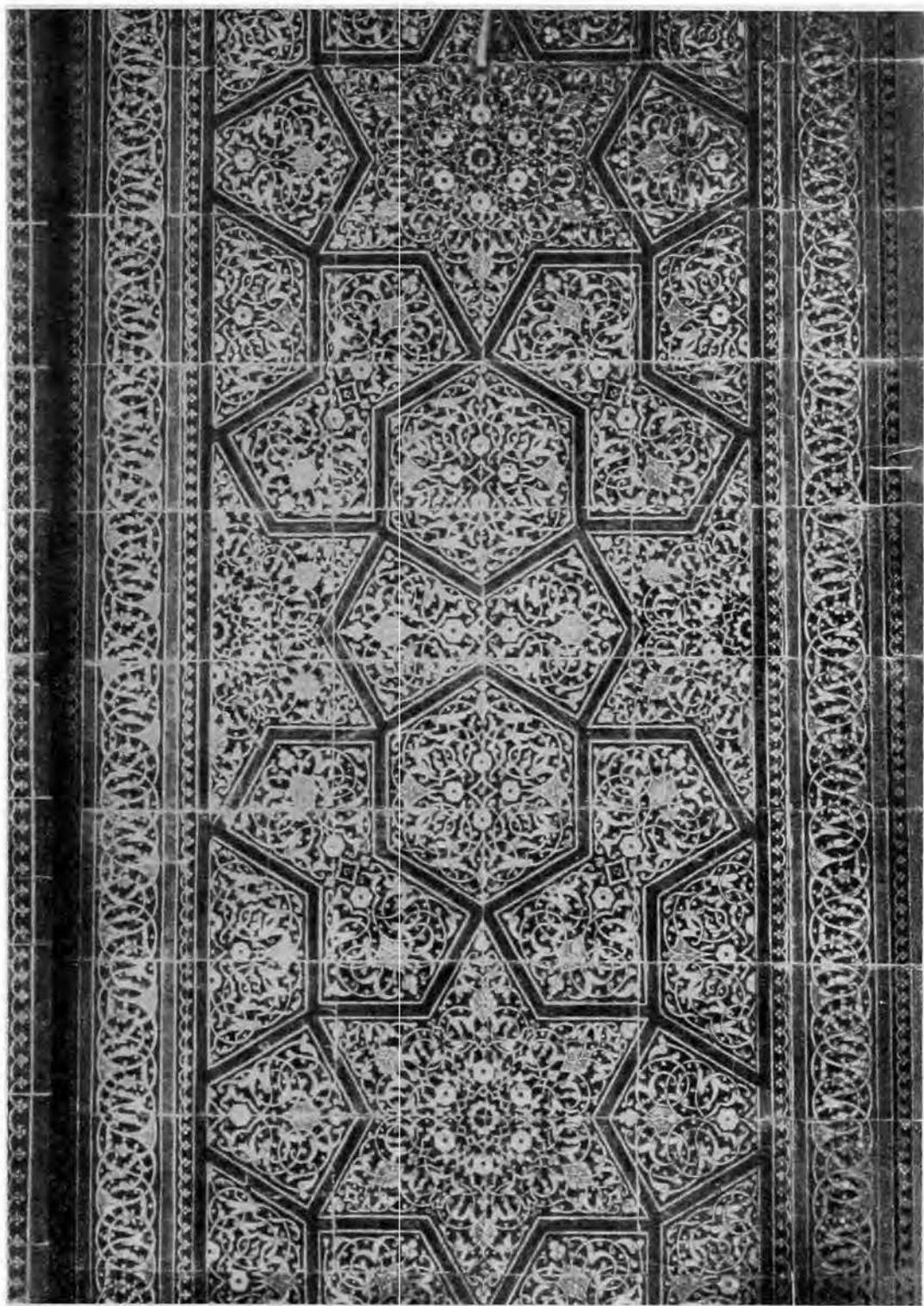

Рис. 33. Деталь архитектурного панно (майолика). Дворец Таш-Хаули в Хиве (1830—1832 гг.)

ми. Кроме известных древних колонн Джума-Мечети XI—XVI вв., к старинным памятникам резьбы по дереву принадлежат колонны айвана мечети Багбанлы (XIV—XV вв.?), колонны из мечети Араб-хана (XVII в.) и некоторые резные деревянные двери, точно датированные XVII и XVIII вв.

По традиции, созданной западноевропейским буржуазным искусствознанием, проникнутым великодержавно-колонизаторским отношением к культуре среднеазиатских народов, искусство Хивы считалось провинциальным, поздним и малоинтересным.

Сохранившиеся памятники XIV и последующих веков свидетельствуют о большой и древней традиции орнаментального искусства в Хиве. Внимательное изучение хивинского орнамента показывает, что он отличается большим своеобразием, позволяющим говорить об особой хивинской школе орнаментального искусства, занимающей вполне самостоятельное место в истории искусства Узбекистана.

Даже в XIX в., несмотря на тяжелые условия и культурный упадок в отсталых феодальных ханствах Средней Азии, народные мастера Хивы сохранили богатство и оригинальность орнаментального искусства (рис. 33).

Хивинский орнамент XIV—XIX вв., созданный руками народных мастеров, представляет большую историко-художественную ценность и должен быть подвергнут внимательному искусствоведческому исследованию.

Н. В. ЧЕРКАСОВА

ПАМЯТНИКИ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ В ХИВЕ¹

Хива очень богата памятниками искусства резьбы по дереву. Древнейшие из них — колонны бывшей мечети Джума.² По формам, технике резьбы и орнаменту колонны мечети Джума различны и разновременны. Наиболее древние из них могут быть датированы XI в.; на одной из колонн есть дата начала XVI в.³

Кроме резных колонн, в мечети Джума имеются древние деревянные двери и никем не упоминавшаяся доселе резная деревянная доска с арабской надписью, вставленная в штукатурку стены справа от михраба.

Не менее значительные памятники древней резьбы по дереву в Хиве представляют резные колонны и три резные доски в мечети Багбанлы.

Перекрытие айвана мечети Багбанлы покоится на двух резных деревянных колоннах с своеобразными резными подбалочными подушками и резными подбалками с волютами. У обеих колонн капители и верхние части стволов надставлены позднее. Колонны, несомненно, являются более древними, чем сам айван, имеющий дату, указывающую на постройку его в начале XIX в.

Есть все основания полагать, что подбалки над колоннами имели в прошлом крестовидную форму, а волюты их были обращены во все четыре стороны. Повидимому, они, так же как и колонны, являются частью какого-то более древнего здания с более сложной конструкцией перекрытия. Совершенно аналогичной по форме и характеру резьбы подбалочным подушкам мечети Багбанлы является часть древней резной подушки на одной из колонн мечети Джума.

Колонны мечети Багбанлы украшены великолепной резьбой, располагающейся на нижней части стволов в виде чередующихся широких и узких поясов. Резьбой покрыты также и шаровидные части колонн. На левой колонне широкий пояс орнамента заполнен крупными трехлопастными фигурами, образованными плетением широкой ленты — гериха, лежащей поверх растительного, связанного в единую композицию узора.

На обеих колоннах совершенно одинаковые пояса с надписями, исполненными почерком сулус на фоне растительного узора в виде причудливо изогнутых листьев и взаимно пересекающихся круговых линий — стеблей. Орнамент шаровидной части правой колонны очень близок узору внутри михрабообразной арочки на изразце, открытом экспедицией на одном из мавзолеев Пахлаван Махмуда, датированном ею XIV в. В отдельных эле-

¹ Материалы экспедиции 1946 г. Гос. музея восточных культур.

² Б. А. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, 1939; его же. О резных деревянных дверях в Средней Азии. ТСА РАНИОН, IV, 1929.

³ Е. Гулямов. Архитектурные памятники Хивы, 1941.

ментах узора, особенно правой колонны, несомненна связь с растительными орнаментальными мотивами лучших колонн мечети Джума.

Внутри купольного здания мечети Багбанлы есть три резные доски. На двух из них на фоне растительного орнамента имеются надписи коранического содержания почерком сулус, очень близкие надписям на колоннах этой мечети, а также на резной доске из мечети Джума. Колонны мечети Багбанлы мы датируем XIV в.

Кроме упомянутых древних памятников резьбы по дереву, в Хиве, в помещении дворца Таш-Хаули хранятся четыре резные колонны из ныне не существующей мечети XVII в. Араб-хана. Эти колонны очень декоративны, чему сопособствует большое количество орнаментальных резных поясов, сплошь покрывающих всю их поверхность, и техника резьбы с дополнительной обработкой деталей узора. Узор здесь теряет прежнюю архитектурность. В отдельных формах орнамента колонн видны очень высокие традиции, хотя они и имеют сильно измельченный и несколько изошренный характер.

К памятникам резьбы по дереву XVII в. относятся также двери в Гумбезе Пахлаван Махмуда и в медресе Ходжамбердыбая; датируются 1693 г.

XVIII, XIX и XX вв. дают большое количество произведений хивинской резьбы по дереву. Многие из них имеют даты и надписи с именами мастеров-резчиков. Многочисленность и разновременность памятников хивинской резьбы по дереву дают возможность проследить линию развития хивинского орнамента начиная с XI в. до современности.

На основе этих материалов устанавливаются этапы сложения столь своеобразного хивинского ислими, характерного для всех видов народного декоративного искусства гор. Хивы. В общей цепи развития хивинского орнамента в резьбе по дереву большое место занимают и колонны мечети Джума, в связи с чем нет причин считать правильным установившееся на основе народных преданий представление о них, как о привозных из древнего Кята, откуда и явилось их наименование «кятские». Непосредственная связь их с памятниками более позднего времени заставляет думать, что они являются произведениями рук местных хивинских художников и мастеров.

II. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. РАВДОНИКАС. ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА, Ч. II. ИЗД. ЛГУ, Л., 1947, стр. 392. Ц. 25 руб.

В 1939 г. вышла в свет I часть «Истории первобытного общества» В. И. Равдоникаса. Автор стремился дать в ней изложение марксистско-ленинского учения о первобытном обществе, критически оценить буржуазные, особенно новейшие «концепции» первобытности и, проанализировав археологический материал, изложить возможно более конкретно историю первых ступеней первобытно-общинного строя. Археологический материал был положен В. И. Равдоникасом в основу его изложения, а в ходе исследования привлекались данные этнографии, палеоантропологии, лингвистики и других дисциплин. Получилась работа по ранней истории первобытного общества, написанная на основании археологических источников, изученных, не замыкаясь только в археологии.

* * *

При составлении II части «Истории первобытного общества» В. И. Равдоникас отступил от этого построения.

Нельзя сказать, что в основу II части положен археологический материал, хотя он и занимает две трети изложения. Ниже мы увидим, что во многих случаях он дан лишь в справочном виде как перечисление фактов, слабо анализированных не только исторически, но и источниковедчески. Нельзя также сказать, что автор основой своих построений сделал этнографический материал — специальное обсуждение в Институте этнографии показало, что и в этом отношении он допустил ту же не критичность и антиисторизм.¹

Археологические факты также используются им главным образом для иллюстрации его теоретических построений, а не для того, чтобы показать развитие конкретных обществ в определенной исторической и естественной среде. Между тем именно

последнее нужно было дать в книге, озаглавленной «История первобытного общества», особенно в археологической ее части.

Вместо этого, мы видим набор разно-масштабных обрывков исторических процессов. Палеолит дан во всемирном масштабе, неолит ограничен Европой и Сев. Африкой, а эпоха бронзы иллюстрирована только примерами из Европейской части СССР.

Тщетно мы искали обоснования такого отбора фактов. Так и осталось непонятным, почему, например, несмотря на заявление автора о значении для древнейшей истории Вост. Европы осуществлявшихся через Кавказ связей с Передней Азией, о последней ничего не говорится, а подробно излагается неолит и энеолит Сев. Африки. Это тем более непонятно, что В. И. Равдоникас не связывает раннюю историю Сев. Африки с историей неолитической Зап. Европы. Очевидно, додинастический Египет взят просто как первый попавшийся пример, как иллюстрация, а не как строго продуманное звено в конкретной исторической цепи. Если автор думает, что от этого становится нагляднее его изложение общих закономерностей развития первобытного общества — он жестоко заблуждается. Его изложение отличается чеконкретным социологизированием.

Неисторичность изложения сделала возможным, что В. И. Равдоникас, на словах критикующий фашиствующих археологов Запада, на деле все внимание на Западе Европы, вослед своим зарубежным коллегам, уделяет северным культурам. Более того, увлекаясь вместе с ними севером, он всячески преувеличивает уровень культуры древних северных племен. Как и у Коссины и Шуххарда, Равдоникас оставляет на севере мегароны (со слабой, правда, оговоркой), в бронзовый век он переносит плуг и соху (без упоминания о веских данных считать их галльскими), он конструирует сложное неолитическое искусство и изощренное Леви-Брюллевское философическое мышление.

Если к этому прибавить «по традиции» (что и делает В. И. Равдоникас) мегаллические сооружения и свайные постройки,

¹ СЭ, 1948, № 4, стр. 192—196.

не оговаривая, что к неолиту относятся далеко не все из них (и прежде всего не Стоунхендж, изображенный на стр. 180), то получается, действительно, картина неопычного подъема северной культуры в эпоху неолита. Все это очень близко к взглядам буржуазных и фашистских «ученых» на север Европы, как на колыбель европейской цивилизации.

Предусмотрительный автор, В. И. Равдоникас, ни словом не обмолвился о других областях Зап. Европы. Нет во II части его книги Закарпатья и Подунавья, интереснейших памятников Балкан и материковой Греции, нет прошедшей сложный путь развития Южной и Северной Италии, нет, наконец, Эгейи; нет ни одного центра наиболее интенсивного развития неолитических племен в Европе. Читателю II тома не с чем даже сравнить искусственно созданную высоту северной культуры, разве только с додинастическим Египтом!

Я вовсе не предлагаю вводить в книги, подобные задуманной Равдоникасом, все известное по европейскому неолиту и бронзе. Однако советский читатель вправе требовать, чтобы история первобытного общества в Европе излагалась в истинном соответствии с важнейшими из происходящих там событий.

Подводя итоги этой части рецензии, нельзя не вспомнить замечательных слов В. И. Ленина относительно работы с фактами. «В области явлений общественных,— писал В. И. Ленин,— нет приема... более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или часто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже».²

Выше уже говорилось, что во втором томе В. И. Равдоникас избегает анализа археологических фактов. Это, к сожалению, одинаково относится и к историческому анализу, и к необходимому анализу источниковедческому. Некоторые примеры уже приводились (Северный мегарон, стр. 222; плуг и соха, стр. 302; мегалиты, стр. 176—182). Однако следует остановиться и еще на некоторых. Укрепление городищ является важнейшим достижением в строительстве поселений. Подобные поселения широко распространяются почти одновременно в виде городищ типа Шассей во Франции, Михельсберг в Прирейнской Германии и Уиндмил Хилл в Англии; отыскиваются им аналоги и на Пиренейском полуострове, в Италии и на Балканах. Однако в книге Равдоникаса этот важнейший вопрос никак не решается,

даже не подчеркивается его значение для изучения общественного строя (стр. 172—175).

Второе замечание касается изложения «мозаики культур» северного и средне-европейского неолита.

Автор почему-то изобразил эту «мозаику» в чисто эпическом тоне, не показав той острой борьбы против реакционной буржуазной археологии, которой требует буквально каждый раздел этой схемы. Так, упоминая о «культуре колоколовидных амфор», он правильно говорит о более раннем распространении колоколовидных сосудов на Пиренеях и о позднейшем проникновении их «до Англии, Чехословакии и Польши» (стр. 214). Однако едва ли полезно не сообщать советскому читателю, что этот вывод — результат большой борьбы, которую выдержало прогрессивное направление европейской археологии с фашиствующими миграционистами, видевшими в распространении колоколовидных сосудов доказательство еще одного похода «носителей северной цивилизации», будущих «индогерманцев», на запад из Германии за Пиренеи. Было бы вполне уместно вспомнить и весьма активный вклад в эту борьбу советских ученых и прежде всего безвременно погибшего коллегу В. И. Равдоникаса по Ленинградскому университету — Е. Ю. Кричевского. К сожалению, подобных упущений очень много в разделе описания «мозаики культур», и их не может восполнить короткий параграф 3 «Лженаучные теории». Здесь, на стр. 227—231 автор воюет с Коссиной, Шуххардтом и Тальгреном. Однако дискуссия ведется лишь по общим вопросам миграционизма и индогерманского расизма, а разбора конкретных археологических построений этих авторов нет и здесь. Выводы, разоблачающие названных ученых и их последователей, правильные, но они не касаются той фальсифицированной ими фактической основы, на которой базировали они свои «теории».

В этой связи нельзя не обратить внимания и еще на одну весьма существенную сторону. В. И. Равдоникас полностью принимает схему «культур» буржуазной археологии. Францию он описывает прямо по Дешелетту, в отношении Германии Коссина и Шуххардт, дополненные Г. Чайлдом, являются для него основными источниками. Здесь автор совершает ту же ошибку, которая характерна и для большинства западных археологов. Он подходит к сконструированным на западе культурам недифференцированно. Для него одинаковы «культура гrotов» и «культура колоколовидных амфор»; «сеноуазомарнская культура» и «культура ленточной керамики»; «фатьяновская культура» и «культура ямочно-гребенчатой керамики»; «вальтерниен-бургская культура» и «культура шнуровой керамики» (стр. 166—238 и 326—527). Между тем ясно, что, с одной стороны, мы имеем строго локальные комплексы, отражающие в фактах мате-

² Ленинский сборник, XXX, стр. 303.

риальной культуры, очевидно, реально существовавшие этнические, племенные группы; с другой стороны, перед нами объединения, сконструированные по одному только признаку — например, по форме или орнаментике посуды. За такими признаками, конечно, тоже кроется какая-то историческая реальность, но совершенно иная, чем реальность локальных культур. В одних случаях это может быть результат оживившихся сношений между племенами, перешедшими к кочевому скотоводству; в других — это результат одинаково мощных сторонних влияний; наконец, в третьих — это может быть результат длительного соседства изолированного природной средой и природной же средой обусловленного сходства условий существования, хозяйства и быта. К сожалению, В. И. Равдоникас, как и его западные информаторы, не считал нужным не только объяснить такое различие, но даже его отметить.

* * *

Перейду к археологическим материалам по СССР из II части «Истории первобытного общества». Им отведены сорок страниц, посвященных неолиту СССР, и шестьдесят страниц, на которых описывается «Эпоха меди и бронзы на территории СССР».

Последний раздел можно считать наиболее удавшимся автору: приведены необходимые описания археологических памятников по областям, показано направление развития культуры, даны выведенные аналитическим путем объяснения своеобразия, характера и темпов этого развития в зависимости от особенностей хозяйственной, социальной и политической обстановки.

Однако и здесь «экспозиционный» прием ограничения археологического материала пассивной ролью примера бросается в глаза. Только этим можно объяснить отсутствие анализа даже таких памятников, которые особенно много могут дать для исторических построений. Только таким сужением роли археологического источника объяснимо, например, умолчание о результатах замечательного историко-археологического анализа циклопических укреплений Закавказья, выполненного в специальной монографии Героем Социалистического Труда академиком И. И. Мещаниновым.

Ценнейшие памятники глубоких социальных сдвигов в первобытно-общинном строе — циклопические крепости — преподносятся В. И. Равдоникасом читателю только как занятная особенность культуры Закавказья. Читатель запомнит, что «циклопические крепости существовали в Закавказье в течение эпохи бронзы и даже в урартское время»; он узнает, что их возникновение «в их наиболее древних формах относится еще к самому началу эпохи меди и бронзы» (стр. 333), но для

него останется тайной, чем же обусловлено и в чем заключалось изменение «наиболее древних форм» циклопических крепостей в позднейшие — вся та стройная историческая картина, которую с такой убедительностью нарисовал академик И. И. Мещанинов.

Злополучной иллюстративностью в значительной мере страдает и раздел «Неолит и энеолит степной полосы». Нельзя не остановиться и на одном упущении. Открывается рассматриваемый раздел «вполне неолитическим памятником» — Мариупольским могильником. Описание его сделано весьма обстоятельно и специально подчеркнуто, «что признаки металла отсутствовали вовсе» (стр. 252). Для всякого, кто знает Мариупольский могильник, это означает, что автор исключает из его комплекса позднейшие погребения с медными височными кольцами и керамикой, что вполне допустимо. Однако остается совершенно непонятным, почему на помещенной тут же таблице «предметов из Мариупольского могильника» (рис. 80) особо тщательно вырисованы как раз оба вида медных колец. Нет в изложении Равдоникаса и анализа Мариупольского могильника в целом, а также и отдельных важнейших его элементов. Поэтому ничем не обоснованным остается и правильное само по себе, но чересчур обобщенное заключение, что «Мариупольский могильник является памятником еще матриархально-родовой группы одного из неолитических племен» (стр. 252).

* * *

В главе о неолите СССР еще более отрывочны и схематичны рисуемые автором картины.

Показываемое в начале Триполье дано в полном отрыве от окружающего. Поэтому совершенно не воспринимаются указания автора на какое-то «несомненное влияние Восточного Средиземноморья» и на «восприятие некоторых элементов средиземноморской культуры» (стр. 249). Очевидно, читатель приглашается самостоятельно проработать отсутствующий в книге один из сложнейших разделов древней истории Европы, что весьма затруднительно, хотя бы уже из-за малой доступности пособий по этой проблеме.

Вызывает возражение и безоговорочное отнесение Триполья к низшей ступени варварства на основании его неолитичности и отсутствия в нем металла. Однако нигде у Энгельса ступени варварства не выделяются по этому признаку. Напомним общеизвестные слова Ф. Энгельса о варварстве: «1. *Низшая ступень*. Начинается с введения гончарного искусства». ³ «2. *Средняя ступень*. На востоке начинается с приручения домашних животных, на

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 30.

западе — с возделывания съедобных растений при помощи орошения». ⁴ Из этого явствует, что трипольские племена, знавшие и скотоводство и земледелие, никак не могут относиться к низшей ступени варварства. Они достигли средней ступени и развивались именно в ее пределах. Между тем Равдоникас, вообще весьма туманно упоминая о средней ступени варварства, явно заменяет первоначально принятую им периодизацию «предисторических ступеней культуры» Энгельса другой — делением на матриархат и патриархат (в его книге нет даже раздела, где бы он рассмотрел среднюю ступень варварства).

Здесь мы касаемся едва ли не самого крупного из недостатков книги В. И. Равдоникаса — непоследовательности его классификации. Сначала характеристика той или иной ступени общественного развития, как и у Энгельса, дается в соответствии с тем или иным состоянием производительных сил, затем, начиная со средней ступени варварства, она опирается уже на формы общественного строя (патриархат) возникшие в результате предшествовавших им изменений в системе производства, но каких — на это автор ответа не дает. Вернее, он дает ответ, но неверный — он объявляет важнейшим переломом изобретение медного и бронзового литья. Спора нет, это явление крупнейшего значения, но кому, как не археологу, знать и его относительность, выразившуюся хотя бы уже в том, что оно не уничтожило и даже не ограничило старой кремневой индустрии (что учитывал и Ф. Энгельс).

Такая непоследовательность в применении энгельсовской классификации и привела Равдоникаса к тому, что Триполье, являющееся как раз прекраснейшим примером общества, стоявшего на средней ступени варварства, он разорвал надвое и одну половину отнес по изобретенному им признаку «неолитичности» к нижней ступени варварства, а другую, так называемое позднее Триполье, — к изобретенной им стадии, которую характеризует: «Возникновение металлургии меди и бронзы. Развитие земледелия и скотоводства. Патриархально-родовой строй» (стр. 288).

Это привело к статическому изображению трипольских племен, тогда как с каждым годом все в большей степени открывается перед нами процесс их развития.

Небрежное отношение к «Происхождению семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, к книге, в которой, по выражению В. И. Ленина, «можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не набум, а написана на основании громадного исторического и политического материала», ⁵ — привело Равдоникаса к ряду не-

верных заключений. Часть из них мы уже рассмотрели в археологической и этнографической части (именно подменой средней ступени варварства патриархатом объясняется и отсутствие у Равдоникаса прямых этнографических примеров для этой эпохи).

Все же необходимо остановиться еще на двух положениях автора.

* * *

Прежде всего на вопросе о скотоводстве. Рисуя его происхождение, В. И. Равдоникас всячески стремится убедить читателя в его исключительной древности. Оленеводство, вслед за Менгином и Сосновским, он склонен отнести к палеолиту, а в неолите видит доказательство использования оленей для запряжки в сани. Шаткость палеолитического оленеводства автор видит и сам. Что же касается его утверждений о скотоводстве в неолите, то пример Шигирского и Горбуновского местонахождений второй половины II тысячелетия до н. э. относится к эпохе бронзы и развитого скотоводства на юге и в ряде лесных областей. Впрочем, древность оленеводства нужна Равдоникасу только как подготовка читателя к утверждению автором глубокой древности «одомашнения таких животных, как бык (корова), овца, свинья, коза, которое относится к нижней ступени варварства» (стр. 10. Разрядка моя.— С. К.). Прежде всего отмечу, что Энгельс ни в начале своей книги, в разделе «Предисторические ступени культуры», ни в заключительной части «Варварство и цивилизация», где он специально останавливается на скотоводстве, не относит его к нижней ступени варварства, наоборот, он всячески подчеркивает, что скотоводство знаменует собой переход к следующей, средней ступени варварства, которой почему-то так не повезло в книге В. И. Равдоникаса. ⁶ Между тем именно к этой ступени относятся крупнейшие социальные изменения и прежде всего «первое крупное общественное разделение труда», а также ряд технических нововведений и в их числе «плавка металлических руд и обработка металлов. Медь и олово и выплавляемая из них бронза были важнейшими металлами». ⁷

⁶ Прямое указание Ф. Энгельса из раздела «Предисторические ступени культуры» приведено выше. Что же касается «Варварства и цивилизации», то там после описания состояния племен на низшей ступени варварства прямо говорится: «Но люди не везде остановились на этой ступени. В Азии они нашли животных, которых можно было приручать и в дальнейшем разводить в прирученном состоянии» [Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства», Госполитиздат, 1948, стр. 180 (Разрядка моя.— С. К.)].

⁷ Там же, стр. 181.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ В. И. Ленин. О государстве. Соч., изд. 3, т. XXIV, стр. 364.

Посмотрим теперь, насколько древнее в действительности скотоводство. Я не буду касаться ссылок Равдоникаса на неолитическое местонахождение Сев. Африки V—IV тысячелетий до н. э. Взятые они из сочинений авторов, стремящихся всячески преувеличить древность открытых ими памятников. Научной переоценки их датировок, подобной произведенной за последнее время в Передней Азии Олбрайтом и В. В. Струве, нет. Если же обратиться к переднеазиатским памятникам, то они все относятся ко времени, переходному от неолита к энеолиту и к этому последнему. Таковы Анау, Сузы, Персеполь, Телль эль Убейд и многие другие.

Таково и наше Триполье и сходные с ним памятники Эгейи, материковой Греции, Балкан и Подунавья. В абсолютных датах эти памятники определяются в пределах конца IV и III тысячелетий до н. э. Что касается неолитических памятников более северной части Европы, то и там существование домашних животных, повидимому, не выходит за пределы III тысячелетия до н. э. (бык из Кампани еще нуждается в проверке со всем комплексом находок, а не других неолитических и даже мезолитических примерах не настаивает и сам Равдоникас; см. стр. 11).

Упомянутые же В. И. Равдоникасом находки костей домашних животных в степной полосе СССР и из Фатьяновских могильников все относятся ко II тысячелетию до н. э. и встречены вместе с медью и бронзой. Из всего этого можно сделать лишь один вывод, что в большинстве случаев древнейшее скотоводство широко распространилось одновременно или почти одновременно с началом обработки меди. И лишь там, где медно-бронзовая индустрия возникла позднее, разведение домашних животных началось еще в чисто неолитической обстановке. Но это только подтверждает мнение Ф. Энгельса и целиком опровергает слова Равдоникаса о наличии скотоводства на низшей ступени варварства. Равдоникас не хочет признать, что введение скотоводства является радикальным переустройством системы производительных сил. Между тем именно поэтому оно поставлено Ф. Энгельсом в основу перехода к новой, средней ступени варварства. Если, как утверждает Равдоникас, население свайных построек, находясь еще на уровне неолитической культуры, все же стало заниматься скотоводством, оно тем самым перестроило свое производство и перешло на новую, среднюю ступень варварства, а вовсе не обогатило новым видом производства низшую ступень варварства, которая, по мнению автора, обязательно соответствует неолиту. Это показывает, что периодизация Ф. Энгельса позволяет разобраться во всевозможных вариантах живой действительности, а ее толкование Равдоникасом скрывает и периодизацию и действительность.

Перейду ко второму вопросу, также свя-

занному с необоснованным отходом Равдоникаса от взглядов Ф. Энгельса.

В. И. Равдоникас, отнеся скотоводство к низшей ступени варварства, естественно, на следующей стадии должен был увидеть и конечный результат этого — вполне сформировавшийся «патриархально-родовой строй». Мы уже знаем, что так оно и получилось (гл. XX). Однако наш автор счел необходимым представить этому доказательство в виде, как он выразился, «парных разнополюх захоронений», т. е. одновременных погребений мужчины и женщины. По его мнению, «они с наглядностью показывают нам, что женщина теперь действительно впала в глубокую зависимость от мужчины и превратилась в его собственность настолько, что должна была следовать за ним в могилу» (стр. 327).

В археологической литературе уже неоднократно поднимался вопрос о парных погребениях.⁸ Писал по этому поводу и В. И. Равдоникас.⁹ В результате длительного обсуждения стало очевидным, что парные погребения эпохи бронзы говорят о борьбе новых отношений со старыми матриархальными и, следовательно, свидетельствуют о начальной стадии патриархата. Именно к этой точке зрения примыкал в свое время и В. И. Равдоникас. За последние годы такое решение вопроса о парных погребениях было поддержано и этнографами, особенно С. П. Толстовым, категорически возразившим против высказанного некоторыми археологами мнения, что в парных погребениях нужно видеть факты насильственного захоронения с мужем его жены. С. П. Толстов вполне обоснованно заметил, что при сохранении основы родового строя — экзогамии — насилие над женой просто невозможно, так как она находилась под защитой своих сородичей.

В настоящее время мне пришлось пересмотреть этот вопрос на материале южносибирской бронзы, и я также пришел к выводу о начальной ступени развития патриархальности, выраженной в погребениях эпохи энеолита и бронзы. В них еще чрезвычайно много пережитков матриархата, женщина занимает в обряде весьма почетное место, особенно женщинамать. Лишь к концу бронзового века в Южной Сибири окончательно упрочивается положение мужчины, и его борьбу

⁸ М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 108—125; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы, 1934, стр. 144—145; А. П. Окладников. ВДИ, 1938, № 1, стр. 250—251.

⁹ В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Сев. Причерноморья. Готский сборник, Л., 1932, стр. 51, 59—60.

с матриархальными традициями можно считать законченной. Однако это совершилось в результате периода борьбы, отмеченной парными погребениями мужчин и наложниц — символов желаемого подневольного положения жен.

Я думаю, что было бы совершенно необходимо в «Истории первобытного общества» не ограничиваться одним абзацем по этому важнейшему вопросу, но осветить его со всех точек зрения, имеющихся в советской литературе. Автор этого не сделал, потому что все его ошибочное построение вынуждало его только к одному выводу — к утверждению прочности патриархальных отношений с самого начала эпохи неолита и бронзы.

Но возвратимся к рассмотрению главы «Неолит территории СССР». Ее третий раздел посвящен неолиту лесной полосы и имеет подзаголовок «Культура ямочно-гребенчатой керамики». Уже такое определение вызывает возражение. В 1947 г. советскому археологу нельзя было писать о памятниках древних племен лесной полосы Вост. Европы, так как об этом писал реакционер финн Айлио, который более 30 лет назад, выхватив один признак, сконструировал «культуру ямочно-гребенчатой керамики» по образу и подобию всех других «культур» буржуазных западноевропейских археологов («культура ленточной керамики», «культура шнуровой керамики», «культура колоколовидных сосудов» и пр.), столь часто упоминаемых в книге В. И. Равдоникаса.

Исследования советских археологов показали, что под этой вывеской скрываются глубоко своеобразные локальные комплексы, позволяющие выделить, повидимому, племенные территории на Оке, Верхней Волге, в Приладжье, в Карелии, на Беломорье, Кольском полуострове, в Приуралье и других местах нашей лесной зоны. Явилась возможность проследить историю этих местных культур, время и направление заселения Севера, местные хозяйственные и культурные особенности населения, оставившего эти памятники. К сожалению, об этом ни слова не сказано в книге В. И. Равдоникаса. Вместо этого нарисована обобщенная картина неолита, которого реально, в том виде, как он представлен автором, не существовало.

Дело ведь не только в том, что этот лесной неолит, просуществовавший с 3000 до 700 года до н. э., продолжал сохраняться в то время, когда на юге появился металл, а в том, что население, оставившее нам этот «неолит», само переживало такие изменения, которые заставляют сомневаться в самой возможности считать условия его жизни с того или иного времени «неолитическими». Все более и более частыми становятся находки даже на далеком севере металлических изделий и даже литейных мастерских, иногда почтенной древности II тысячелетия. Обнаруживаются кости домашних животных, что свиде-

тельствует о разложении древней системы «неолитического» хозяйства.

Наконец, выделение пастушеских племен в лесной зоне не позволяет сохранять старую чересчур обобщенную неисторическую схему. Историческая реальность требует от нас не обобщенной схемы, иллюстрированной монотонным перечислением отрывочных данных об отдельных стоянках неопытной территории всей северной половины Вост. Европы, а изображения происходивших там конкретных процессов. Тогда и общие черты выступят четче, приобретут конкретность и большую убедительность.

* * *

На этом я мог бы закончить свой затянувшийся обзор. Однако я не могу не отметить одной совершенно недопустимой особенностью II части «Истории первобытного общества» В. И. Равдоникаса.

Когда автор использует иностранные археологические материалы, он со скрупулезной тщательностью отмечает даже третьестепенных исследователей — французов, целую армию немцев, англичан, скандинавов и финнов. Попытка подсчитать всех этих деятелей буржуазной археологии увела бы нас за сотню. Но тщетно искали мы широко известные всем имена советских исследователей. Только три имени, очевидно, случайно оказались в рецензируемой части: В. И. Громов, И. В. Станицын и Г. П. Сосновский. Я не боюсь ни обидеть В. И. Громова и И. В. Станицына, ни омрачить память безвременно ушедшего Г. П. Сосновского, если скажу, что при всей полезнейшей деятельности их в археологии, все же нельзя видеть только в них ведущие силы советской археологической науки. Равдоникас почему-то затрудняется назвать даже своих основных информаторов: по Кавказу — выдающихся советских ученых Героя Социалистического Труда академика И. И. Мещанинова и лауреатов Сталинской премии профессоров Б. А. Куфтина и Б. Б. Пиотровского; по Сев. Кавказу и по степям Юга СССР — погибших во время Великой Отечественной войны А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкого и Б. Е. Деген-Ковалевского; по Триполью и марксистскому рассмотрению западных материалов — погибшего в Ленинграде Е. Ю. Кричевского и многих других.

Вследствие такого замалчивания советская археологическая наука, в противоположность западной, предстает перед читателем в книге В. И. Равдоникаса анонимной, значительно обедненной. Со стороны Запада — сонм «корифеев», пусть и уездного масштаба, а с нашей стороны — только безымянный «советский археолог».

Ничто не мешало Равдоникасу противопоставить «знатным иностранцам» действительно знатные имена советских людей. Однако он этого не сделал, забыв прозорливые слова И. В. Сталина: «Могут сказать, что замалчивание не есть критика.

Но это неверно. Метод замалчивания, как особый способ игнорирования, является тоже формой критики, правда, глупой и смешной, но все же формой критики».¹⁰

К сожалению, Равдоникас счел возможным замолчать не только имена советских археологов, своими исследованиями создавших прогрессивную марксистскую археологическую науку. Автор скромно умолчал и о наличии в советской археологии с самого ее рождения замечательной комплексности новых исследований. Зато с какой обстоятельностью поведal он читателю о раскопках стоянки Альвастры в Швеции. Мы узнаем и детали раскопок, производившихся таким-то, и «тщательное геологическое изучение слоев» таким-то, и «определение найденных здесь костных остатков» таким-то, и даже вздорную гипотезу о принадлежности Альвастры начала неолитическому пролетариату, а затем высшему классу, высказанную таким-то (стр. 222).

Нам остается только спросить, почему не нашлось у В. И. Равдоникаса слов для подробного сообщения о разносторонних и действительно научных исследованиях Ладожских стоянок, организованных проф. А. А. Инностранцевым еще в 1870 г.? Но тут мы можем хоть удовольствоваться брошенным вскользь определением: «образцово изученное» (стр. 265). А вот организованное проф. Б. А. Куфтиным еще в самом начале развития советской науки действительно всестороннее исследование Льяловской стоянки под Москвой не удостоилось и этой квалификации, скромно заняв свое место в скучном перечне неолитических стоянок Вост. Европы (стр. 261).

Тщетно мы будем искать упоминаний о находках в СССР остатков свайных построек, хотя бы в примечании к двадцати-страничному детальному описанию свайных поселений Швейцарии и Южной Германии (стр. 184—203). Наконец, почему В. И. Равдоникасу, возглавлявшему ЛОИИМК, где в богатейшем архиве собраны десятки образцовых отчетов и чертежей раскопок неолитических стоянок советскими учеными, понадобилось иллюстрировать методику фиксации и реконструкции неолитических поселений Вост. Европы работами финских археологов на стоянках Лавамяки и Питкяярви (стр. 267—269)?

К сожалению, можно было бы и продолжить перечень ошибок В. И. Равдоникаса в этом направлении. Следовало бы, например, отметить совершенно неправильное умолчание о выдающихся открытиях советских археологов в области неолита и энеолита Средней Азии и Сибири, но и сказанного достаточно. Совершенно очевидно, что автор во II части «Истории первобытного общества» своим умалчанием о советских ученых и их работах в ряде случаев уступил место буржуазной

археологии, ослабил значение советских исследователей, вместо того чтобы всячески пропагандировать достижения нашей марксистско-ленинской науки.

Мы всегда должны помнить слова товарища В. М. Молотова, обращенные к нам, деятелям советской культуры, в его докладе о тридцатилетии Великой Октябрьской социалистической революции: «У нас еще не все освободилось от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой... Не освободившись от этих позорных пережитков, нельзя быть настоящим советским гражданином. Вот почему советские люди проникнуты таким решительным стремлением скорее покончить с этими пережитками прошлого, развернуть беспощадную критику всех и всяких проявлений низкопоклонства и раболепия перед Западом и его капиталистической культурой».¹¹

Археологи СССР должны потребовать от В. И. Равдоникаса полного разоблачения его космополитических взглядов, которые, как известно, широко распространены и в ряде других его сочинений и в виде огульного охаивания русской и советской археологической науки, то в виде протаскивания давно оставленных советскими историками взглядов, например, в духе норманистской теории. Только последовательная самокритика может помочь ему преодолеть свои ошибки, столь ярко отразившиеся в рассмотренной его книге.

С. В. Киселев

А. В. АРЦИХОВСКИЙ. ВВЕДЕНИЕ В АРХЕОЛОГИЮ. ИЗД. 3-е МГУ, М., 1947, стр. 218. Ц. 10 руб.

В 1938 г. вышло в свет стеклографированное издание курса лекций проф. А. В. Арциховского по археологии, читанного им на историческом факультете Московского гос. университета. Значение этого труда заключалось в том, что в нем впервые в мировой науке советским ученым был составлен свод по древностям первобытным, античным и средневековым, причем преобладающее место было отведено древностям, находящимся на территории Советского Союза. Курс лекций рассматривал орудия труда, жилища, массовую керамику и другие предметы, определяющие материальные условия жизни общества, чем принципиально отличался от буржуазных курсов по археологии, посвященных в основном только описанию произведений искусства, предметов роскоши, оружия и различных раритетов и уникалов.

В противоположность буржуазной археологии, совершенно оторванной от других исторических дисциплин, в курсе лекций А. В. Арциховского археология была представлена как составная часть исторической науки, изучающая прошлое чело-

¹⁰ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 518.

¹¹ В. М. Молотов. Вопросы внешней политики. Госполитиздат, 1948, стр. 505.

вещества по вещественным историческим источникам. Совершенно правомерным является включение в курс археологии средневековых памятников материальной культуры, которые выпадали из поля зрения большинства буржуазных археологов.

Таким образом, составленный в курсе лекций свод и систематизация материала были первым и необходимым этапом для создания марксистско-ленинского учебника археологии. Поэтому появившееся в 1940 г. типографское издание курса лекций А. В. Арциховского было одобрительно встречено критикой и широкими кругами научной общественности. Однако и вышедшее в 1941 г. второе издание курса лекций, и вышедшее в 1947 г. третье издание содержали лишь отдельные поправки и дополнения к первоначально составленному курсу, который оставался только введением в археологию, т. е. первым этапом на пути к созданию учебника по археологии. За этот период археологическая наука в СССР бурно развивалась как в области полевых археологических исследований, так и в постановке, и в разрешении крупных теоретических проблем. Поэтому совершенно необходимо в настоящий момент поставить вопрос о создании полноценного марксистско-ленинского учебника по археологии для высших учебных заведений. Трижды переизданный курс лекций А. В. Арциховского не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к такому учебнику.

Настоящая рецензия ставит своей задачей указать основные недостатки «Введения в археологию» Арциховского, в связи с назревшей проблемой создания учебника по археологии. Прежде всего курс лекций А. В. Арциховского, используемый в настоящее время для преподавания в вузах, отличается безидейностью. Несмотря на включение в курс отдельных фактов из социально-экономической истории общества, во многих главах социально-экономические характеристики разбираемых обществ отсутствуют совсем.

Археологический материал излагается в отрыве и вне всякой связи с фактами гражданской истории, материальное производство освещается только с технологической стороны, а не с общественно-политической. В курсе дан набор фактов, а не анализ их с принципиальных позиций марксистского понимания памятников материальной культуры как компонентов общего процесса исторического развития с его закономерностями. В курсе нет указаний на то, в чем заключаются новые качества советской археологии по сравнению с археологией буржуазной.

В отличие от буржуазной археологии, советская археология построена на базе самого передового в мире марксистско-ленинского учения об обществе и закономерностях его развития, а потому анализ археологических фактов коренным образом отличается от абстрактного буржуазного социологизма или гоголого вещеведения.

Советская археология анализирует археологические факты с целью воссоздания материальных условий жизни общества, общей картины исторического процесса и его закономерностей.

Этим принципам исследования соответствует и новая методика, которую выработали советские археологи. Эти методы также не показаны в курсе, в то время как учебник должен прежде всего помочь студентам овладеть самой передовой в мире советской археологической методикой и научить их критическому отношению к методам буржуазной археологии.

С этой точки зрения большим недостатком курса является отсутствие даже самого краткого историографического обзора. Такой обзор, в котором были бы показаны различные направления в археологии, идейная борьба сторонников марксистско-ленинского учения с идеалистическими буржуазными школами, является необходимой теоретической частью советского учебника по археологии.

Передовые идеи академика Н. Я. Марра, развитые его последователями — советскими археологами, принципиальная борьба советских археологов, в том числе и самого автора курса, против реакционных теорий — теории миграции, индо-европейской теории, норманистской теории и т. п. — были этапами становления советской археологической науки, имеющими всемирное значение. Они должны быть со всей полнотой и яркостью отражены на страницах учебника.

Очень мало сказано о взглядах классиков марксизма-ленинизма на археологическую науку и ее отдельные проблемы.

Неправильный принцип построения курса сказывается, в частности, в том, что, перечислив все крупнейшие открытия отдельных археологических памятников, сделанные советскими археологами, автор курса ни слова не говорит об их теоретических трудах в области археологии, в то время как передовые даже зарубежные ученые (например, Чайльд) признают, что они должны учиться у советских археологов правильной и единственно научной методике и теоретическому осмысливанию археологических фактов.

Известно большое значение проблемы этногенеза для изучения истории отдельных народов. Эта проблема в значительной мере решается на основе исследования археологических материалов. Поэтому совершенно естественно внимание, которое уделяют наши археологи и научные учреждения решению проблемы этногенеза. В курсе А. В. Арциховского этой актуальнейшей не только с научной, но и с политической точки зрения проблеме вообще не уделено никакого места.

Игнорирование проблемы этногенеза и крупнейших достижений советских археологов в ее разработке не могут быть оправданы никакими причинами, в том числе и краткостью курса.

В курсе А. В. Арциховского археологи-

ческие факты рассматриваются не только в отрыве от гражданской истории, но и вне связи с географическими, этнографическими и лингвистическими данными, что неизбежно приводит к их обеднению, к одностороннему, чисто внешнему вещеведческому освещению. Археологические памятники, рассмотренные вне связи с историей общества, их создавшего, вне связи с классовыми и социальными отношениями, перестают играть роль исторического источника и превращаются в простой каталог древностей. Таким образом, в курсе исчезает археология как историческая наука, в то время как выдающимся достижением советских археологов является именно постановка и разрешение крупнейших теоретических проблем на археологическом материале.

Все это чрезвычайно затрудняет усвоение курса студентами, не дает им понятия о развитии материальной культуры как об историческом процессе, имеющем свою внутреннюю логику и закономерность, и, кроме того, создает возможность ошибочного, искаженного понимания сущности различных исторических периодов.

Если для периода каменного века и бронзы в основу курса положена периодизация Энгельса, то по железному веку изложение материала ведется чисто механически, отсутствует единый исторический стержень, а между тем именно в этот период классового образования и классовой борьбы развитие материальной культуры особенно ярко отражает социальные отношения эпохи. А. В. Арциховский, описывая материальную культуру греческих и римских колоний Причерноморья, представляет их исключительно как очаги культуры и цивилизации, забывая о колонизаторском, захватническом характере деятельности этих иноземных насельников в Причерноморье, о давлении ими местной, автохтонной культуры.

По вопросу о происхождении славян автор курса ограничивается замечанием, что археология пока не дает ответа на этот вопрос, что совершенно недостаточно и неверно по существу. Многолетние исследования в этой области А. Д. Удальцова, П. Н. Третьякова, М. И. Артамонова, Б. А. Рыбакова, частично и самого автора курса, привели к существенному сдвигу в разрешении этого важнейшего вопроса.

Относительно роли монголо-татарского нашествия автор ограничивается одной фразой: «Монголы, могучие завоеватели, оставившие по себе страшную память на Руси и в Средней Азии, в Иране и в Китае, археологами не изучены». Страшный разгром русской материальной культуры, учиненный монголами, постепенное восстановление и развитие, шедшие бок о бок с освободительной борьбой русского народа против татарского ига, также не нашли своего отражения в курсе, между тем особенно наглядно они прослеживаются именно на вещественных, археологических памятниках эпохи.

Процесс экономического и политического объединения русских земель вокруг Москвы, создание русского национального государства — все эти процессы нашли свое отражение в постепенной и все более тесной унификации приемов производства, орудий труда и различных элементов материальной культуры, в создании, например, общерусского архитектурного стиля. Эти явления совершенно не показаны в курсе, несмотря на то, что по археологии Москвы автор доводит свое изложение до XVII в.

Число примеров может быть увеличено.

Курс лекций А. В. Арциховского не отражает современного состояния археологических проблем и крупнейших достижений советских археологов в разрешении серьезных теоретических проблем с позиций марксизма-ленинизма, а критика реакционных «теорий» буржуазных археологов в нем отсутствует.

В настоящее время на фоне расцвета археологической науки в СССР — курс лекций А. В. Арциховского особенно поражает своим голым вещеведением, т. е. безидейностью.

Помимо отсутствия хотя бы краткого историографического очерка, в курсе также совершенно не уделено внимания критике и обзору археологических источников.

История материальной культуры излагается автором отрывочно. В тех случаях, когда приводятся социально-экономические характеристики разбираемых обществ, они представляют собой, как правило, лишь готовые определения, сделанные на основании письменных источников и только проиллюстрированные археологическим материалом. Между тем необходимо было показать, какие выводы относительно общественно-экономического строя можно и нужно сделать на основании изучения именно археологического материала. В курсе даны мелкие подробности различных археологических открытий в Западной Европе, но отсутствует полностью описание материальной культуры таких важных областей, как территории наших Прибалтийских республик — Литовской, Латвийской и Эстонской. Это является серьезным пробелом, так как изучение материальной культуры Прибалтики, важное само по себе, должно сыграть серьезную роль в разрешении проблем славянского этногенеза.

Описание вещей в курсе носит музейный, а не историко-археологический характер, что является неправильным методологическим приемом, отрывающим вещи от истории процесса материального производства, их создавшего (например, перечисление названий и форм античных сосудов).

Огромный фактический материал, сконцентрированный в курсе, изложен фрагментарно, не связан между собой последовательным изложением истории процесса материального производства и соответствующих ему производственных отношений, а потому с трудом поддается усвоению студентами.

Основные недостатки курса А. В. Арциховского сводятся к следующему:

1) Аполитичность, безидейность преподнесения археологического материала.

2) Фрагментарность изложения, нагромождение археологических фактов, не связанных между собой общеисторическим стержнем.

3) Отсутствие историографического очерка, в котором было бы показано принципиальное различие между советской и буржуазной археологией и их методами исследования.

4) Отсутствие раздела, посвященного обзору и критике археологических источников.

5) Выпадение из курса таких важнейших проблем, как проблема этногенеза, археологии Прибалтики, влияния татарского ига на развитие русской материальной культуры и т. д.

К этим недостаткам можно еще добавить, что автор взял на себя задачу изложить курс всеобщей археологии на 15 печатных листах. Вместо этого следовало бы создать учебник «Основы археологии», построенный в основном на изучении богатейших отечественных памятников материальной культуры, что освободило бы курс от перегрузки фактическим материалом и

создало бы реальную возможность для устранения отмеченных выше недостатков.

Советские археологи, вооруженные знанием самого передового в мире марксистско-ленинского учения, подходят к разрешению крупнейших теоретических проблем на основании глубокого анализа фактического материала, подчиняя этот анализ задачам исторического исследования.

Курс лекций проф. А. В. Арциховского, несмотря на большой фактический материал, страдает безидейностью, а потому не отвечает требованиям, предъявляемым современному советскому учебнику по археологии, и, чтобы стать таким учебником, материал должен быть коренным образом переработан. В соответствующие разделы будущего учебника необходимо включить все последние достижения советской археологии. Выдающиеся марксистские исследования в различных областях истории материальной культуры, обширная эрудиция и острое самокритическое отношение к допущенным ошибкам дают основание надеяться, что проф. А. В. Арциховский справится с возложенной на него почетной задачей создания полноценного советского учебника по археологии.

А. Л. Монгайт и Г. Б. Федоров

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ИАН — Известия Академии Наук СССР. Отделение истории философии
ИЗ — Исторические записки
ИИМК — Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СЭ — Сообщения Эрмитажа
СА — Советская Археология
ТОВЭ — Труды Отделения Востока Государственного Эрмитажа
ТСА РАНИОН — Труды Секции Археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТФАН — Туркменский филиал Академии Наук СССР
УзФАН — Узбекский филиал Академии Наук СССР
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СООБЩЕНИЯ

Пленум ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР, посвященный археологии Средней Азии (март 1948 г.)	3
---	---

Доклады на пленарных заседаниях

<i>А. Н. Бернштам.</i> Советская археология Средней Азии	5
<i>С. П. Толстов.</i> Периодизация древней истории Средней Азии	18
<i>А. Ю. Якубовский.</i> Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.)	30
<i>А. Х. Мариулан.</i> Архитектурные памятники района рр. Кенгир и Сары-Су	44
<i>А. Ю. Якубовский.</i> Работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции 1947 г.	48
<i>А. Н. Бернштам.</i> Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае	54

Доклады на заседаниях секций первобытной античной и средневековой археологии

<i>А. П. Окладников.</i> Изучение древнейших археологических памятников Туркмении	67
<i>Т. Н. Книпович.</i> Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода	72
<i>В. Ф. Гайдукевич.</i> Керамическая обжигательная печь Музчак-Тепе	77
<i>А. М. Беленицкий.</i> О домусульманских культурах Средней Азии	83
<i>Е. И. Агеева.</i> Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Кара-Тау	86
<i>М. М. Дьяконов.</i> Керамика Пайкенда	89

Доклады на заседаниях секций эпиграфики, нумизматики, архитектуры

<i>В. А. Крачковская.</i> Эволюция куфического шрифта в Средней Азии	94
<i>О. И. Смирнова.</i> Согдийские монеты из раскопок в Пянджикенте	97
<i>Н. Н. Забелина.</i> Новая монета с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ	101
<i>В. Л. Воронина.</i> Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии	103
<i>Б. В. Веймарн.</i> Изучение орнамента Хивы XIV—XIX вв.	110
<i>Н. В. Черкасова.</i> Памятники резьбы по дереву в Хиве	115

II. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>С. В. Киселев.</i> В. И. Равдоникас «История первобытного общества», часть II.	117
<i>А. Л. Монгайт и Г. Б. Федоров.</i> А. В. Арциховский. «Введение в археологию», изд. 3-е	123

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор Издательства С. Т. Попова. Технический редактор Е. В. Зеленкова. Корректор В. К. Гардин
РИСО АН СССР № 3452. А-9118. Издат. № 1964. Тип. зак. 2283. Подп. к печ. 29/VII 1949 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 8. Уч.-издат. 11,5. Тираж 2000

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
35	21 сн.	тахаридах	тахиридах
80	15 и 18 сн.	(рис. 196)	(рис. 19)
82	7 сн.	в	и
83	23 сн.	зороастризма	зороастризма
87	8 сн.	гребенкой	гребенкой
112	8 сн.	разных	резных
121	Лев. колон. 28 сн.	не других	на других
125	Лев. колон. 16 сн.	важнейшему	важнейшего

Краткие Сообщения ИИМК, т. XXVIII